

САША ФИЛИПЕНКО
ТРАВЛЯ

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ ПРЕМИИ»
2014

Коллекция 2011

Самое время!

Саша Филипенко
Травля (сборник)

«WebKniga»

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

Филипенко С.

Травля (сборник) / С. Филипенко — «WebKniga»,
2016 — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-1483-8

Саша Филипенко, как всегда (читай «Бывший сын» и «Замыслы»), актуален, наблюдателен, остроумен и – лаконичен. Ему снова удалось упаковать в небольшую книжку полноформатный остросюжетный роман. Конечно, налицо навык телевизионного сценариста Первого канала и «Дождя», но чувствуется и другое: герои Саши Филипенко – его ровесники и современники. Музыканты, футболисты, журналисты, политтехнологи... Им не повезло с эпохой. Они остро ощущают убегающую молодость, может быть, поэтому их диалоги так отрывочны и закодированы, а их любовь не предполагает продолжения. «Травля» – это история о том, что цинизм и ирония – вовсе не универсальная броня. И что попытка проскользнуть между совестью и подлостью может закончиться СМС на экране телефона: «Он vybrosil rebenka iz okna (((...».

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1483-8

© Филипенко С., 2016
© WebKniga, 2016

Содержание

Травля	6
Вступление	6
Экспозиция	8
Главная партия	8
Связующая партия	26
Побочная партия,	36
Сдвиг	49
Заключительная партия	59
Разработка	64
Реприза	72
Связующая партия	80
Побочная партия	80
Заключительная партия	82
Кода	82
Дерьмовый человек	85

Саша Филипенко

Травля (сборник)

© Саша Филипенко, 2016

© Валерий Калныньш, оформление и иллюстрация обложки, 2016

© «Время», 2016

Травля роман

Соната (итал. sonare – звучать) – жанр инструментальной музыки, а также музыкальная форма, называемая сонатной формой. Сочиняется для камерного состава инструментов и фортепиано.

Вступление

После обеда в саду устраивают викторину. Репетиторы ставят Россию, девятнадцатый-двадцатый век. Под аккомпанемент цикад звучат Мусоргский, Чайковский и Кюи. Всего одну ошибку допускает Лиза. «Остров мертвых» спутан с «Симфоническими танцами». «Рахманинов бы простил», – шутит вывезенный на лето педагог Гнесинки. Серебро достается Павлу. Он не узнает «Хор бояр» и «Любовь к трем апельсинам». Старший и младший, Александр и Анатолий, сдают пустые листы. Саша только что вернулся с тренировки, Толя не может оторваться от компьютерной игры.

Ужинать садятся на исходе седьмого. Из колонок фонят «Подмосковные вечера». Выписанный повар подает морские фрукты. Павел хвастает, что, съездив в Антиб, выторговал у месье Гийома три бутылки по шесть тысяч каждая. Александр молчит. Толя играет. Мама замечает, что торговаться – низко, ибо французы – эти шарманщики со швабрами сами знаете где – могут болтать, будто все русские – торгаши.

Отужинав, садятся к телевизору. Большой плоский экран стоит здесь же, в саду. Провода переплетаются с зеленым шлангом. Над экраном кружит пчела.

Отца слушают молча, как никогда внимательно. Папенька прогнозирует неминуемый крах общества потребления, рассказывает о неэффективности демократии и настаивает на необходимости изменить мир на основе православных принципов. Отвечая на вопрос журналистки (чрезвычайно красивой и фатально глупой проходной любовницы знакомого министра), папа заявляет, что санкций не боится, никакой недвижимости за границей у него нет, а единственное его богатство – Русь. Дети смеются. Мама становится хмурой.

Следующий день решают провести в море. Волны синие, выпцветающие к горизонту. То тут, то там, словно выдавливая пасту из тюбика, оставляют длинные белые ленты яхты. Лежа на корме, Лиза и Павел обсуждают заходящие в аэропорт Ниццы самолеты. Элизабет подсчитывает джеты, Поль берет на себя «нищевродов», калькулируя «аэробусы» и «боинги».

- Знаешь, почему папа римский крестится всякий раз, когда выходит из самолета?
- Ну и почему?
- Потому что, если бы ты летала «Алиталией», ты бы тоже крестилась!

Мама и Александр отдыхают на вертолетной площадке. Маленький Анатолий сражается с компьютерными монстрами. Перерезая желтую букву «Н», стоят три лежака. Мама в шляпе, полям которой позавидовал бы сам Сатурн, Александр в велосипедной кепке с задранном козырьком.

На соседней яхте старательно загорает депутат-неонацист. Его развлекает известный писатель. По яхте бегают дети литератора и их гувернантки. Писатель старательно просит денег. Депутат, в общем-то, и не против, но получает некоторое удовольствие от лингвистического топтания автора. Море хорошо разносит звук.

- Господи, если он сейчас ему не отстегнет, – я сама ему заплачу!
- Ты читала, что сегодня пишут про нас?
- Читала...

Александр имеет в виду текст, который появился в сети всего несколько часов назад. После чересчур патриотичного выступления отца в блоге известного журналиста опубликована статья, в которой, в частности, приведена информация о некоторых (пускай и незначительных) счетах и прибрежных домах. Кроме всего прочего, в публикации указаны актуальные места обучения Лизы, Павла и Анатолия. Два парижских лица и школа озвучены верно. О том, что Александр играет в низшем футбольном дивизионе Франции, автор почему-то не пишет.

- Думаешь, отец поплатится за свои слова?
- Скорее за них ответит тот, кто все это написал.

Экспозиция

Главная партия

Главная партия – важная составляющая экспозиции. Она – основа будущего конфликта и развития. И пока Славиньи загорают на палубе, мелодия переносит нас в будущее, где мы впервые слышим мотив травли.

Яма вырыта. Экскаватор опускает сваю. Словно молоко в чашу, в свежерытую могилу заливается туман. Вокруг – тишина. Ни домов, ни линий электропередачи. Лаконичная бесконечность: темный лес да серые облака.

Условия следующие: в каждом подходе будет не больше двух собак. Медведя пристегнут к столбу за заднюю лапу. Когти обрезать не станут, клыки тоже. Свора выиграет, когда косолапый окажется на спине или, что естественно, сдохнет.

– Давайте хотя бы ослепим его! При таких поблажках он нам всех собак перебьет!

– Нет!

Шеф против. Правила есть правила. В наших руках термосы, в запотевших джипах собаки. Пора начинать.

Запускают первую пару. Их хозяин скалится, потирает руки, думает, что медведю хана. Кретин. Он даже не подозревает, на что способен загнанный в угол зверь. Хотя мог бы и знать, ведь приглашенный гость – следователь по особо важным делам. Вероятно, про допросы ему известно больше.

Обрывается тишина. Собаки лают, бросаются на медведя и тотчас отступают. Выгибают спины и огрызаются. Дыбом стоит шерсть. У нас пузырьки по коже. Мы видели это не раз, но в первые минуты всегда так. Потрясающе страшно. Глухо рычит прикованный зверь. Он поднимается на задние лапы, но не может атаковать. Все, что ему сегодня позволено, – до последнего умирать. Шеф улыбается.

Включается мясорубка. Продолжается бой. Визжит первая переломанная надвое сука. Бурлит кровь, вываливаются кишки. Кишки розовые, гораздо светлее, чем кровь. Мы улыбаемся, потому что мишка хороший. Нам нравится этот зверь – жаль только, что он погибнет так скоро. Перед мастифами мы даже просим отпустить его, но шеф не разрешает...

Косолапого закапывают в полдень. Таксидермистам здесь делать нечего. Мишка порван вдоль и поперек. Как-то жалко его даже... хороший был зверь, боевой...

Мы возвращаемся в машины, включаем радио. Лев Лещенко поет:

На трибунах становится тише,
Тает быстрое время чудес,
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.
Не грусти, улыбнись на прощание,
Вспоминай эти дни, вспоминай,
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи нам всем пожелай.

пауза

В этом отрывке мы знакомимся с Марком Смысловым, известным виолончелистом, который и исполнит для нас это произведение.

Железнодорожный вокзал столицы моды. Трехсотпятидесятиметровый стальной купол. Символ мощи режима Муссолини, со временем модулировавший в родственную красоте тональность. Мы бежим по платформе. Поезд вот-вот тронется. Я с виолончелью и книгой, Федор с чемоданом и пятилитровой бутылкой вина, которую здесь называют bambino. Одному богу известно, зачем она ему такая нужна.

Друг едва поспевает за мной – еще в консерватории Федя получил прозвище Центнер. В конце концов, Федя врывается в меня. Бутылка падает на платформу. По земле разливается красное вино.

– Марк, я больше не могу! Я сейчас сдохну! Прошу тебя – дай паузу!

– Я-то дам – поезд вряд ли...

Милан – Лугано. Всего час в пути. Выборочный паспортный контроль, кусочек Комо в окне. Возможность проверить собственный вестибулярный аппарат, когда на территории Швейцарии вагоны начинает покачивать.

Центнер что-то болтает, я молчу. Друг пытается разговорить меня, но это бесполезно. Говорить не хочется. Я вдруг вспоминаю рассказ брата и передаю Феде айпад. Пять открытых «окон», столько же разгромных статей. Я вспоминаю свое предыдущее выступление здесь, в Лугано. Тогда меня назвали главным разочарованием 2015 года. Местные критики считали, что я слишком переоценен. Сочувствовали Баху. Во всех рецензиях утверждалось, что соната была сыграна чересчур медленно, многозначительно и совершенно растерянно. Все так, только вряд ли критики подозревали, что произошло в тот день.

пауза

Несколько тактов, которые возвращают нас на Лазурный Берег.

Загорая на палубе, Александр думает о Себастьяне, юном работнике музея Марка Шагала в Ницце. Саша чувствует, что влюблен. На прошедшей неделе, желая открыться и удивить возлюбленного, Александр наконец пригласил Себастьяна в семейное имение близ Жуанле-Пена. Взяв молодого человека за руку, Саша показал своей мечте картину Шагала. Естественно, оригинал.

– Откуда она у вас?!

– Папа притащил.

– Твой отец коллекционер?

– Не совсем – он одноклассник известного политика.

– Это профессия?

– В России – да.

– И он может позволить себе такие покупки?

– Официально картина записана на маму.

– А она кто?

Александр понимает, что правда о его семье вряд ли добавит бонусных очков, но желание быть откровенным с парнем, который посещает все его матчи, перечеркивает прочие «нет».

– Представь себе реликтовый лес. В лесу с советских времен стоит дом престарелых. Земля дорогая, но стариков просто так не выкинуть. Можно, конечно, имитировать пожар, но... В общем, есть человек, он, кстати, живет в двух виллах от нас, который, послав своих верных оруженосцев, находит в доме престарелых чуму или птичий грипп. Учреждение, которое стояло полвека, после его постановления закрывают в срочном порядке. Инвалидов и стариков расселяют. Здание сносят. Якобы зараженный реликтовый лес вырубает. На месте снесенного дома вырывают огромный котлован. В него закапывают хренову тучу дерьма – в нашей стране вопрос переработки мусора до сих пор не решен. Землю выравнивают и на месте дома престарелых, поверх помойки, строят поселок элитного жилья – лес-то заповедный. Моя мама зарабатывает на всех этапах. Это один из многих источников ее дохода. Папа, как государственный служащий, зарабатывать на этом не имеет права. Теперь ты знаешь, откуда у нас Шагал.

Член коммунистической партии Ниццы, Себастьян не отвечает на звонки. Три дня. Разглядывая облака, Александр думает, что с правдой, вероятно, стоило повременить. Правда никогда никому не нужна. Правда – удел людей с совестью, которые не представляют, как с ней жить. От правды бывают лишь горести. Саша чувствует, что правда – всегда лишнее.

С закатом возвращаются домой. В саду вибрируют насекомые. Как пугало на ветру, позвякивает золотыми браслетами мать. Лиза продолжает проситься в Париж, Поль, стоя перед зеркалом, то поднимает, то опускает воротничок. Толя переходит на новый уровень, убивая «главного босса». Александр собирается в Ниццу, но объяснить с другом так и не успевает – звонит отец. Мать слушает супруга около минуты, после чего по бронзовой скульпе начинает катиться слеза.

- Саша, прикажи собрать наши вещи, мы едем в Москву, отец желает предьявить нас.
- Ну я-то не поеду – у меня игра!
- Ты едешь с нами – отец сказал, что собирается приобрести тебя...

пауза

***Тот самый момент, когда в сонате впервые звучит
голос Антона Пятого, журналиста и молодого отца.***

Антон входит в кабинет, садится за стол. Компьютер, тетради, привезенные из Сан-Себастьяна фигурки Дали и Пикассо. Все теперь кажется ему новым и странным. Только в этот момент он замечает, что приехал из роддома в бахилах. Антон улыбается собственному потрясению. Раскрыв лэптоп, он печатает:

«Это первый текст, который я не стану публиковать. Эти слова для тебя, родная. Ты родилась всего несколько часов назад. Мы с мамой еще даже не придумали тебе имя. Мне нравится имя Лера, маме – Анастасия. Судя по родам, ты у нас будешь с характером – ты все никак не хотела появляться на свет.

Читая этот текст, ты в жизни не поверишь, что твой отец журналист. Мне сейчас не до языка. Все это не укладывается в голове! Мне кажется, что и говорить-то я научился мгновение назад. Совсем другой смысл обретают все на свете слова. Я и не знаю, что тебе написать, милая. Все это так тепло и странно. Ну, улыбаюсь я как дурак сейчас, это да...

Сегодня я впервые держал тебя на руках. И это что-то невообразимое! По всему моему телу разлились мурашки. Я очень-очень тебя люблю! Я испытываю эмоции, которые до этого момента не испытывал никогда! Сложно поверить, что море, которое сейчас переполняет меня, могло поместиться в груди.

Твой папаша, конечно, расплакался. Сестра в роддоме сказала, что отцы теперь «совсем не то». Слишком чувствительные все стали. Я все просил хотя бы еще минуточку тебя подержать, но старуха буркнула, что еще успею. А мне и правда так нравится тебя обнимать! Кажется, я мог бы делать это всю жизнь!

Сейчас я дома. Совсем один. Здесь тишина. Эти стены еще не слышали твоего голоса. Ты приедешь сюда только завтра. Тебя уже ждет кровать и твой первый медведь!

Ну, добрых снов, моя любовь! Ты пока засыпай, а я (скажу по секрету) еще поработаю. Даже мама пока не знает – мне в голову пришла идея одного рассказа, и я хочу поскорее его написать!»

пауза

Еще несколько аккордов, смысл которых нам станет понятен чуть позже.

Данное судебное разбирательство, как и все значимые дела того времени, транслировалось в прямом эфире. Опустив затянувшуюся экспозицию, я хочу перейти к тому моменту, когда государственный обвинитель продолжил допрос:

– Итак, соизвольте рассказать мне, что означал ваш пост?

– Ничего.

– Вы хотите убедить нас, что опубликовали пустое сообщение просто так, безо всякого умысла?

– Да.

– Значит, мы, по-вашему, должны поверить, что автор с тремястами тысячами подписчиков публикует пустое сообщение, ничего под этим не подразумевая?!

– Именно.

– Вы держите нас за дураков?

– Никак нет. Более того, мне видится, что не только я посылаю публике пустые сообщения. Наш Император говорит слова, которые ничего не означают, его свита выдумывает законы, в которых нет смысла, наши журналисты...

– Отвечайте по существу! Я еще раз вас спрашиваю, чем вы руководствовались, когда публиковали в своем блоге пост, не содержащий в себе ни одного символа?

– Мне просто хотелось посмотреть, к чему это приведет.

– Ну что же... Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено. Ваша честь, могу ли я закончить выступать в роли адвоката и, став обвинителем, пригласить в зал потерпевших?

– Можете.

Здесь стоит отметить, что в момент, когда проходит данное судебное разбирательство, в стране, где проходит данное судебное разбирательство, уже десять лет как проведена судебная реформа, главным итогом которой стала оптимизация кадров судопроизводства. Как результат: прокурор и адвокат стали одним субъектом судебного процесса. Данное решение было принято подавляющим большинством голосов и весьма нравилось судьям, чей рабочий день, выражаясь языком нормативным, стал «гораздо более замечательнее».

Потерпевших представляла группа верующих, чьи чувства были оскорблены. Они пришли в зал с плакатами и говорили заученными фразами, что, безусловно, нравилось телезрителям.

– Что вы почувствовали, когда прочли данный пост?

– Мы оскорбились!

– Что именно оскорбило вас в этом сообщении, ведь известно, что оно не содержит в себе ни одной буквы.

– Именно это нас и оскорбило! Нас поразила изощренность, с которой автор данного, с позволения сказать, текста решил поиздеваться над нами. Наверное, этот человек думал, что если опубликует пустое сообщение, то мы не поймем, что он издевается именно над нами, но мы ведь тоже не пальцем деланные, ваша честь! Мы сразу поняли, что этот подонок решил поглумиться над нашей верой!

– Продолжайте...

– Признаться, мы долго совещались – стоит ли вообще подавать иск на этого ублюдка? Мы ведь люди высокодуховные. Мы могли бы стерпеть и даже простить подлеца, но в конце концов мы решили, что весь ужас и трагедия состоят в том, что оскорблены не только наши чувства, но чувства миллионов верующих, которые, в отличие от нас, не могут постоять за себя. За этим иском стоит не столько наша обида, сколько ответ истинных патриотов веры!

– Скажите, пожалуйста, что вы почувствовали, когда увидели, что тысячи людей начинают делать перепосты данного пустого сообщения?

– Ох... что и говорить... тут нам стало совсем худо... Признаться, это было, пожалуй, самым тяжелым испытанием, даже тяжелее самого поста! Одно дело, когда это делает один человек, потому что он может быть либо глупец, либо подлец, который получил западные деньги, но совсем другое дело, когда против истинно верующих выступает армия сговорившихся гиен. У нас нет никаких сомнений, что каждый, кто лайкнул или распространил данный пост, является соучастником преступления.

– Это будет решать суд!

– Да, да, ваша честь, простите! И все же, если позволите, то до того, как начнется интернет-голосование и телезрители станут выбирать меру пресечения, нам бы хотелось обратить внимание на цинизм, с которым была исполнена данная провокация. Думаю, ни у кого здесь нет сомнений, что все содеянное неслучайно. Публикуя этот пост, его автор хотел не только посмеяться над верующими, что еще можно было бы простить, потому что все мы здесь люди добрые и умные, но что самое мерзкое – автор хотел посеять пустоту в сердцах неукоренившихся людей. Это удар не только по верующим, но удар прежде всего по нашей молодежи, по нашему будущему, которое у нас хотят отобрать страны Запада. Только с нами такой фокус не пройдет, ваша честь! Мы этих уродов сами поимеем!

– Протестую! Никого вы здесь, как вы выразились, иметь не будете! Наш зритель сам разберется, тянет данное преступление на повешение или расстрел! Я, как человек, который клялся блюсти закон, не позволю реваншистам завладеть фемидой и, тем более, общественным мнением!

– Простите, товарищ прокурор...

– Никаких «простите»! Я не позволю! Слышите? Не позволю! Более того! Я вот сейчас вас внимательно слушал и несколько раз услышал из ваших уст слова «простите», «прощение», «простить», а между тем наш суд славится своей точностью, объективностью и непоколебимостью! И я не допущу здесь подрывной деятельности и смещения акцентов! Я вижу, как вы требуете сурового наказания, но вместе с тем допускаете эти никчемные словечки о прощении, понимании и, стыдно сказать, любви! Это суд, а не мыльная опера! Я предупреждаю вас: следите за языком! И вот еще что. Думаю, вина исполнителя доказана. Здесь двух мнений быть не может, с этим разобрались. Более того, я бы хотел, чтобы мы не забывали об отягчающем обстоятельстве – автор данного поста не закрыл его, позволив делать перепосты, и тем самым коварно подстрекал людей к распространению пустоты... Но это так, дополнение. Интересно

другое! Где проходит граница между преступлением автора и людьми, распространившими эту мерзость?! Лично я твердо убежден, что каждый, кто сделал перепост данного сообщения, автоматически становится автором данного сообщения. Более того, так как размножался не текст как таковой, но пустота, всякий, кто делал этот перепост, не продолжал начатое, но создавал новое. Налицо преступление, совершенное группой лиц. Здесь я хочу пояснить телезрителям, которые не так часто смотрят нашу программу, что преступление, совершенное группой лиц, считается более тяжким правонарушением, чем преступление, совершенное одним субъектом. В связи с этим я считаю, что наказание должны понести все, кто сделал перепост. Безусловно, стоит понимать, что на субъектах, совершивших это преступление, лежит разная степень ответственности, поэтому я предлагаю приговорить автора пустого сообщения к двум высшим мерам наказания, а всех, кто ставил лайки и делал перепосты, – к одной.

– В общем-то мне симпатична ваша точка зрения, дорогой прокурор, тем более что мы недобираем по эфиру четыре минуты, и все же, как судью, меня смущает вот что: вы предлагаете призвать к ответу каждого, кто нажал на кнопку «мне нравится»...

– Каждого, ваша честь!

– Не перебивайте! Но как же нам быть с теми, кто лайкнул этот пост, скажем, случайно?

– Никаких «случайно», ваша честь! Если и допустить, что кто-то из двухсот тысяч подозреваемых лайкнул пост случайно, то у этого гражданина, несомненно, было время убрать свой лайк и уж тем более не делать перепост. Более того, у меня в руках флешка, на которой содержатся сведения о двухстах тысячах пользователей, которые, поставив лайк и сделав перепост, не предприняли ровным счетом никаких действий, чтобы изменить ситуацию.

– Были ли люди, которые отменили свои лайки?

– Да, ваша честь, таких около двадцати.

– Оказывалось ли на них давление?

– Простите мне мою улыбку, ваша честь, но вы ведь сами прекрасно знаете, что в нашей стране недопустимо давление! Я, честно говоря, давно не слышал такой смелой глупости.

– Поосторожнее в выражениях – я могу не пропустить вас в следующий сезон.

– Простите-простите, ваша честь, я просто немного удивлен вашим вопросом. Безусловно, эти люди сделали все по собственной воле, вовремя осознав, что их пост может оскорбить чувства верующих.

– Привлечены ли эти люди к ответственности?

– Никак нет, ваша честь.

– Хорошо, мне подсказывают, что мы сейчас должны уйти на рекламу, а после, в связи с только что открывшимися обстоятельствами, задержимся в эфире еще как минимум на час. Нашим же телезрителям я напоминаю, что уже сейчас начинается голосование, в ходе которого каждый из вас может выбрать меру пресечения автору пустого сообщения. Я также напоминаю, что все обвинительные приговоры абсолютно бесплатны; если же вы хотите вынести оправдательный приговор, то с суммой такого вердикта вам стоит ознакомиться на страничке тарифов вашего оператора. Не переключайтесь!

пауза

Говорит исполнитель.

На перроне мы узнаем, что озеро вышло из берегов. Маленькие пирсы скрылись под водой. Выше обычного поднялись катамараны. Набережную затопило. Машина, которая должна была нас встречать, где-то застряла. Глядя на нашу обувь, сотрудник фуникулера советует спуститься в город на такси. Я против, потому что прекрасно помню, что гостиница неда-

леко, но Федя говорит «si». Путь от вокзала до отеля занимает полторы минуты. Таксист улыбается, Центнер отсчитывает тридцать франков.

На этот раз номер оказывается просторным. Вид на озеро и горы. Это, безусловно, самый красивый и печальный пейзаж, который я когда-либо наблюдал.

В моей голове «Лебедь» Сен-Санса. Обычно я исполняю его на бис. Всегда, но только не в тот вечер – в тот вечер я сбежал со сцены.

Центнер присылает сообщение: «Жду в лобби». Я ставлю виолончель на ребро и спускаюсь вниз. Выхожу на улицу. Буквально на минуту. В вышедшем из берегов озере Лугано утопает все. Сейчас мне необходимо побыть одному. Последний прогон. Я всегда так делаю, перед каждым выступлением. Всю программу, от начала и до самого конца. Обязательно без инструмента. Гриф мне заменяет левая рука. Я кладу кисть на плечо и стучу пальцами от локтя к костяшкам. Виолончель я беру в руки лишь перед выходом на сцену. Впрочем, за сегодняшний концерт можно не беспокоиться. Такие потрясения не повторяются. Сегодня вечером я буду блистать.

пауза

К поездке в Россию решают отнестись с юмором. Все, кроме Александра. Саша в ярости. Несколько дней он проводит в клубе, пытаясь уговорить президента не продавать его.

– Старик, ты издеваешься?! Нам ни за одного игрока столько не заплатят! Этот трансфер войдет в историю нашего клуба! Мы наконец отремонтируем стадион!

– Вы понимаете, что продаете меня собственному отцу?

– Конечно, понимаем, кто бы еще отвалил за тебя такие деньги?!

– Вы же выставляете меня полным посмешищем!

– Ну почему же? Посмотри на это с другой стороны: ты будешь играть в высшей лиге, уж твой-то отец наверняка забронирует тебе место в основе! Того гляди, дорастешь до сборной!

– Да плевать мне на Россию. Я хочу играть за сборную Франции!

– Только если по петанку, мой дорогой!

В связи с папиным (совершенно неожиданным) запретом на использование джета летят первым классом. Поль предлагает выкупить все билеты, и Лизе эта идея чрезвычайно нравится – Лиза любит все покупать. Путешествуют в полупустом самолете, и все же присутствие незнакомых людей, особенно русских, немного смущает. Александр ищет в «Лекипе» новости о своем переходе, мама воспитывает стюардесс.

Во время захода на посадку мама вдруг вспоминает про младшего. «Где Толик?!» – «Он здесь, не беспокойтесь», – отвечает гувернантка.

Садятся мягко. После паспортного контроля обсуждают пограничников.

– Саша, ты это видел?

– Ни дать ни взять выпавшее звено эволюции.

– Интересно, а этим хмырям специально запрещают улыбаться?

– Зато у тебя нет никаких сомнений, что ты оказалась в России. Смотришь на это рыло, и сразу понятно – добро пожаловать в великую страну!

Журналистов оказывается много. Глядя в одну из камер, мама с улыбкой заявляет, что никакой недвижимости у семьи Славиных за границей нет. Семья была на отдыхе, навещала сына, который, кстати сказать, играл во Франции, но уже сегодня, как вы знаете, переходит в столичный клуб.

Дорога в новый дом занимает всего полчаса. Синие маячки – вещь полезная. Разглядывая фонтан, Лиза интересуется соседями. Соседями оказываются все те же. «Ну надо же! Все прямо как во Франции!»

Спят плохо. Мама пишет продавцу вина месье Гийому, Александр отправляет сообщения Себастьяну. Французы не отвечают. В пять утра на площадке перед домом садится вертолет. Дети выбегают встретить главу семейства, но после «ночного совещания» папенька говорить не может – папу несут.

Завтракают молча. Все, кроме Александра, внимательно слушают сражающегося с похмельем отца:

– Я вам обещаю, что долго это не продлится. Пока же я прошу вас почаще появляться на публике. Ходите в кино, рестораны, салоны красоты. Тратьте деньги. Мне важно только, чтоб о вас заговорила Москва. Дети пойдут в школу, ты, Александр, обещаю, будешь играть.

– Да с ними-то все понятно, но я-то что здесь делать буду? – раздраженно вставляет мать.

– Родину будешь любить, сука! – бросая хлебный мякиш в жену, со злой улыбкой отвечает отец.

пауза

– Во время рекламы мы получили достаточное количество сообщений, а потому спешу обрадовать вас – приговор приведен в исполнение! Автор казнен! Запись расстрела уже через несколько секунд будет опубликована на сайте нашего телеканала. Я также напоминаю вам, что, если вы являетесь приверженцем хорошего качества, то полную версию приведения приговора в исполнение можете посмотреть на телеканале «Казнь-HD». Напоминаю также, что функции ваших социальных очков позволяют разделять экраны, и, наблюдая за расстрелом, вы по-прежнему сможете следить за перипетиями нашего процесса. Впрочем, не будем буксовать! В данный момент по всей стране идут аресты. Граждане, которые ставили лайки и делали перепосты пустого сообщения, в самое короткое время предстанут перед судом. Насколько я понимаю, к этой минуте уже арестованы сто двенадцать тысяч человек. Эта цифра постоянно растет, и я смею полагать, что уже к концу этого часа мы сможем с радостью объявить, что всякая сделавшая перепост мразь задержана. Пока же я хочу дать слово адвокату, представляющему интересы обвиняемой в сговоре группы лиц.

– Мне нечего сказать, ваша честь. Я бы продолжил выступать в качестве прокурора.

– Понимаю. Продолжайте!

– Спасибо, ваша честь! Итак, налицо преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Преступление подлое, циничное, исключительно коварное. Нет никаких сомнений, что речь идет об устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для совершения данного преступления...

– Возражаю!

– Адвокат, конечно, может и возражать, но я в таком случае его спрошу: какие два понятия характеризуют организованную группу?

– Предварительная договоренность и так называемая устойчивость.

– Чем характеризуется устойчивость?

– Устойчивость как признак организованной группы заключается в установлении между соучастниками тесных связей, неоднократности контактов для уточнения и проработки будущих действий. Между соучастниками возникают особого рода отношения по взаимодействию в ходе совершения преступления.

– Отлично. Являются ли подозреваемые друзьями в социальных сетях?

– Многие – да.

– Можем ли мы сказать, что социальные сети – это особый род отношений?

- Можем...
- Станете ли вы, дорогой адвокат, отрицать, что организованная группа обладает бо́льшей общественной опасностью?
- Нет, не стану.
- Вот и славно! Тогда давайте продолжим по пунктам. Думаю, вам прекрасно известно, что на устойчивость группы может указывать множество признаков. Я не буду утомлять наших телезрителей, а потому перечислю лишь несколько. Например, одним из признаков организованной группы является длительность существования. Сколько существуют социальные сети?
- Десятки лет...
- Еще одним признаком является наличие руководителя... Был ли человек, который придумал и стал руководить социальной сетью?
- Был...
- Отлично. Идем дальше. Еще один признак – единство способов преступной деятельности. Правильно ли я понимаю, что все подозреваемые сделали перепост?
- Правильно...
- Очень хорошо! И вот еще – техническая оснащенность группы. Не ошибусь ли я, если скажу, что каждый участник группы обладал устройством, посредством которого мог сделать перепост пустого сообщения?
- Не ошибетесь...
- Не знаю, нужно ли мне продолжать, дорогой адвокат, но, чувствуя свою ответственность перед нашими телезрителями, я, пожалуй, задам вам последний, подытоживающий вопрос. Могли бы вы перечислить нам способы доказывания?
- Подтверждение того, что обвиняемые были группой?
- Именно! Не стройте из себя дурачка, господин адвокат!
- Их множество. Длительное совместное знакомство, родственные связи, единство связей на основе национального признака...
- Вот-вот! Являются ли подозреваемые гражданами нашей империи?
- Являются...
- Спасибо!
- Так, друзья, хватит! Мне, как судье, совершенно очевидно, что подозреваемые виновны. Впрочем, дело за присяжными и телезрителями. Напоминаю, если вы считаете, что все двести тысяч подлецов должны понести наказание – можете ничего не делать. Как и в других случаях, согласно устоявшейся в нашей стране традиции, ваше бездействие будет расценено как согласие с судом. Если же вы считаете, что двести тысяч подонков должны быть спасены – отправьте нам сообщение. Напоминаю, что в таком сообщении вы должны указать свои инициалы, год рождения, номер паспорта, место фактического проживания и размер одежды... Ну что же, а мы вновь уходим на рекламу – не переключайтесь!

пауза

Важный эпизод главной партии, в котором кое-что начинает проясняться.

Сегодня вечером я дам лучший концерт в своей жизни. Я буду сдержан, последователен и почти незаметен. Важно звучать не самому, но дать зазвучать голосу композитора. Я дождусь, когда в зале повиснет тишина, и вступлю:

– Месяц назад мне позвонил Лев, мой старший брат. Я был немного удивлен, потому что мы никогда особенно не общались. Знаете, десять лет – плохая разница. Говорят, что между братьями должно быть гораздо меньше. Единственное, что у нас было общего, – голос.

В последние годы Лев жил отдельно. Раз в год приезжал на день рождения мамы, раз в месяц, пока в этом была необходимость, переводил нам деньги. Я часто бывал с концертами в Москве, но брат никогда не посещал их. Лишь однажды, как раз за неделю до этого звонка, он появился на моем выступлении, но и тогда ушел уже во время второй части. Если честно, я был уверен, что его звонок вызван именно этим. Вероятно, подумал я, брат решил извиниться, но нет, оказалось, что нет...

Брат позвонил в субботу. Я был уже здесь, в Лугано, готовился к воскресному концерту.

– Ты в Швейцарии? – спросил Лев.

– Да, – ответил я.

– В Лугано, да?

– Да. Ты чего звонишь? Что-то с мамой?

– Нет-нет! С мамой все хорошо! Не беспокойся! Но вот то, что ты в Лугано, – это очень хорошо! Не планируй ничего на завтра! Я тоже прилечу. Нам нужно поговорить.

– Может, перенесем все на послезавтра?

– Нет! Послезавтра меня уже не будет...

– Где тебя не будет, Лев?

– Нигде!

Я ничего не понял, но насторожился. Знаете, больше всего меня удивил не звонок даже, не это странное «послезавтра меня уже не будет», но интонация, звукоизвлечение, с которым говорил брат. Лев всегда был человеком шумным, веселым, в какой-то степени даже дерзким, он никогда бы не стал просить о встрече таким тихим, кротким, будто остигато пиано, тоном...

На следующий день он действительно прилетел. Лев выглядел растерянным. Ну, может и не растерянным, но, во всяком случае, чем-то озадаченным. Признаться, я смотрел на него как замороженный. Вся эта ситуация, безусловно, очень заинтриговала меня. Судите сами: мой брат не разговаривает со мной годами и вдруг прилетает в Швейцарию.

– Что стряслось-то, Лев?

Брат улыбнулся. Печально. Не мне, но будто самому себе. Пока разливали напитки, мы молчали. Затем я поднял бокал, но Лев отказался чокаться.

– Ладно, давай к делу, – спокойно начал он. – Завтра утром меня уже не будет. Сейчас я тебе все расскажу, и мы разойдемся по номерам, хорошо?

– Что значит «не будет», Лев?

– Не будет – значит, не будет. Пожалуйста, не ори!

– «Лев, что ты несешь?!»

– Прошу тебя, помолчи. Завтра, предупреждаю сразу, будет нелегко. Тебе в первую очередь. Ты у нас парень впечатлительный.

– Лев, ты можешь мне объяснить, что происходит?!

– Если не будешь перебивать – объясню! Давай лучше выпьем...

– Но за что, Лев?!

– За знакомство, брат, за знакомство!

Мы выпили. Лев взял в руки телефон, набрал чей-то номер и сказал, что освободится через несколько часов. Женский голос в трубке оказался весел. Хороший знак, подумал я, все еще обойдется...

– Знаешь, – продолжил Лев, – я все никак не мог решить, когда же начинается моя история? Рождение? Школа? Переезд в столицу? Как там это у вас называется в музыке? Увертюра? Вступление? Затакт?

– Лев, прошу тебя, не тяни!

– Хорошо, хорошо... В общем, теперь я, кажется, понимаю, что это год 1998-й... Да, именно 98-й...

И Лев начал свой рассказ.

– Год идет обычный, год идет рядовой: дипломаты подписывают бессмысленные соглашения, футболисты забивают судьбоносные голы. Мужья изменяют женам, дешевет красная икра. Как и в любой другой год, падают самолеты «Эйрфранс» и в Мекке давят паломники. Мне тринадцать, тебе три. Мы живем себе без бед, но в один прекрасный день на страну обрушивается ураган, а вслед за ним и дефолт.

Как сейчас помню: я спотыкаюсь на входе в кухню – бабушка и мама плачут. Что случилось, спрашиваю – ответа ноль. Бабушка маме вытирает слезы, та ей алаверды. Плачут, всхлипывают, сопят. В конце концов, мама берет себя в руки и говорит что-то вроде того, что теперь мы будем на всем экономить. Вот так.

Я ничего не понимаю. Слезы, «экономить», что к чему? Из папиного кабинета доносится какой-то стук. Странно, думаю, папа же должен быть на работе. Захожу в его кабинет – отец сидит, ноги на столе. Бросает баскетбольный мяч в стену. Ровно так, монотонно бросает. Папа, говорю, что случилось? Выйди, отвечает он.

Ситуация проясняется в конце августа. Мы с мамой идем выбирать мне костюм. Я думаю, что в какой-нибудь дорогой магазин, но мы вдруг оказываемся на Апрашке. Дыра, где закупаются мои голожопые одноклассники. Я говорю: «Мама, что мы здесь делаем?» – «Пришли выбирать тебе одежду, дорогой!» – «Мам, но здесь ведь одно дерьмо!»

Я ничего не понимаю. Злюсь, специально наступаю в лужи. Полтора часа мы ходим по кругу и все это время мама предлагает мне какое-то шило: уродские туфли, бесформенные пиджаки. «Я же говорила тебе, что теперь мы будем на всем экономить».

Уже в 93-м мы ездим отдыхать за границу, у меня куча импортной одежды и гора игрушек. Как-то в конце тренировки ко мне подходит тренер и говорит: «Хватит собирать мячи – за тобой приехал отец – у него новый “мерседес”!» Ты понимаешь? Девяносто третий год, вся страна думает, как поесть хотя бы два раза в день, а папа покупает себе новый немецкий автомобиль. Кажется, я до сих пор помню запах той машины.

У нас новая квартира, импортные продукты. Дело отца, насколько я понимаю, постоянно растет – и вдруг: «Лев, милый, теперь мы не можем себе этого позволить...»

Водитель больше не привозит меня в школу, мамины «собойки» с каждым днем становятся все скромнее. Мне не дают деньги на карманные расходы, не покупают того, что я прошу, но самое страшное – я стремительно расту.

Каждый вечер по телевизору гоняют бразильские сериалы. Мои одноклассники уверены, что я живу в доме с винтовой лестницей. Они верят в бассейн, в комнату для прислуги и прочие глупости. Мне нужно соответствовать, но я не могу. О том, что моя мама начинает подрабатывать репетитором, я предпочитаю молчать.

Каждую четверть в школе делают ремонт за папин счет. Отец платит надбавку учителям, организовывает елки, раздаривает подарки. В 98-м по понятным причинам отец пропадает. Директор долго вызывает его. Названивает сам, передает приглашения через меня. До поры до времени папа прячется, но вдруг, у меня на глазах, откапывает диплом и следующим утром заваливается в школу.

«Николай Александрович! Мы вам так рады! Мы, конечно же, все понимаем! Дела, дела! Вы были очень заняты, но наконец пришли! И слава богу! У нас ведь смета! Нас ждут учителя! Давайте обсуждать?» – «Не будет никакой сметы...» – «То есть как это не будет, Николай Александрович?» – «Вот так... У меня больше нет денег. Я по уши в долгах. Вот мой диплом – я пришел просить работу».

К нашему удивлению, директор оказывается человеком порядочным. Уже через неделю он сам перезванивает отцу. Ты даже не представляешь, какой позор мне предстоит испытать...

До седьмого класса я – парень, которого привозят в школу на машине. В ноябре 98-го папа устраивается в эту же школу учителем физики. Папин план прост – он хочет показать

кредиторам, что работает изо всех сил, и заодно решает перевоспитать меня. Одним махом. Он думает, что, выбросив меня из лодки, научит плавать.

Поразительно, как легко может измениться мир. От меня ничего не остается. Я больше не самый красивый и сильный мальчик в школе. В первый же день парень, над которым я постоянно издевался, вытаскивает меня к доске и, заломав руку, не отпускает, пока я десять раз не повторю, что моя мама «тупая манда». Только в первую неделю папиной работы меня дважды опускают головой в унитаз. Я говорю не образно, я говорю, как было. Головой – в унитаз. Ты спросишь, за что? За то, что я больше никто.

Начинается охота. Настоящая. Каждую перемену. Где Смыслов?! Кажется, прячется под лестницей... Нет, там смотрели... Значит, во дворе...

Тогда, в 98-м, я впервые понимаю, что происходит с человеком, когда на него спускают всех собак. Не понарошку, но по-настоящему. Я становлюсь объектом пародий и карикатур. Мне прописывают тумачи, простреливают щелбаны, дают пощечины и больше не дают списать. Если бы только это...

В нашем классе тринадцать парней. На физкультуре мы всегда играем в футбол. Семь на шесть. В 98-м все вдруг понимают, что это нечестно. Играть необходимо справедливо – шесть на шесть. Меня перестают брать. Я сижу на скамейке, смотрю, как парни гоняют мяч, и делаю вид, что ничего не слышу, когда физрук предлагает мне поиграть с девочками в пионербол. Ссанный мудака...

В конце концов, я отказываюсь ходить в школу. Каждое утро я сажусь на какой-нибудь автобус и отправляюсь в депо. Туда и обратно. И еще разок. Отец знает об этом, но маме ничего не говорит. Нам ведь больше не звонят из школы. Кому вообще интересна судьба сына преподавателя физики? Лишь спустя несколько недель отец войдет в нашу комнату и попытается все объяснить. «Так надо, Лев, сейчас так надо. У тебя еще будет хорошая жизнь...»

Хорошая жизнь... Уже тогда я понимаю, что такое хорошая жизнь. Хорошая жизнь, малой, – это когда ты идешь в гардеробную комнату (а в твоей квартире есть и такая), засовываешь руку в отцовские джинсы и находишь там сто долларов. Вот что такое хорошая жизнь! Повсюду, куда ты ни помотришь, валяются деньги. Вот что такое хорошая жизнь! И она вдруг рушится. Я помню, как отец сидел на полу в спальне и выворачивал вещи. Все, абсолютно все... Рубашки, пиджаки, свитера. Все, что только было с карманами. Он находил купюры и аккуратно складывал их на кровати. Когда папа уходил в свою комнату, этот фокус повторял я.

Как ты понимаешь, денег на новую одежду больше нет. Я беру вещи отца. В один прекрасный день он замечает это. Может, и раньше замечал, но почему-то молчал. Папа вновь не ругает меня. Нет. Вместо этого он заваливается в школу в свитере, в котором за день до этого пришел я. Такой у него план. Не стратег, но тактик. Что там будет дальше? О, его это не волнует! Отец полагает, что у него слишком мало времени, чтобы перевоспитать меня. Отец думает, что не любовь, но строгость важна для меня. Он считает, что нежность расхолаживает. Пока у нас были деньги, он часто целовал меня. Как только денег не стало – перестал. Отец что-то чертит на доске, а парни все шепчут за моей спиной: «А трусы ты у своей мамки берешь, а, Смыслов?»

На отце висит сразу несколько кредитов. Он продает свои ювелирные магазины, затем семейные драгоценности. Не помогает. Долги слишком большие. В ход идет наша квартира...

Прощай, центр, прощайте, Большая Морская и Невский проспект, прощайте, прогулочные катера и памятные места, здравствуй, новая земля – район Купчино.

Новостройки, пустыри, непостриженная грязная трава. Я навсегда запомню прибитый к дереву стул без сидалища – местную интерпретацию баскетбольного кольца. Думаю, именно так Гюисманс представлял себе ад. В один из первых вечеров отец расставляет в новой квартире

свои ссанные книги. Пока он возится со словарями, которые почему-то не продал, я беру в руки черно-белый альбом Отто Дикса. Вот они – наши новые соседи, думаю я.

Я боюсь ходить в новую школу. Главным развлечением здесь является поджигание рюкзака на моей спине. Мне страшно выходить в магазин, возле которого наркоманы постоянно останавливают меня. Однажды я даже возвращаюсь домой босиком.

В соседней парадной, под патронатом местного участкового, цыгане продают героин. Прямо из окна своей квартиры на первом этаже. К карнизу приделано автомобильное зеркальце. Если зеркальце повернуто к окну – товара нет, если к двору – перед окном выстраивается очередь, иногда человек в десять. Не знаю, помнишь ты или нет, но местом отправления в другие миры наркоманы часто выбирают наше парадное. Мама сперва жутко боится, но потом привыкает и спокойно переступает удолбышей с тобой на руках.

Каждый день дворы выясняют отношения. Всякое воскресенье разбираются районы и школы. Между высоток в поисках приключений перманентно курсируют небольшие группки. Все избивают всех. Панки – скинхедов, анархисты – роллеров, скейтеры – панков. Мальчики – мальчиков, мальчики – девочек, девочки – ребят и девчат. Чтобы избежать нападения, которое может произойти в любой момент, я даже придумываю себе одну нехитрую маску. Всякий раз, когда местное бычье пялится на меня, – я начинаю зевать. Зеваю широко. Закрываю глаза и показываю клыки. Со стороны может показаться, что я никого не боюсь, но именно так я маскирую свой животный страх. Я зеваю при каждом встречном, по сто раз на дню. Этот прием спасает меня несколько недель, но в конце концов местные аборигены все равно расчехляют меня.

«Ты че, мля, варежку свою раскрываешь?! Тебя че, мля, не учили хлебало прикрывать?»

Все, что я успеваю, – опустить голову. Первый удар в руку, второй в щеку. Я выплевываю зубы на бетон. Впрочем, в этом есть и положительный момент – король Наваррский Генрих IV наконец проходит обряд крещения. Остается лишь найти свою Марго.

пауза

Закончив главу нового рассказа, не в силах совладать с волнением, Антон отправляется в «Хорошие времена» – любимый ресторанчик, где почти каждый вечер собираются его друзья.

После порции дежурных поздравлений с рождением дочери начинаются обыкновенные разговоры:

– Я прочел твою последнюю статью про Славина.

– И что думаешь?

– Думаю, что тебе следует быть поосторожнее. Мало ли что у него в голове.

– Да перестань! Кому я нужен?!

– Дело не в том, что ты кому-то нужен, но в том, что люди вроде Славина чувствуют свою безнаказанность и власть. Он знает, что при случае может сделать с тобой все что угодно и ему ничего за это не будет.

– Да ладно тебе, Мить, не говори глупости.

– Это не глупости, Антоша! Далеко не глупости! Знаешь, что мне на днях заявил сын?

Мы чего-то валялись перед телеком, смотрели новости, и он вдруг говорит: «Папа, а зачем они пугают нас этими фундаменталистами? Если и есть сила, которую все мы должны опасаться, то это кретинисты!». А ему четырнадцать лет! Четырнадцать лет, Антон, понимаешь?

– Я знаю, Мить, я вообще-то его крестный.

– И он прав! Даже здесь, в России, время от времени нас запугивают людьми с гранатами сам знаешь где, но между тем, если нам и стоит кого-то бояться – то это кретинов, которые оккупируют пространство вокруг нас. Пока мы смеемся над ними – они захватывают власть.

Люди, над которыми мы гогочем, пишут законы, по которым мы живем. Мы сидим на бомбе замедленного действия, и она взорвется, обязательно взорвется, мой дорогой. Все эти людишки с большим удовольствием закончат работу, которую их родственники начали в 1917 году. Они уничтожат нас!

– Какую печальную картину вы нарисовали, дорогой друг. Радует одно – если это и случится, то уж точно не сегодня. И я предлагаю выпить за это. Идет?

– Идет, дорогой, идет.

пауза

Финал главной партии, в котором Марк Смыслов продолжает вспоминать встречу с братом.

– Сколько до твоего концерта? – разливая вино, спросил брат.

– Не переживай – время есть.

– Короче... Я ненавижу нашу квартиру в Купчино. Здесь не разойдись. То и дело я на кого-нибудь натыкаюсь, постоянно слышу голоса. Бабушка, мама, отец, дед. Сверху орут соседи, снизу и за стеной тоже. Какая-то девочка из соседнего подъезда полгода разучивает один и тот же долбанный этюд. По ночам мама храпит, ты плачешь, дед кричит. Испытание бессонницей – действенная из пыток. Мне кажется, что я уже никогда не выплюсь. В четырнадцать лет я впервые понимаю, как для человека важна тишина. Все, о чем я мечтаю, – стать глухим. Мама говорит, что это пройдет, что со временем я перестану обращать внимание на лишние звуки. Не проходит. Напротив, если только случается тишина, не веря собственному счастью, я начинаю прислушиваться к любому шороху. Я лежу в нашей комнате и, надев наушники, слушаю, как малоизвестная певица шепчет:

Кроме счастья, есть зима, простуды, просто невезенье.

В воскресенье ты же будешь улыбаться

И казаться, между прочим, лучше всех.

Убивай свою прихоть, сколько можешь, убивай...

По ночам папа отправляется бомбить. Теперь ведь у нас опять есть машина! Продав два джипа, квартиру (не только свою, но и дедушкину), отец выкраивает деньги на разваливающуюся «восьмерку». Я думаю, что он даже не купил ее, но снял с каких-нибудь кирпичей во дворе. Как-то вечером отец входит в нашу комнату и спрашивает меня: «Хочешь со мной?». Я ничего не отвечаю, но, конечно, хочу.

Наши ночные дороги – Газданову бы понравилось. Папа считает, что это сблизит нас. Он полагает, что сможет вернуть меня, но я протестую. Я все время молчу.

Всякий раз, когда рядом останавливается иномарка, я с завистью смотрю на ее обладателя. Я вспоминаю времена, когда и мы могли позволить себе такую тачку. Если за рулем оказывается женщина – я представляю, что однажды буду обладать такой. Мне не важно, красивая она или нет, мне кажется, что в дорогих иномарках не бывает уродин. Понятная красота. Я отношусь к заточенным в «мерседесы» женщинам, как к принцессам в замках, которых однажды во что бы то ни стало освобожу.

В ту ночь отец останавливается на заснеженной площади. Пока я опускаю стекло, перед нами резко тормозит желтая машина. Из нее выбегают двое, вытаскивают отца. Я даже слова не успеваю сказать... Мужики несколько раз бьют папу битой и валят на снег...

До свиданья, Газданов – доброй ночи, Ремарк. Ничего особенного – борьба за клиента. Пока таксисты избивают отца – я не шевелюсь. Я ничего не боюсь. Вдвоем мы бы дали отпор этим ублюдкам, но я сижу на месте. Я просто смотрю. Думаю, в этот момент я искренне полагаю, что отец все это заслужил.

Папа лежит лицом в снегу. Куртка задралась – я вижу его голую спину. От окровавленной слякоти идет пар. Отец в сознании, но не встает. Я слышу, как он тяжело дышит, но все еще не подхожу. Это продолжается не более двух минут.

Я выхожу из машины, только когда таксисты уезжают. Папа улыбается. Лицо грязное, зубы в земле и крови. Я думаю, что он сейчас начнет орать, но и в этот раз отец решает проучить меня. Говорит, что я правильно поступил. Приказывает мне сесть за руль – у него сломаны обе руки.

Вот оно – мое первое вождение. Аварийка, рельсы, Садовая. Я притормаживаю – машина глохнет. Папа смеется. Я злюсь. Отец говорит, что сцепление нужно выжимать, когда вставляешь передачу, но что то же самое следует делать, когда тормозишь, – не объясняет. А откуда мне знать? У нас всегда были коробки-автомат.

– Лев...

– Не перебивай!

На Новый год мне дарят кроссовки. Ты получаешь мои старые игрушки, а мне полагается пара «Реабек». Выглядят они как настоящие, но я-то понимаю, что это подделка. Все смотрят на меня, ждут, что я обрадуюсь, но я очень зол. Я бросаю тапки под елку (которую, кстати сказать, отец собрал из двух плешивых) и ухожу в туалет. Я помню, что мама стоит возле двери и все шепчет мне: «Лев, милый, да что с тобой не так?».

После зимних каникул я возвращаюсь в новую школу. На улице мороз, на мне подарок от самого бедного в Восточной Европе Деда Мороза – белые кроссовки на три носка. Я надеюсь, что ребята будут завидовать. Им можно наплесть все что угодно, думаю я. Вы ничего не понимаете! Это настоящий «Рибок», новая коллекция, специальная серия! Именно поэтому здесь другие буквы в названии...

Я хочу быть крутым... Очень... Мне важно вернуть все то, что я потерял. Я как-то даже не думаю, что в этой школе про подделки все всё знают гораздо лучше меня... Твоего брата, конечно, раскалывают и предлагают ответить. За то, что «гонщик».

Появляется план «б». В это время у меня с мамой один размер ноги. С синяком под глазом я прошу дать мне ее старые белые кроссовки с лампочками. «Но они же женские, Лев!» – «Нет-нет!» – уверяю я...

Женские-женские... Мои новые одноклассники замечают и это. Очередной провал. Будьте любезны – разучите роль петуха. Ребята знают, как со мной общаться, – у многих сидят отцы и братья. Я ожидаю новый виток травли, но меня спасает то, что не становится отца.

На выходе из школы меня встречают два мужика. Говорят, что папа попросил подбросить домой. У них джип. Я счастлив! Я думаю, что это отец уговорил старых друзей подвезти меня. Одноклассники, которые весь день издевались надо мной, протирают глаза. Вот это победа, вот это да! Я, конечно, ничего не понимаю. Мужики обычные, нормальные, совсем нестрашные. Меня привозят в какой-то офис, сажают к компьютеру, говорят: «Играй!». Я сажусь и, конечно, не понимаю, что уже больше часа нахожусь в заложниках. Все это время ублюдки пытаются моего отца.

Через два часа компьютер вдруг выключают. Мне велят идти домой. Пешком. Я хамлю похитителям: «Что за херня, мужики, зачем вы вообще притащили меня сюда?». Даже странно, что они не трогают меня.

Папа ничем не выдает себя. Готовит ужин, слушает любимый концерт Эльгара, играет с тобой. Только бомбить отказывается, говорит, что сердце болит. Вечером, пожелав всем спокойной ночи, отец уходит в свою комнату и через несколько часов умирает.

Я помню только, что мама не плачет, не кричит, не паникует. Она закрывает дверь спальни и приходит к нам. Ты просишь, чтобы папа почитал сказку, но – «папа только что умер», – поглаживая тебя по голове, говорит мать. Я выпрыгиваю из-под одеяла, бегу в родительскую спальню, толкаю дверь, бросаюсь к отцу. В этот момент я еще не знаю, что спустя несколько лет малоизвестная певица будет петь: «Пожалуйста, не умирай, или мне придется тоже...»

Из похорон я запоминаю только вот что: дядя Володя Славин, наш сосед, курит возле урны и, бросив окурочек, шутит: «Главное – никого не спалить! А то мало ли чей там прах, в этой урне...».

Ко мне подходит бабушка. Она зачем-то говорит, что человека характеризуют его друзья. По ее мнению, на похороны моего отца пришли только приличные люди. Жаль, что это не так. Здесь лишь мамины знакомые – папины друзья похоронили его еще летом 98-го.

Маме тяжело. Она не справляется. Чтобы тянуть нас, она набирает десяток учеников. Ты сидишь в комнате, бренчишь на своем пианино, а я постоянно выхожу в коридор и рассматриваю кроссовки гостей. Я мечтаю, что однажды и у меня будут такие.

После смерти отца стремительно сдает дед. Наша семья превращается в маленькую лавку разных бед. В конце концов, деда парализует. Узнав об этом, мои добрые одноклассники начинают шутить, что у Смыслова наконец появилась собственная недвижимость.

Целыми днями я торчу у цыган. Героин приносит соседской семье неплохие доходы. Как результат, у Кало, моего нового друга, есть новая игровая приставка. Пока в кухне продают наркотики – мы рубимся в компьютерный футбол. Поразительно, но мама почему-то не волнуется за меня.

Иногда я выбираюсь в центр. Навещаю старых друзей. Как правило, детей бывших партнеров отца. По телевизору показывают советский мультфильм про Винни Пуха, и, если только удастся, я стараюсь остаться переночевать. Мне нравится представлять, что эти роскошные квартиры – мои. Прощаясь, всякий раз я скромно замечаю, что одет не по погоде. «Да-да, конечно, мы все понимаем, в этом нет никаких проблем!» Я беру какой-нибудь дорогой свитер и обещаю непременно его вернуть, хотя знаю, что, конечно, не стану этого делать. Так я достаю себе новые вещи. Мне не очень-то интересны ребята, к которым я езжу, – меня интересуют только их шкафы.

Вместо уроков мы играем в футбол. По средам, к примеру, с командой наркоманов. Местные обдолбыши собираются раз в неделю. Я шучу, что им пора завязывать с допингом, но они так не считают. У капитана их сборной прозвище Салат. От героина, который продает мама Кало, у Салата поплыло лицо. Съехал глаз, искривился нос, выпала половина зубов; удар, впрочем, по-прежнему знатный! Салат кладет с двух ног. Иногда за ребят играет наш сосед – дядя Володя Славин, тот самый, что был на похоронах. Он не наркоман, но в «сборную счастья» призывается за то, что вроде как самый настоящий сектант.

Одним прекрасным утром дядя Володя, на тот момент – учитель математики и химии, слышит голос бога. Испуганная жена надеется, что в старом «запорожце» завелся обычный барабашка, но муж стоит на своем – шепчет именно бог. Недолго думая, дядя Володя вступает в близлежащую секту и начинает исправно заносить десятину. В семье опасаются, что дядя Володя продаст квартиру, но у дяди Володи есть вера... и план.

Дядя Володя выходит в окно. Бог, якобы, зовет, и дядя Володя выходит. В пять утра. С седьмого этажа. Пролетев пятнадцать с лишним метров, он падает на дерево и, разрубив его спиной, остается жив. Уже через две недели дядя Володя выписывается из больницы и тотчас

становится новым духовным лидером секты. Много лет спустя дядя Володя расскажет нам, что все подстроил. Дерево подпилит, а прыгал с лестничной площадки второго этажа.

Маленькую, домашнюю, ни на что не претендующую общину никто не закрывает. Более того, местный участковый, тот самый, который крышует родителей Кало, даже поощряет дядю Володю. По его мнению, обращая людей в новую веру, дядя Володя укрепляет муниципальный округ.

После нашумевшего полета чистая прибыль секты утраивается. Одно дело, когда ты сектант, и совсем другое, когда ты выбросился из окна и остался жив. Дядя Володя покупает себе новый «ягуар» и время от времени помогает нам. Мама и жена дяди Володи, тетя Таня, даже становятся подружками. Благодаря их помощи нам живется полегче.

Через несколько месяцев после смерти отца мы хороним деда. Еще через две недели – бабушку. Я радуюсь. Во-первых, этот адский марафон наконец закончился, во-вторых, для меня освобождается целая комната. Умирать, кажется, больше некому. Во всяком случае, мама со мной так не поступит. Я перетаскиваю в спальню старый компьютер и целыми днями играю в футбол. Мама сердится, обещает выбросить клавиатуру, но я-то знаю, что она не сделает этого – кроме компьютера у меня ничего нет. Мама твердит, что я должен хорошо учиться, но она даже не подозревает, что наша преподавательница русского языка делает ошибки. Все уроки литературы сводятся к тому, что я пересказываю одноклассникам прочитанное: «Смыслов, что задавали?» – «Героя нашего времени». – «Про что?» – «Мужик по фамилии Печорин тырит лошадь и бабу». – «Сильно?» – «Да нет! Он ее крадет!»

Однажды какие-то ублюдки вырезают родителей и сестру Кало. Пятьдесят три ножевых ранения на троих. В спешке нападавшие не трогают Кало. Все понимают – убийство показательное. Нашим безработным согражданам полезно знать, что хотя бы «черным» хуже, чем им. «Мы еще можем за себя постоять» – пишет кто-то на асфальте перед окном Кало.

Семь дней воеет человек. Лежа в нашей комнате, разглядывая покрывшийся трещинами потолок, я слушаю, как в соседнем подъезде плачет мой друг. Я смотрю на трещины, и мне кажется, что это само горе разрушает нас. Мне хочется обнять Кало, но я понимаю, что сперва мой друг должен окончательно ошерститься.

Время от времени мама сажает меня и Кало рядом со своими учениками. Порой мне кажется, что она любит этого кучерявого мурзилку больше меня. Я не ревную – Кало нужно помогать. Мы заменяем друг другу отцов. Иногда я воспитываю Кало, все чаще он меня. Я учу его всему, что он упустил в школе – он обучает меня удару с крюка. С помощью дяди Володи мама переводит его в наш класс, и теперь мы сидим за одной партой. Дяди Володи, кстати сказать, в школе больше нет. Так совпадает, что после убийства родителей Кало вместе с семьей он переезжает в Москву. Говорят, занимается серьезными делами, открывает новую секту.

Кало учится лучше меня. Одни пятерки. Мой друг получает знания за троих – столько в него влезает.

Когда наступает пора, я поступаю в университет. Если честно – и сам не знаю как. После смерти отца я вообще ничего не делаю. По вечерам гоняю в футбол, все остальное время играю с Кало в виртуальный менеджер. Я назначаю составы, подбираю тактику, покупаю и продаю игроков. Я чувствую себя настоящим тренером. Наверное, уже тогда я понимаю, что если когда-нибудь и разбогатею, то только в компьютерной игре.

За год до поступления мама спрашивает, в какой университет мы хотим подавать документы. Кало отвечает, что поступать не собирается. Почему? Дядя Володя зовет его на работу в Москву. Ну что ж...

Мы понимаем, что для Кало это, наверное, даже хорошо. Он уедет в Москву, забудет про этот город, но куда поступлю я? У меня отличный состав, и я мечтаю выиграть с «Зенитом» Лигу чемпионов. В ответ на мое молчание мама заявляет, что я отправлюсь на филфак. Ну и

хорошо, думаю я. Весь год мама занимается со мной языками, затем передает в руки каких-то знакомых. Помогает то, что у меня больше нет отца. Меня поступают. Я наивно полагаю, что теперь буду забыт, но не тут-то было. Мне предлагают занять освободившийся папенькин пост. Мама говорит, что я должен начать работать.

Продавать блины я не хочу, разгружать вагоны тоже. А что я умею? Ровным счетом ничего. Писать без ошибок и выигрывать виртуальные чемпионаты разных стран. Вот тебе и выбор профессии. Я помню имена всех на свете футболистов и понимаю, что важно не повторять одни и те же слова. Этого оказывается достаточно. Твой брат становится спортивным журналистом. Мне дают стол, стул и говорят: «Пиши!». Если не брать в расчет чрезвычайно странных людей – работа сносная. Во-первых, вся редакция играет в компьютерный менеджер, во-вторых, ребята не дураки выпить. Мне это нравится.

Каждый вечер выпускающий редактор отправляется за двумя канистрами коньячного спирта. В этот священный момент рабочий день подходит к концу. К 19.00 следует выдумать новость, подобрать к несуществующей новости фотографию и переслать материал на верстку. Все. Даже подписи выпускающего редактора не требуется. Университет такой работе не мешает – такая работа ни в коем случае не препятствует учебе. У меня даже есть стипендия, жаль, только денег нет.

Половину зарплаты я отдаю маме, вторую пропиваю. Не может идти и речи о хорошей одежде, машине или поездках на выходные в Прагу. Ухоженные девочки, которыми, словно колбасу, набивают филфак, не обращают на меня никакого внимания. Мои романтические отношения сводятся к редким свиданиям с девушкой из Брянска. Девочка хорошенькая, я бы даже сказал, красивая, но и близко не тот сорт, о котором я мечтаю. Я хочу спать на дорогих простынях, хочу женщину с квартирой на Невском, а мне полагается Оля с одним комплектом белья на все года. Я мечтаю о богатой. Я даже готов простить ей помарки внешности, только бы кожа ее была бронзовой, губы подкачены и красиво покрашены. Единственное, чего я по-настоящему хочу, – чтобы волосы моих возлюбленных были выпрямлены, ухожены и намазаны тысячей лучших кремов. Мне нужны принцессы. Мне нужна моя собственная мама образца 1996 года. Женское тело возбуждает меня только в том случае, если тело это сковано золотыми браслетами. Я умею шутить над своей бедностью, и многих это даже забавляет, но не более того. Всякий раз, когда разговор заходит о походе в ресторан – я исчезаю. У меня нет денег. Что я могу предложить? Кому я что могу купить, если даже за себя не могу заплатить? Я гожусь лишь на роль старосты. Если однокурсницы и целуют меня, то только в щеку. Я пытаюсь выигрывать олимпиады, постоянно рассказываю о своей работе, но и это не спасает меня. Я становлюсь капитаном футбольной команды филфака, что, в общем-то, не сложно, с учетом трупов, которые за нее выступают. Все без толку. Я по-прежнему нравлюсь лишь провинциалам, которые ни в коем случае не интересуют меня; впрочем, это не так уж и важно, потому что к этому времени я уже влюблен...

Алиса. Безупречная, точная, как мечта. Безразличная ко всему. Всегда одна. Ни друзей, ни подруг. Никаких тебе «хи-хи» и «ха-ха» на переменах. Строгая одежда, темные цвета. Безусловная, восхищающая глаз, бесспорная красота.

В университет ее привозит машина со спецномерами. Я понимаю, что она дочь какого-нибудь министра или депутата. Принцесса в замке. Мне говорят, что она очень странная, что, в общем-то, далеко не умна, и это еще сильнее заводит меня. Мне нравится думать, что она ненормальная, что по-настоящему глупа. Я представляю, как буду переучивать ее, подгонять под себя. У Алисы есть врожденное чувство вкуса, и это единственное, что в этот момент по-настоящему волнует меня.

Я решаю проследить за ней. Когда она отъезжает, я выбегаю на набережную, торможу первую попавшуюся машину. Как в кино приказываю: «Езжайте за ней!». Я, конечно, не успе-

ваю подумать, что Алиса может жить за городом... Поселок Ушково. Сразу за Зеленогорском. Шестьдесят, мать их, километров. У меня даже на электричку денег нет. Я возвращаюсь домой пешком. Хорошо хоть плеер с собой:

Как же это объяснить?
Что делать дальше?
Как жить?
Может, мне у сердца узнать,
Что оно мне сможет сказать?
Мгновенье, стой!
Вспыхни ярким светом,
Если не любовь, так что же это?

Твой брат полностью меняет свое расписание. Я стараюсь попадаться ей на глаза, пытаюсь красиво одеваться, только что у меня есть? Старые вещи отца и шкаф накупленного в секонд-хэнде барахла. Каждый день я мечтаю повстречать ее. Я оббегаю весь университет: двор, этажи, здание Двенадцати коллегий. Однажды, во время поточной лекции, я дожидаюсь, пока она займет свое место, и сажусь рядом. Я думаю, что сейчас наконец познакомлюсь с ней, но Алиса цокает, встает и уходит. И не появляется до следующего сентября...

Я решаю так: буду писать больше – смогу заработать не только на твою дурацкую канифоль, но и на новую одежду. Я хочу купить себе несколько пар обуви, новые пиджаки, телефон и часы. Я с нетерпением жду осени. Я прекрасно понимаю, что новую машину не куплю, но несколько рубашек, надеюсь, приобрету. Важно, думаю я, доказать ей, что я на что-то способен. Где один шаг, там и два. В конце концов, она должна признать, что у всех нас разные обстоятельства. Да, у меня другая, нищая семья, только что с того? Ты только скажи мне, скажи, любимая, где та гора, которая ждет меня...

И я сижу на работе. Семь дней в неделю. Никогда не беру выходных. Напротив. «Кто там ходит по редакции? Все же ушли! А, это Смыслов...»

Я постоянно прошу дополнительные задания. У нас есть выработка – пятьдесят тысяч знаков в месяц. Все, что выше, – оплачивается дополнительно. И я пишу. Пишу про все: лыжи, футбол, гандбол. Я описываю чемпионаты мира по плаванию и вольной борьбе. Что там за баба с булавой? Отдайте Смыслову! Мне совершенно наплевать, о чем писать. Знаки, знаки, знаки – вот что по-настоящему тревожит меня. В моем маленьком телефоне есть калькулятор. Я все подсчитываю. Ни одна буковка не убежит от меня. Там, в бухгалтерии, любят обсчитывать. Я все про вас знаю, друзья!

Теперь на летучках шутят, что совсем скоро эта газета будет имени меня. Ну класс, я надеюсь, что это заметят. Я остаюсь ночевать в редакции. Это позволяет первым узнавать присланные «банком» новости. Кто-то, за спиной, конечно, шепчет, что парень окончательно сошел с ума. Я соглашаюсь на все задания, на любые командировки. Я летаю даже на матчи «Терека» в Чечню, впрочем, ладно, малой, что-то жарко здесь стало – давай выйдем на улицу, перекурим...

Связующая партия

Роль связующей партии – совершить переход от главной к побочной партии. Из этого отрезка мы узнаем о новой жизни семьи Славных в России и о том, как Лев Смыслов потерял все.

Ничего не меняется. Семья по-прежнему остается в самой большой стране мира. Нарастает беспокойство. Легче других заточение родиной переносят младшие – Елизавета и Поль. О Толе судить сложно – мальчик постоянно в игре.

Мама и Александр обеспокоены. Саша уже был в клубе, но приступить к тренировкам все еще не решается.

Отец перманентно раздражен. Дважды он дал понять, что про возвращение во Францию можно забыть. Во всяком случае, пока. Владимир Александрович давным-давно знает про измены жены. Это многое осложняет. Татьяне Славиной приходится быть покорной. Треклятая служба внутренней безопасности. В доме постоянно ошиваются эти собаки. Нередко бывает Кало, цыганенок, который жил в их дворе в Купчине. Теперь его не узнать. Он хорошо одет, Лиза даже считает, что парень похож на солиста BB Brunes. Кало всегда вежлив. Кажется, он и есть правая рука отца.

Во время семейного обеда Кало за столом. Всегда. Он молчалив. Если и говорит, то только по делу. Когда обращается к отцу – всегда на ухо. После одного такого поклона, зачем-то постучав вилкой по ножке бокала (здесь и так гробовая тишина), Владимир Александрович Славин объявляет семье, что под него копают. Вот тебе новость! Будто и так непонятно.

– Кто именно? – не сдержав любопытства, спрашивает пристыженная жена.

– Мы пока не знаем, – отвечает не муж, но Кало.

– Да какой-то сопляк! Наверху ко мне претензий нет. Я с папой в ладу. Папа меня уважает и любит. Другие семьи против меня тоже ничего не имеют. Есть напряженные моменты, но там так, конфликты интересов. Так что это какой-то самодур...

– Все будет хорошо, – холодно добавляет Кало.

Первую неделю Александр не тренируется. Пьет вино, читает книги. Форму поддерживает сам, в семейном спортивном зале. Во время тренировок не без интереса, с улыбкой и недоумением смотрит федеральные каналы. Отец постоянно в кадре. Настоящий Фигаро. По вечерам, если только не идет дождь, Саша выбирается в Москву. Лишь спустя четырнадцать дней новичок наконец решает заявиться на базу.

К этому времени мама, Татьяна Славина, вымаливая прощение мужа, становится героиней светской хроники. Она появляется на всех более-менее важных мероприятиях и учреждает фонд помощи жертвам пластической хирургии. По совету семейного политтехнолога Татьяна Славина заводит Инстаграм. Вместе с новым приложением появляется и молодой мальчик, первокурсник филологического факультета, который получает двадцать тысяч рублей в месяц за подписи к фотографиям. Как правило, это цитаты из русской поэзии. Много Полосковой, чуть меньше Мандельштама.

По дороге на базу Саша продолжает посылать сообщения Себастьяну. Французский друг не отвечает, но Александр настойчив – он отправляет не только смс, но и письма.

Здравствуй, милый друг!

Ты все еще не отвечаешь, но... Вот уж не думал, что когда-нибудь буду писать тебе из России.

Надеюсь, ты не будешь вечно дуться, тем более за дела моего отца. Кстати, он сегодня опять выступал по телеку. На этот раз предложил приговаривать к уголовной ответственности всех геев. И знаешь, судя по всему, здесь это прокатывает, народу нравится. Интересно, пойду ли я по списку первым номером?

Если серьезно, кажется, папенька окончательно сошел с ума. Сейчас, говорит он, во что бы то ни стало следует помочь лидеру. Отец уверен, что настал час показать преданность. Удивительная страна! Патриотизм здесь измеряется не поступками, но готовностью поддержать даже самое идиотское начинание вождя. Того и гляди, завтра будут ходить по квартирам и

предлагать совершить какое-нибудь жертвоприношение... Большое? Маленькое? Не важно! Нам для протокола.

Вчера я был в церкви. Да-да, не смейся. Пока только на репетиции. Отец заставил. Говорит, это важно для дела. Он участвовал в каком-то хождении вокруг храма – я смотрел. Никаких хоругвей – на репетиции в руках зонты. Первым идет человек, который изображает патриарха, вторым, четвертым и восьмым – сотрудники безопасности, которые затем облачатся в рясы и будут изображать священнослужителей. В потоке и отец с зонтом. Я смотрел на него, едва сдерживая смех, затем спросил, зачем он все это делает. Отец повторил, что сейчас так надо. Хорошо, спросил я, ну а я-то тут при чем? «Пусть все знают, что теперь и ты рядом».

Я пишу тебе по дороге на базу. Еду на первую тренировку. Я был в Москве уже несколько раз, а сегодня вот наконец познакомлюсь с одноклубниками.

Что я думаю про город? О, впечатлений масса! Кажется, нечто подобное я испытал, когда впервые побывал в Каире! На пешеходных переходах здесь никто никого не пропускает. Все сигналият, что-то кричат. Меня дважды чуть не сбили, представляешь?! Чувствуется, что в обществе очень много агрессии. На улице куча борзого бычья. Все прохожие почему-то толкаются! Никакого личного пространства! Более того, задев тебя, никто не спешит извиниться. Для них это норма. Я даже не знаю, что бы со мной было, если бы я ходил без охраны. Все эти люди так озлоблены друг на друга, будто являются не гражданами одной страны, но сербами, боснийцами, евреями и арабами, которых насильно заставили гулять по одним и тем же местам. Люди в массе своей выглядят как литовцы или румыны в Лондоне, впрочем, время от времени встречаются и приличные. Много безвкусных богачей, вроде тех, которые сидят по утрам в «Кафе де Пари» в Монако.

О, если бы ты знал, как я скучаю по нашему родному Жуан-ле-Пену! Как я скучаю по этой прекрасной, спокойной, размеренной жизни, когда утром ты идешь к морю, и все тебе улыбаются, и каждый незнакомец говорит «Бонжур»! Кажется, все эти люди здесь даже не подозревают, что жить можно счастливо.

Возможно, я ошибаюсь, но мое первое впечатление таково: Россия – страна клише. Люди в большинстве своем говорят подводками, которые днем ранее услышали по телевизору. Здесь не принято переваривать информацию. Услышал, понравилось, говори! Буквально вчера, за обедом, за соседним столиком сидел какой-то хмырь, который, пытаясь произвести впечатление на коллег, выдавал за собственное мнение речь моего отца.

Мое второе наблюдение: повальное раздвоение личности! Здесь можно говорить вещи прямо противоположные, и никого это не смутит. Иван Грозный у них душка, священники благословляют иконы со Сталиным. Штуки, которые не укладываются в голове, здесь происходят на каждом шагу!

Ну и третье... Кажется, местное население использует возможности собственного языка процента на три. Какой-то невообразимый культ Элочки-людоедки (это такой литературный персонаж, олицетворяющий собой глупость, вульгарность и пошлость). Я много лет разговаривал по-русски только в семье, но здесь впервые почувствовал себя профессором славистики. У меня создалось впечатление, будто большинство этих людей изучает русский как иностранный. При этом они почему-то постоянно пытаются говорить уменьшительно-ласкательными. Но и это ладно, главное – интонация, интонация, с которой здесь все изъясняются. Я, к сожалению, не могу передать ее посредством письма, но могу попросить тебя представить себе всепоглощающую претензию, коротая, кажется, властвует над этим языком. Претензия есть главная движущая сила этого народа. Все, что они ни делают, все, что ни говорят, они делают и говорят с претензией. В каждой фразе амбиция, в каждом обращении требование. Не знаю, возможно, это мое первое впечатление, но еще нигде и никогда я не видел столько необоснованно требовательных граждан. Они все, точь-в-точь, копии моего отца!

Впрочем, все это пустая болтовня. По большому счету, мне абсолютно наплевать на все, что здесь происходит. Я жду только того дня, когда ты наконец приедешь. В конце концов, я не единственный иностранец в этой стране...

Люблю! Твой Саша!

пауза

Мы вышли на крыльцо. За время нашей беседы стемнело. Над озером и горой повисли тучи. Лев закурил. Я внимательно посмотрел на него. Теперь рядом со мной стоял не старший брат, которого, как мне казалось, я должен спасти от самоубийства, но элегантный, точный, как этюд, мужчина. Глядя на этого человека, вы никогда бы не подумали, что он жил в бедной семье и всю жизнь мечтал разбогатеть. Лев выглядел так, будто роскошь его была наследственной. Запонки, кольцо, часы – все выдавало в нем успех, а не капитуляцию, которую я почему-то продолжал слышать.

Пока я смотрел на брата, перед нами появилась женщина. Шикарная, румяная и пошло-ватая, как скрипичный концерт Хачатуряна. Меня нельзя назвать большим ценителем женской красоты, но с тем, что она была хороша, думаю, согласился бы каждый. Ни одного диссонанса. Незнакомка улыбнулась нам и, поставив на ступени несколько бумажных пакетов, поцеловала Льва. «Младший мой», – не глядя на нее, разглядывая собственные начищенные до блеска туфли, произнес брат. Девушка вновь улыбнулась, но тотчас молча скрылась в гостинице.

– Это и есть Алиса, – по-прежнему не поднимая глаз, сказал Лев. – Она только что прилетела. Я все оплатил. Сегодня ночью, спустя столько лет, мы наконец будем вместе.

Лев посмотрел в сторону отеля, но, вместо того чтобы вернуться в ресторан, сделал несколько шагов вперед и сел на ступени. Словно крыло, брат поднял руку, приглашая меня сесть. Я подошел. Лев выбросил сигарету и продолжил рассказ.

– Я теперь и не вспомню, как мы знакомимся...

– С Алисой?

– Да нет же, с Кариной, с моей женой! Знаешь, это как в покере – ты все время думаешь об одной карте, но у тебя в руках оказывается другая, и с ней приходится играть. Однажды я замечаю в коридорах редакции симпатичную девушку. Она всегда улыбается – я никогда не улыбаюсь в ответ. Наверное, именно это мне и помогает. Все сотрудники крутятся вокруг нее, пресмыкаются. Наши кретины, парубки, которые часами могут травить скабрзные анекдоты, в ее присутствии вдруг становятся тактичными и воспитанными. Уже через несколько дней я узнаю, что Карина проходит практику... летнюю практику в газете своего отца.

Я, конечно, не думаю, что она станет моей женой. Нет. Не до такой же степени я мудака. Если я и мечтаю о каких-либо дивидендах, то о невинных – покататься на ее тачке, переночевать в ее квартире. Я, конечно, не хочу захомутать ее, но получается как-то само собой...

Мы начинаем болтать. Я и сам не замечаю, как это происходит! Нет, честно! Я ничего не делаю специально, но так случается, что мы постоянно разговариваем, перекидываемся шутками. Я приглашаю ее пообедать, и дело в шляпе! Знаешь, это как с федеральными телеканалами. Мы заблуждаемся, когда полагаем, что тот или иной министр обращается именно к нам. Нет, все это не так! Всякий раз эти парни разговаривают только с одним человеком – со своим шефом, и им плевать на нас. Со мной случилась та же байда. С определенного момента я перестаю разговаривать с коллегами. Все, что я теперь говорю, я говорю только ей. Я где-то слышал, что профессиональный комик никогда не пытается рассмешить весь зал. Нет, он находит одного человека, который смеется громче всех, и весь оставшийся вечер лупит в него. Теперь все, что я ни говорю, – я говорю только в нее. Во время летучек меня абсолютно не интересует, что о моей идее подумают коллеги, – мне важно только то, что подумает она. И

ей нравится то, что я говорю. И мы встречаемся после работы. Ходим в рестораны, иногда в кино. Она всегда платит за меня. Уже на первом свидании, когда я тянусь за кошельком, она останавливает меня: «Перестань, я хорошо представляю, сколько ты зарабатываешь». – «Не думаю, что в скором времени я смогу зарабатывать больше». – «Посмотрим», – поцеловав мою руку, отвечает она. Вот, собственно, и все. Вот тебе и Ги де Мопассан. В тот вечер я понимаю, что она сделает меня главным редактором газеты. Вопрос времени – не более того. Единственное, чего я действительно не могу представить, что все произойдет так быстро! Хорошее здесь, кстати, вино.

С нами работает один полудурок. Я сейчас и не вспомню, как его зовут. Миша, Гриша, как-то так. Знаешь, такое толстое бородатое ничтожество. С утра до вечера он пыхтит над своими статейками, рассказывает, что во всем виноваты жида, и раза четыре на дню выходит в туалет передернуть. Такой классический патриот. Как-то раз он позволяет себе раскритиковать меня. В этот момент Карина оказывается рядом. Я понимаю, что это мой шанс. Карина внимательно смотрит на нас, и я начинаю действовать. Вместо того чтобы проглотить обиду, я бросаюсь на коллегу. Мудак тяжелее, крупнее, намного сильнее меня, вообще-то он должен завалить меня, но жирдяй, который целыми днями обещает поставить весь мир на колени, оказывается порядочным дрейфлом. В общем, я избиваю его...

Все ожидают, что отец Карины уволит меня, но тут другие дела. Наш дорогой владелец уже несколько месяцев думает, как бы сократить половину редакции. Я – лучшая для таких действий фигня. Он назначает меня главным редактором, и оскорбленные таким поведением инвестора журналисты пишут по собственному желанию. Вот тебе на! «Лев Смыслов, журналист, который собственным примером показал, как важно отстаивать свои права!» Мама не верит своим ушам. Она думает, что я обманываю ее. Не верят и мои университетские друзья. Парень учится на втором курсе филфака, и вдруг на тебе – главный редактор! Теперь я не сомневаюсь, что Алиса будет моей. Ты даже не представляешь, какое количество постелей я перепахиваю в первую же неделю. Как только по факультету разносится слух, что Смыслов возглавил газету, девочки буквально вешаются на меня.

Мне выдают первый аванс – аванс, который не вмещает моя голова! Я хожу по клубам, напаиваю принцесс. Раньше Кало достал бы мне отличную дурь, но теперь он в Москве. Что ж, я беру у других. Моя жизнь прекрасна, и я как-то сразу забываю, что все это время меня ждет она, моя будущая жена.

Мне никогда не нравилась большая женская грудь. Нет, ну то есть плоскодонки мне тоже не очень нравятся, но огромные сисяндры...

– Лев!

– А что Лев? Я тебе говорю как есть. У Карины оказалась исключительно большая и некрасивая грудь. Такие, знаешь, висюли.

– Лев, ты уже пьян!

– Да не, малой, в том-то и дело, что не пьян. Когда мы впервые трахаемся, я понимаю, что никогда не полюблю эту женщину. Каждый день смотреть на это уродство. Чертовы порнофильмы – слишком много я посмотрел у Кало. Ты растешь, тебе кажется, что у всех девочек такие же красивые тела, как у порноактрис, а потом... у одной волосы на сосках, у другой такие дела...

Всякий раз, когда мы оказываемся в постели, я закрываю глаза. Она все шепчет: «Смотри, смотри на меня», а я, если только получается, стараюсь сделать все до того, как она успеет расстегнуть лифчик. Я рад шутить с ней, рад болтать обо всем, но только не спать. Я хочу дружить, но Карине уже нужны дети. Я, конечно, даже представить себе не могу, что после нашего третьего свидания она прется выбирать люльку. Поразительно, как женщина может выдумать

себе реальность и тотчас начать в ней существовать. Мы, вроде как, только знакомимся, а она уже думает о мебели в гостиной...

В общем, все как-то сразу усложняется. Я понимаю, что с Кариной нужно завязывать, но только не понимаю как. К тому же эта работа. У меня налаживаются дела, появляется служебная машина, съемная квартира на Малой Конюшенной. Я наконец делаю какой-то очень важный и правильный шаг. Карина мне не нужна, но как от нее избавиться? Не убивать же ее, да? Я надеюсь, что она отвалится сама собой. В конце концов, она же не дура?! Она же должна все видеть и понимать.

С другой стороны, я оставляю за ней возможность стать моей женой. Я прикидываю, что если она сама додумается сделать операцию, то, вполне возможно, все еще будет нормально...

Мы путешествуем. Часто. Я оформляю наши поездки как командировки. В действительности мы тратим деньги ее отца. Прекрасно понимая это, Карина прессует меня. Мне приходится заниматься с ней сексом, и теперь все чаще она делает вид, что забыла презервативы. Когда резинки достаю я, моя будущая женошка говорит, что не хочет ничего ждать, будто одна секунда может на что-либо повлиять.

За исключением этого противостояния, наша жизнь вполне себе хороша. Мы ходим по музеям современного искусства, обедаем в дорогих ресторанах и заказываем только особенное вино. Карина дает мне дубликат своей карты, и теперь каждый день я могу снимать приличные суммы. Я покупаю себе новые брюки, рубашки, кроссовки. Понятное дело – от всего этого кругом идет голова. Я могу не появляться на работе неделями. Удивительное время, если бы не одно «но» – Карина таки докручивает свою пластинку про детей. Я все отговариваю ее, все шепчу, целую: «Милая, дорогая, куда же нам спешить, куда?», но она и не думает слушать. Карина стоит на своем. Несколько раз мы даже ссоримся, и довольно серьезно. Я понимаю, что, если хочу и дальше снимать квартиру в центре, должен пойти на уступки. Твой брат заявляет, что к ребенку пока не готов, но протягивает девушке колечко. Мы уезжаем в город, где прошли три великие чумы, и, под предлогом того, что я пишу важный текст про любимую команду местных евреев, в течение двадцати дней планомерно выжигаем карточку ее отца.

По возвращении мы расписываемся. Я прошу, чтоб церемония была тихой. Собственно, я никого и не приглашаю. Ни друзей, ни тебя, ни мать. Мама узнает, что я женился, кажется, годом спустя. Мне удастся убедить Карину, что все эти торжества – полная ерунда. Я хочу, чтобы все было шито-крыто. Все-таки я все еще рассчитываю, что, как только встану на ноги, разведусь и признаюсь в любви Алисе.

Тесть дарит нам пентхаус. У меня появляется собственный кабинет. После жизни в Купчино во все это сложно поверить. Я сплю в тишине. Каждый день к нам приходят две домработницы: одна только убирается, вторая готовит. Ты только представь себе – я ничего не делаю сам. За продуктами ездит водитель, если что-то ломается – в доме тотчас появляются мастера. Каждое утро, открыв холодильник, я понимаю, что сбылась моя мечта. Мне нравится смотреть на забитые продуктами полки. Единственной нашей проблемой становятся мокрицы, которых не вытравить.

Через несколько месяцев Карина протягивает мне тест. Я беру в руки эту дурацкую пластмассину и, словно температуру на градуснике, пытаюсь сбить полоски. Ни фига. Ну и ладно, думаю, была ни была. В конце концов, от детей еще никто не умирал.

Девять месяцев пролетают быстро. В день рождения дочери я решаю, что история с Алисой окончена. Не знаю почему, но я убежден, что дочь не может жить без отца. Я не люблю Карину, но понимаю, что теперь она будет со мной всегда.

И я перестраиваюсь. Примиряюсь, спасаюсь. Десять лет комфорта. Я завожу молоденькую секретаршу и увеличиваю количество командировок. Впрочем, с этим проблем нет. В первые годы Карина так счастлива, что не замечает меня. Отправляясь в Вену или Брюссель,

я покупаю билеты не только себе, но и какой-нибудь умеющей держать язык за зубами однокурснице. Окончив университет – выбираю из подчиненных. Мы проводим несколько дней в отеле и разлетаемся по домам. Я даже не разговариваю со своим эскортом. Обыкновенная мастурбация женским телом на фоне уродской груди собственной жены, которая после родов становится еще хуже.

На этом, в общем-то, история могла бы и закончиться. Как ты понимаешь, целое десятилетие в моей жизни все было более чем хорошо. Это ты перепиливал концерты, а я наслаждался жизнью. Я менял любовниц и автомобили, я, вроде как, даже кое-кем стал, но однажды зачем-то посмотрел в окно...

Мне уже выносят счет, когда я замечаю на Большой Морской Алису. Она переходит дорогу. Без охраны, совершенно одна. Я не верю своим глазам, выбегаю на улицу:

– Привет! Я тебя узнал!

– Ты вообще кто?

– Я Лев, Лев Смыслов. Главный редактор газеты! Мы с тобой когда-то учились вместе!

– И что?

– Ничего, просто очень рад тебя видеть! Послушай, может быть, выпьем кофе?

– С чего вдруг?

– Да просто так. Почему бы и нет? Я здесь, в «Астории»...

– И что с того? – ее голос оказывается именно таким, как я всегда себе представлял. Низкий, хриплый, почти мальчишеский. Ты даже не представляешь, как меня трясет. Не знаю, бывало ли с тобой такое. Наверняка, когда ты выходил на какую-нибудь большую сцену. Все эти зрители, прожектора... Я понимаю, что, если сейчас отпущу ее, не увижу уже никогда.

– Так что, выпьем?

– С какой стати я буду пить кофе в этой помойке?

– Хорошо, давай не здесь. Где ты хочешь?

– В этом городе нет нормального кофе.

– Хорошо, тогда где?

– Что ты имеешь в виду?

– Ты говоришь, что в этом городе нет нормального кофе, я спрашиваю, где бы тебе хотелось его выпить?

– А у тебя что, есть собственный самолет?

– Нет, но первый класс еще никто не отменял.

– У меня нет с собой паспорта.

– И у меня. Заедем домой, заберем паспорта и полетим, куда скажешь!

– Ты угощаешь?

– Да.

– Мы не будем спать.

– Я понимаю.

– Я хочу на Виа Венето.

– Виа Венето? Отлично! Я узнаю, во сколько рейс, и пришлю за тобой машину, идет?

– Нет, я доберусь до аэропорта сама. Как тебя зовут? Я не расслышала...

– Лев...

– Вот мой телефон, Лев. И знаешь что?

– Что?

– Тебе надо брови поправить...

В 17.45 мы сидим в самолете. Я плету Карине, что мне жизненно необходимо посмотреть какой-то там матч, но жена и не задает лишних вопросов. Уже много лет ее волнует лишь дочь. В наших отношениях какой-то там юбилейный кризис. Поразительно, что за все эти годы ни

разу не поднимался вопрос моих измен. Мне удалось выходить сухим из воды, но я сейчас не об этом...

В общем, мы летим. Я и Алиса. Немного, но все-таки говорим. Я очень осторожен, впервые в жизни боюсь наговорить лишнего. Мы летим, и я чувствую, что, как этот аэробус, лечу я.

Ты только представь себе, малой: поздний вечер, вечный город, теплый воздух. Рядом со мной, спустя столько лет, моя мечта. Я что-то говорю, она, кажется, иногда улыбается. Как она и просила, мы отправляемся на Виа Витторио Венето. Для кофе, конечно, уже поздновато. Мы пьем вино. У меня нет плана спить ее, нет. Я просто схожу с ума. От счастья. На Алисе белая рубашка. Закатаны рукава. Пуговицы расстегнуты так, что можно задохнуться. За эти годы она совсем не изменилась! Алиса спрашивает, как часто я делаю маникюр. Я отвечаю, что никогда. «Ну ладно. Пойдем в гостиницу?» – спрашивает она. «Пойдем, да».

Мы живем на разных этажах. Я снял ей самый дорогой номер, себе – обыкновенный. В ту ночь Алиса засыпает одна. Я курю на балконе, смотрю на Рим и думаю, что жизнь, наконец, моя.

Следующим утром мы возвращаемся. Какие-то пустые слова. Сообщение на прощание, в котором я благодарю ее за прекрасный вечер, и тишина. Всю неделю я сижу в своем кабинете и думаю только о том, что хочу быть с ней...

Верхом на звезде,
Вцепившись в лучи,
С луной на поводке в ночи...

Верхом на звезде,
Несусь навстречу ветрам
К несбывшейся мечте из сна...

О, жизнь так прекрасна
О, жизнь так прекрасна, вполне
Бывает немного опасна, оу-е.

Возьми мое сердце,
Храни, вспоминай обо мне,
Поверь мне, что все не напрасно...

Верхом на звезде
Над лесом-рекой,
Потерян навсегда покой.

Верхом на звезде
Несусь навстречу ветрам
И создал этот мир – я сам...

У меня есть дочь – дочери скоро в четвертый класс. Кажется, дочь не очень любит меня. Впрочем, это нормально, успокаивает жена. Ну, раз нормально...

В пятницу я вновь посылаю сообщение:

«Полетим на кофе?»

«Куда?»

«К медведю с земляничным деревом...»

«Да...»

И мы летим. И все повторяется. Самолет, новый город, разве что другого цвета машины такси. На этот раз мы не идем в ресторан. Алиса говорит, что хочет побыть одна. «Я все понимаю», – отвечаю я. Мы расстаемся на весь день. Она гуляет по магазинам, я иду на матч «матрасников». Вокруг меня сорок тысяч человек, но я их не слышу. У меня только звон в ушах и имя ее: Алиса, Алиса, Алиса. Алиса, которая не подпускает меня. «Атлетико» выигрывает – проигрываю я.

Вечером стучусь в ее номер.

– Привет, я просто хотел спросить, как тебе Мадрид?

– Кажется, хорошо.

– Хочешь, останемся здесь еще на день?

– Да, пожалуй, да.

– Тебе нравится твой номер?

– Да, наверное, да.

– Хорошо, тогда до утра. Завтра, если ты хочешь, ходим куда-нибудь?

– Да, пожалуй, можем сходить. И знаешь еще что, Лев?

– Что?

– Тебе, может быть, сделать маску лица? У тебя очень сухая кожа...

Мы летаем минимум два раза в месяц.

«Где?»

«У башни...»

«Хорошо».

Прямых рейсов не так уж и много. Через полгода у нас заканчиваются легко доступные города. К этому времени у меня не остается денег. Все, что в тайне от Карины я накопил за десять лет, потрачено! Из сбережений – лишь бонусные мили. Слишком дорогое удовольствие – кофе и выбранные ею номера. Алиса по-прежнему не моя. За все это время она ни разу даже не поцеловала меня. Мы все еще друзья. У меня есть деньги на последнюю поездку, и я собираюсь добиться своего, жаль только, Карина выгоняет меня.

– Ты куда?

– Нужно слетать посмотреть на любимую команду Гитлера...

– Потаскуху свою берешь?

– Дорогая, ты о чем?

– Не о чем, а о ком! О твоей губастой шлюхе!

У тебя есть жена. Раз в неделю твоя жена посещает салон красоты. В этом салоне все сотрудники обязаны носить строгую черную одежду. В этом салоне (а где же еще работать после филфака?) администратором числится девушка по имени Алиса, которая рассказывает своим подружкам-коллегам, что бросила того толстого, но уже опять не одна. У нее новый. Кто он? Хороший! Интеллигентный, веселый, но главное – щедрый. Где он работает? Он главный редактор спортивной газеты. «Да?» – спрашивает постоянная клиентка Карина. «Да», – с удовольствием отвечает администратор Алиса. «Насколько щедрый?!» – спрашивает женщина. «Весьма! – шутливо отвечает Алиса. – Он показал мне половину Европы и всегда селит в самые дорогие номера. Жаль только, у него семья, но он уже пообещал мне уйти из дома». – «Да?» – еще раз переспрашивает моя жена. «Да...»

Карина бросается на меня. Она кричит, выворачивает мои карманы. Жена забирает все: ключи, кредитки, даже монеты. Карина вырывает мой паспорт и разрывает его на глазах у ребенка. Глупость какая – я ведь даже не изменил ей.

Оказавшись на улице, я звоню Алисе. Говорю, что у меня хорошие новости, что я наконец ушел из дома. Я назначаю встречу. Алиса счастлива, вбежав в ресторан, впервые в жизни она целует меня.

– Привет, котенок, ну как ты, как дела?

– Я поживу у тебя?

– За городом? Зачем? Думаю, тебе будет неудобно каждый день ездить на работу с этими пробками!

– Алиса, хватит врать, я все знаю! Нет у тебя никакого загородного дома. Ты работаешь администратором в салоне красоты...

– С чего ты это взял?

– Жена рассказала. Она часто бывает у вас. Ты сама ей все наплела...

– Боже... Ты уже выгнал ее?

– Вообще-то она выгнала меня...

– Ну и ладно, выгнала и выгнала. Твои адвокаты все равно ведь ничего ей не оставят, да? Ты снял квартиру? Или поживешь в «Астории», как всегда? Может быть, слетаем в Милан?

– Алиса, послушай, я обманывал тебя. У меня ничего нет. Все, что я делал эти годы, я делал только потому, что очень любил тебя, все эти годы очень любил! Моя дочь – результат любви к тебе. В день, когда я впервые увидел тебя, у меня не было ни гроша. Я подумал, что ты очень богата, что мне нужно дорасти до тебя. У меня нет денег, но я обещаю, обещаю, что найду работу и сделаю все, что от меня зависит... Теперь у меня есть связи, я смогу!

– Лев, ты сейчас шутишь? Ты так проверяешь меня, да?

– Нет, зачем бы мне это?

– Значит, ты серьезно?

– Да.

– И у тебя совсем нет денег?

– Сейчас я даже за этот кофе не смогу заплатить.

– Ты хоть понимаешь, на что я пошла ради тебя? Я рассталась с другим человеком. Ты хоть понимаешь, как много значил для меня этот шаг? Я все взвешивала, я сделала выбор в пользу тебя! Как ты мог?! Как мог ты все это время так подло обманывать меня?

– Послушай, но ведь и ты мне лгала.

– В чем?

– Ты не рассказывала мне, что всего лишь администратор...

– А ты меня об этом спрашивал?

– А зачем мне было спрашивать, если я видел, на какой машине ты едешь?

– Какая разница, на какой машине я ездила в университете, если она не моя?

– Откуда мне было знать, что она не твоя? Послушай, я ведь на все это пошел только потому, что хотел соответствовать тебе. Дай мне всего несколько месяцев, и я все исправлю...

– Лев, ты поставил меня в абсолютно идиотское положение! Я все потеряла! Где ты собираешься жить? У меня? Что мы с тобой будем делать? Яблоко одно на двоих делить? У меня и без тебя в жизни хватает проблем! Убирайся, я заплачу за твой кофе.

Такая, брат, пошлость, такая вот срамота. Я еще пытаюсь объясниться, но Алиса уже не слушает меня. Она швыряет на стол какую-то мелочь и уходит. Все это, конечно, хорошо, только и этих денег не хватает. Я прошу официанта записать на мой номер и убегаю.

На улице палит солнце. В городе стоит невыносимая, влажная жара. Я думаю, что у меня выдался забавнейший день. Еще час назад у меня были жена и ребенок. Все в моей жизни было

ровно и понятно. Еще утром я собирался лететь в Берлин, и теперь, стоя на краю дороги, без рубля в кармане, слушаю, как из машины на перекрестке доносится Визбор:

Что у нас за дела?
Да как-то все разбрелись.
Верочка родила.
Славины развелись.
Я получил отдел.
Сашка съездил в Париж.
Все в суматохе дел...
Ну а ты что молчишь?

Ладно, малой, давай вернемся в ресторан. Думаю, теперь ты готов к тому, чтоб я все рассказал...

**Побочная партия,
в которой один за другим будут звучать отрывки из жизни
Антоня Пятого, Льва Смыслова и Александра Славина.**

Антон заботлив. Он внимателен, сдержан и, несмотря на нервную работу, всегда спокоен. Арина замечает, что муж, тот самый влюбленный в свою профессию парень, меняет «айфон» на старенькую «нокию» – чтоб не отвлекаться на телефон. Антон перестраивает себя. Реконструкция мужчины в отца. Для Арины становится большим сюрпризом, что в тайне от нее в течение месяца муж посещал курсы молодых пап. Теперь он знает, как надевать памперсы, и понимает, в чем отличие ночных и дневных подгузников. Антон идеально перестилает простынку, знает, как правильно держать девочку, и, более того, уже с первого раза сам купает дочь. Молодой отец покупает все необходимое: градусники (электронный для удобства и ртутный для надежности), видеоняню для спокойствия жены и одежду для новорожденной. Впрочем, порой забота Антона доходит до смешного: когда девочка спит, Антон часто подходит к ней и легонечко толкает.

– Что ты делаешь, милый?

– Проверяю, все ли с ней хорошо. Мне кажется, что она может перестать дышать или у нее остановится сердце.

– Глупый, почему у нее должно остановиться сердце?

– Не знаю, но ведь бывает такое, что малыши умирают?

– Всякое бывает, глупый, но твоя любовь будет оберегать ее.

пауза

– Когда мы возвращаемся – за нашим столом ужинает Алиса. Брат не разрешает ей остаться и просит пересесть. Алиса цокает, но повинуется.

«Смотри, последний шанс заняться любовью упустишь», – зачем-то пытаюсь пошутить я. «Да уж, и не говори... Ладно, давай я продолжу. На чем мы остановились?» – «На том, что Карина выгоняет тебя». – «Да. В общем, я возвращаюсь домой. Не к себе, но в Купчино. Здравствуй, мама, вот и я. Ни денег, ни паспорта, ни работы. Я поживу у тебя? Что стряслось? Да так, ерунда. Мама, пожалуйста, не мучь меня...»

Я стою в родительской спальне, рассматриваю вещи отца. Сколько лет я не был здесь? Говорят, вдовы делятся всего на две категории: те, что сразу избавляются от всех вещей мужа, и те, что бережно хранят, стирают и гладят рубашки покойного супруга. Я примеряю свитер.

Мама молчит, стоит у окна. Как-то странно улыбается, все смотрит на меня. Наверное, узнает во мне отца. В этот момент я все еще надеюсь, что Карина простит меня. Я все жду ее звонка. Ну кто сейчас кому не изменяет? Я все-таки по-прежнему ее муж, мы были вместе столько лет... Я уверен, что девочке нельзя без отца. Может, мы даже заведем еще одного малыша, и у нас все наладится...

Несколько дней я прихожу в себя. Хожу по квартире, рассматриваю разные побрякушки.

Спустя неделю решаюсь потребовать девочку. Во-первых, я действительно скучаю, во-вторых, думаю, что если дочь будет жить со мной, Карина не оставит нас без денег. Я, конечно, в полном отчаянье. В редакции все прекрасно понимают, что меня уволила жена. Этот слух разлетелся по всему Петербургу. Всякий раз, когда я набираю домашний номер, мне перезванивает ее отец и обещает сломать нос. Говорит довольно убедительно, более того, находит меня в Купчине и присылает к дому двух пацанов. Через них я узнаю, что Карина подала на развод, а тесть требует вернуть деньги... Вот тебе и конец первого акта. Так я становлюсь еще и должником. Моя жизнь – минорная мелодия, которую я пытался переложить в мажоре...

Короче. Я сижу на лавочке перед подъездом, смотрю на новые, втиснувшиеся в наш двор многоэтажки. Я понимаю, что должен действовать, только сил и идей у меня нет. Мне хочется только плакать и лежать. В бесконечных окнах горит свет. Я чувствую, что больше не имею ничего общего с этими людьми. Я не имею права здесь оставаться, но не знаю, как встать. Я знаю, что лучше их, я заслуживаю большего. Теперь я знаю, что можно жить иначе. Я подобен усыновленному сироте, которого приемные родители возвращают в детдом. Я видел, как живут в настоящих и правильных семьях, и я собираюсь что-нибудь предпринять».

пауза

– Антон, где ты был?

– Выходил на лестничную площадку.

– Зачем?

– Закрывал окно.

– Зачем ты закрывал окно на лестничной площадке?

– Всякий раз, когда я прохожу мимо – мне страшно. Будто какая-то невидимая сила тянет меня туда. Чтобы успокоиться, мне всегда нужно подойти к самому краю и посмотреть вниз, и только когда я увижу землю, мне становится легче и я могу идти дальше.

– Господи, я вышла замуж за сумасшедшего.

– С этим не поспоришь – это да. Как она? Спит?

– Спит, да.

пауза

– Заканчивается одна сигарета, случается следующая. Мнутя пустые пачки, гаснут огоньки. Весна упадничества, первые подснежники меланхолии. Карина не отвечает, Алиса тоже. Я никому не нужен. Мне хочется поговорить с отцом, но и его нет. Наша квартира раздражает меня. Я вообще не понимаю, как ты в ней живешь. Повсюду ноты, никаких игрушек. Я по-прежнему сижу на лавочке перед подъездом и слушаю, как ты разрешаешь цепочки трезвучий. Вот бы и жизнь была так проста. Субдоминанта, доминанта, тоника. Ты, похоже, справляешься, а я – я совершенно точно нет. Из какого-то окна, заглушая тебя, доносится Lorde. Что-что, а переводить я пока не разучился.

Я никогда не видела бриллиантов вживую,

Я узнала об обручальных кольцах из кино
И не горжусь тем, что я из полуразрушенного города
С незавидным индексом...

Разглядывая облупившиеся дома, я вспоминаю пустыри, которые были здесь в день моего отъезда. Я думаю, что если сесть в самолет, то уже через четыре часа можно оказаться в последнем городе Набокова. Я вспоминаю площади, набережные и узкие улицы, кажущиеся теперь несуществующими. Я ненавижу себя. Скромность – навык, которым я никогда не обладал. Я всегда мечтал о большем. Воистину, человек есть страсть быть кем-то больше себя.

И мы никогда не будем королями,
Этого нет в нашей крови,
Такая роскошь не для нас, нам нужна иная шумиха...

К счастью, во всяком случае тогда мне кажется, что к счастью, в один из вечеров возле подъезда останавливается джип. Тонированный, дорогой, новый. Из машины выходит Кало.

– Ни хрена себе! – потрясенный увиденным, кричу я.

– Лева, дорогой, привет!

– Ты фуру наркоты продал?

– Да нет! Ты же знаешь – это не про меня.

– Украл, что ли?

– Да она моя...

– Охренеть – твоя!

– Серьезно говорю!

– Вот дела!

– А ты-то что здесь делаешь?

– Да долго рассказывать, брат, а ты?

– Приезжал к следователю – вызывали меня.

– Зачем?

– Хотели сообщить, что потеряли все документы по делу. Предупредили, что теперь, судя по всему, гораздо сложнее будет найти убийц...

– Вот суки...

– Да, такие дела... Ну а ты? Ты-то чего здесь, спрашиваю?!

– Говорю же – нечего мне тебе рассказывать...

– А ну-ка пошли ко мне!

И мы заходим к Кало. Садимся в гостиной. Включаем покрытую пылью приставку, берем в руки джойстики.

– Готовь очко!

Здесь все, как и много лет назад. Только зеркальца на окне больше нет.

– Почему бы тебе не продать эту квартиру?

– Не знаю... Дом все-таки...

– Странно слышать это от цыганья... Как Москва?

– Москва ничего. Стоит.

– Ты надолго сюда?

– Нет, всего на два дня приезжал. Утром обратно. Ты-то расскажешь наконец, что у тебя?

Я в прошлый приезд встретил твою маму, она говорила, что у тебя семья.

– Была.

– Что случилось?

- Так, не важно. Разошлись. С другой загопила меня...
- Вот кобель! Молодец!
- И не говори...
- Ну а с работой что?
- Нет у меня никакой работы, Кало...

Кало жмет на паузу. Останавливает игру. Смотрит на меня.

- Мама твоя говорила, что ты в газете спортивной работал, это правда?
- Да.
- А чего не звонил мне никогда?
- А ты чего, звонил?
- Есть у меня работа для тебя, если хочешь. Поедешь со мной в Москву?
- А что за работа?
- Нормальная работа, интересная.
- Да у меня даже паспорта нет!
- Паспорт сделаем, паспорт ерунда! – говорит Кало и включает погромче музыку:

В девяносто первом, когда Союз растаял,
Взрослые дяди делили страну, часто стреляя,
А нам досталась свобода, паленая водка,
Джинсы-варенки и музыка в китайских колонках.

пауза

Дождь не выдыхается. Словно профессиональный марафонец, он идет в одном темпе. На улице больше нет даже фотографирующихся японцев. Время от времени с включенными проблесковыми маячками пролетают способные заморозить любого ребенка машины скорой помощи. Машины яркие, новых, неестественных цветов. Лугано готовится к затоплению. Через большое (во всю стену) панорамное окно я вижу первые красные шланги насосов, которые откачивают воду. Люди в салатových костюмах сооружают укрепления. Я понимаю, что сегодня будет великий концерт!

пауза

В заключение я намереваюсь рассказать о судьбе еще одного человека. Мне бы хотелось поведать о прокуроре, результатом самозабвенной работы которого стал расстрел более чем двухсот тысяч осужденных. Безусловно, государство не могло не отметить труд гражданина, который в одиночку смог раскрыть преступную группу такого масштаба. Уже через день после приведения в исполнение последнего приговора прокурор был представлен к одной из высших государственных наград. Волей Императора орден был приколот незамедлительно, минуя всяческие формальности. За наградой последовали повышение по службе, государственные премии и, в соответствии с новым законом (автором которого по чистой случайности был старший брат прокурора), право обладания всей недвижимостью и финансами осужденных. Так в один день обычный прокурор стал главным мультимиллиардером империи.

Чтобы не платить налоги, которые теперь калькулировались в кругленькую сумму, прокурор приобрел трехсотметровую яхту и сто девяносто дней в году проводил в нейтральных водах, посылая за друзьями и юношами, которых очень любил, частный вертолет. Несмотря

на то что в день вынесения последнего приговора прокурору исполнилось всего двадцать два года, он попросил отставку по состоянию здоровья и тотчас получил ее, заблаговременно вступив в состав совета директоров одной трансатлантической компании, которую вскоре купил. Несколько первых лет пенсии показались прокурору довольно интересными, но позже молодой человек стал испытывать приступы меланхолии и по совету собственных врачей попросился обратно. Прокурора приняли на службу, но отстранили, и вот почему...

В день прямой линии с Императором брат прокурора, один из приглашенных в студию законотворцев, напомнил, что в эту самую минуту отмечается ровно пять лет с того великого дня, когда Империя рассекретила и вынесла приговор двумстам тысячам предателей. Император улыбнулся, кивнул и спросил: «Ну а вопрос-то у вас какой?» Вопрос был следующий: «Все мы помним прекрасную работу прокурора, благодаря которой были наказаны худшие, бывшие сыны нашего отечества, но отчего-то совсем не вспоминаем про адвоката, который также принимал участие в этом процессе...» – «Что вы имеете в виду?» – поинтересовался Император. – «Я только хочу отметить, Ваше Всесилие, что среди нас по-прежнему спокойно и даже безбедно прохлаждается человек, который пытался оправдать двести тысяч преступников. Он не только нашел в себе силы прикрывать их, но и, по сути, встал на их сторону, ибо можно представить, что человек оправдывает одного негодяя, быть может двух, трех или даже десяток, но ни в коем разе не сотни тысяч ублюдков! Когда зло приобретает такие масштабы, у человека честного и патриотичного не остается сомнений, что зло это осознано. Я бы сказал так, Ваше Всесилие: вы можете не разглядеть зло в одном, даже в двух-трех подонках, но когда перед вами вырастает армия зла – вы уже не можете отрицать его существования. Я твердо убежден, что зрители этой прямой линии непременно согласятся со мной – мы должны задуть последнюю гадину! Если сейчас мы дадим ему спокойно жить, то где гарантия, что послезавтра он не соберет армию таких же предателей?!» – «Ну, не надо обвинять человека в том, что он еще не совершил!» – со снисходительной улыбкой произнес Император. «Это верно! Это абсолютно верно, Ваше Всесилие! Тут я с вами полностью соглашусь! Тогда, раз у меня уже вырывают микрофон, я позволю себе задать вот какой единственный и последний вопрос: можем ли мы, обычные патриоты своей страны, надеяться, что в данном деле, пускай и спустя пять лет, будет поставлена точка?»

Император немного поерзал и, сделав глоток чая из специально подогретой фарфоровой чашки, заметил, что вопрос остается вне его компетенции. Не ему, Императору императоров, решать, будет ли в полдень первого июня истреблен адвокат. Если же господину законодателю интересно мнение не Императора, но обычного, рядового гражданина, то ему да, безусловно, хотелось бы, чтобы дело было доведено до конца...

Ясным утром первого июня адвокат был прикован к столбу за одну ногу и после нескольких часов приготовлений, в течение которых безуспешно пытался вырваться, умерщвлен.

В яму запустили двух такс. Охотничьи собаки бросились на адвоката. Они кусали его за ноги и руки, которыми в первые минуты мужчина еще пытался отбиться. В прямом эфире зрители могли наблюдать за тем, как напуганный адвокат пытается справиться с двумя, казалось бы, безобидными псынами. Между тем, таксы были отлично выдрессированы, и всякий раз их клыки уходили глубоко под кожу. Собаки рычали, из проколотых рук осужденного лилась кровь. После разминки в яму запустили четырех бультерьеров. Так как челюсти этих собак можно было разжать лишь с помощью гидравлики, предполагалось, что квартет специально обученных сук вцепится в конечности и тем самым окончательно парализует адвоката перед выходом мастифов. К сожалению, произошла накладка. Если первые три собаки четко выполнили свою задачу, повиснув на ногах и правой руке соответственно, то последний бультерьер разорвал адвокату шею. Мужчина потерял огромное количество крови и уже через минуту отключился. Режиссер прямого эфира принял решение уйти на рекламу, но во время паузы врачам так и не удалось спасти осужденного. Как результат – к большому сожалению телезри-

телей и руководителей канала, запущенные в яму мастифы начали разрывать уже бездыханное тело. В деле последнего предателя страны была поставлена обыкновенная точка.

пауза

Перед базой дежурят несколько десятков журналистов. Щелчки затворов фотоаппаратов смешиваются с криком толпы. Пришедшие в массе своей веселы. Славин, безусловно, не тот футболист, который мог бы привлечь такое внимание, но история его попадания в профессиональный футбол прекрасна!

Как и журналисты, одноклубники смотрят на Александра с улыбкой. Уже во время разминки, хотя дело еще не дошло даже до двусторонки, становится понятно, что новичок не соответствует уровню профессионального клуба. Славин-младший медлит, далеко отпускает мяч, с трудом просочившись между препятствиями, гораздо слабее других посылает снаряд в ворота. Вратарю не составляет никакого труда поймать такое еле-еле, скорее случайно, пущенное ядро. «Ничего-ничего, – успокаивает себя Саша, – в конце концов, я защитник, мы еще посмотрим, кто кого».

Кто кого, становится понятно уже через час. Когда главный тренер делит одноклубников на две команды, «манишки», за которые выступает Александр, проигрывают первый тайм со счетом ноль-шесть. Все шесть голов забиты через новичка. Одноклубники натурально измываются над ним. Его возят, убирают, по несколько раз за атаку прокидывают мяч между ног. После пятого пропущенного по вине Славина гола русская часть команды смеется в голос. Легионеры не совсем понимают, что происходит, но продолжают играть.

Саша входит в раздевалку последним. Переодеваясь, русские футболисты будто бы бубнят себе под нос, но каждый делает это так, чтоб Александр отчетливо услышал: «труп», «кусок овса», «маменькин сынок», «мажор». Всего за несколько секунд Саша слышит столько, что впору расхотеть играть навсегда. Иностранцы ведут себя сдержанно. Один из них, невысокий легионер, подойдя к Александру, протягивает ему бутылку с водой и, присев рядом, говорит по-французски:

– Ты ведь понимаешь, да?

– Да.

– Правда, что твой отец собирается ставить тебя в основе?

– Он сказал, что да.

– Послушай, я очень уважаю твоего отца. Он щедрый человек, предан клубу, многое сделал для нас, но если ты действительно собираешься выходить на поле – я предупреждаю, что поломаю тебя.

– Я же сказал, что не подведу!

– Ты, может, хороший парень – я не знаю, мы вполне могли бы как-нибудь погонять мяч на поляне, но я повторяю: если ты еще раз появишься здесь – я лично угроблю тебя. Я вкачусь в тебя, и мне будет абсолютно наплевать, кто твой папочка и какой самый дорогой в мире спортивный хирург будет лечить твою ножку. Ты понимаешь, о чем я?

– Понимаю.

– Вот и хорошо, мой друг! Хорошего вечера!

Александр стягивает и бросает манишку. Снимает майку и шорты. Кидает на пол щитки. Из душа доносятся веселые разговоры. Раздевалка завалена грязной формой. Одноклубники собираются быстро, прощаются друг с другом, но только не с Александром. Когда здесь не остается никого, вместо того чтобы отправиться в душ, Саша еще раз одевается и выходит на поле. Он просит у персонала базы связку мячей и в течение часа лупит по воротам.

– Александр! Александр! Могли бы вы подойти сюда?

Из-за забора кричит какой-то парень. Все журналисты давным-давно разошлись, но этот, похоже, серьезно настроен получить комментарий.

– Да, что вы хотели?

– Здравствуйте! Меня зовут Антон, Антон Пятый. Черт, у вас тут такая охрана, что даже руку вам не пожать. Никогда бы не подумал, что футболистов охраняют, как патриарха. Впрочем, вы же почти боги!

– Что вам нужно?

– Хочу поговорить с вами о вашем отце, да и вообще о вашей семье.

– Как вы сказали вас зовут?

– Пятый, Антон Пятый.

– Погодите, это ведь вы написали о нас?

– Да-да, именно я. Я все хочу поговорить с вашим папенькой, но он так занят поднятием патриотического духа местного населения, что не находит времени на беседу со мной. По его словам, я представляю неправильное издание. Он говорит, что я подрываю устои его родины, хотя это довольно странно, ведь мои статьи не переводят во Франции. Я подумал, что, быть может, вы уделите мне минутку?

– Я не могу давать вам интервью без разрешения клуба.

– Ой, да бросьте вы! Кому вы здесь нужны? Мы же все все прекрасно понимаем! Могу вас уверить, что футбол и ваш клуб меня нисколько не интересуют. Я бы действительно хотел поговорить о вашей семье. Мне просто очень интересны такие люди, как вы. Мы можем сделать это прямо сейчас.

– Прямо сейчас мне нужно бить по воротам.

– Я могу подождать.

– Я не буду с вами разговаривать – вы хам.

– Лучше быть хамом, чем папенькиным сынком!

– Нет, не лучше. Лучше не быть ни первым, ни вторым.

– Бойтесь наговорить лишнего?

– Боюсь влюбиться в вас.

– Так что, поговорим?

– Нет, идите на хер!

пауза

Центнер несколько раз подходил к нашему столику. Все напоминал, что скоро концерт. Словно муху, я отгонял его и продолжал слушать брата:

– Как только мы выезжаем из Петербурга, Кало заговаривает о работе:

– Ты вообще как к политике относишься?

– Да мне фиолетово как-то...

– Вот и славно, но ты хоть понимаешь, кто за кого?

– Да вроде да...

Кало предупреждает, что возни будет много.

– Рынок постоянно растет. Ты же смотришь телевизор, да? Молодые патриоты провели акцию здесь, молодые патриоты вывесили баннер там. Молодые патриоты сами ничего не делают – молодыми патриотами нужно управлять. Каждый день появляются новые заказы.

Людей, которые способны адекватно принять и выполнить задание, почти нет. Старые игроки не справляются, новые – пугают своей глупостью и прямоотой. Есть всего несколько контор, которые делают все более-менее качественно, и одна из них наша.

– Я пока не очень понимаю, Кало.

– Представь себе: всплывает человек, человек, в силу профессии или глупости своей, лезет в задницу без мыла, переходит дорогу важным людям. На человека нужно надавить, объяснить ему, что он малость попутал. Раньше как в таких ситуациях поступали? Допросы, давление, разговоры – и человека нет. Иногда, если сильно человек лез в залупу – убивали такого человека. Способы разные: грузовик на перекрестке, пуля в голову, яд, выбросился из зарешеченного окна во время допроса. Сейчас времена более-менее травоядные, без особой необходимости и фатального переплетения интересов людей стараются не валить. Случается, конечно, но чаще малым отделяемся: почки отбить, пальцы поломать. Мы, в общем-то, и это, если необходимо, исполняем, но специализируемся на другом.

– На чем именно, Кало?

– Плюс-минус – на любви к родине.

– Это как?

– Это вал всех тех, кто ее не любит. Происходит все так: насолил человек стране (ее могущественным представителям) – давят такого человека. Давят как прыщ. Что для этого необходимо? Первым делом идут на носочках к шефу: «Разрешите разобраться!». Если разрешают – разбираются. Шефов много – работа есть. Просят подготовить сюжеты, вбросы, допросы и уголовные дела. Работаем «под ключ» – прессуем клиентов по всем фронтам. Ты вообще понимаешь, о чем я?

– Ну-у...

– Короче. Людей много – интересов много – заказы есть. Просят разное. Срываем спектакли, постим идиотские комментарии в сети. Надо засрать кого-то – пожалуйста, вывесим плакатик с предателями родины. Ты, главное, серьезно к этому не относись. Это все как компьютерная игра, понимаешь?

– Ну-у... пока... Как ты вообще нашел эту работу?

– Дядя Володя позвал.

– Когда?

– Да вот тогда и позвал, после школы...

– Он этим зарабатывает?

– Непрофильный актив. Помогает в решении многих вопросов. Я курирую. Сейчас большая заинтересованность во всем этом есть, понимаешь?

– В чем именно?

– В сегрегации, Лев, в сегрегации.

– Что ты имеешь в виду?

Первые недели Кало шефствует надо мной. Вводит в курс дела, объясняет тонкости, помогает с проверочными заданиями. Кало ничего не скрывает и, когда я спрашиваю, чем он занимался раньше, спокойно отвечает, что еще со времен школы помогал дяде Володе решать вопросы.

– Какие?

– Разные.

– Зачем?

– Дядя Володя пообещал найти убийц. Он вообще теперь очень уважаемый человек в Москве. Давно заявил о себе.

– Как?

– Как-как! Своей головой! Во-первых, он придумал классный способ отмывать деньги, при случае я тебе расскажу. Во-вторых, изобрел совершенно гениальный способ чистить дома.

– Что ты имеешь в виду под словом «чистить»?

– Грабить, конечно.

– Что гениального можно придумать в ограблениях?

– Благодаря своему математическому складу ума дядя Володя придумывает, как оптимизировать ограбления. Грабить одну квартиру, даже если она в элитном доме и забита деньгами, мало кому интересно. Согласись, интереснее поднять сразу пять, десять квартир. Как вынести все из дома, напичканного камерами и консьержем? Ребята-мусора на все что нужно закроют глаза, но как физически вынести все из дома? Крыша, окна, подъезд? Все не то! Между тем дядя Володя придумывает схему, которая работает в России до сих пор.

– Ну и?

– Ну и не торопи. Он снимает квартиру в элитном доме. Снимает за полгода до предполагаемого ограбления. Все это время воры живут в доме, изучают соседей, знакомятся и так далее. В новогоднюю ночь или другие праздники, когда большинство жильцов разлетаются в отпуска, ребята дяди Володи устраивают ограбления. Вскрыть двери, успеть обнести квартиры до того, как приедет охрана – не беда. Гораздо сложнее по-быстренькому вынести все это добро! И что же делают ребята? Во-первых, они обносят и сами себя, а награбленное прячут в специально выстроенных в квартире тайниках. Через десять минут, когда в элитный дом приезжают мусора, оказывается, что квартиры ограблены, но все камеры наружного наблюдения показывают, что в дом никто не входил и из дома никто не выходил. Камеры внутреннего наблюдения сломаны. Консьержка в ужасе, мусора довольны, потому что они с дядей Володей в доле. Их не волнует, что кто-то кого-то грабит, их волнует только то, что грабители сделали все хорошо, не подставляясь. А включить из себя дурачков, которые не способны раскрыть дело, эти ребята прекрасно умеют. Так через полгода команда дяди Володи съезжает и заселяется в новый дом.

– Но это ведь всего два ограбления в год?

– Во-первых, каждое такое ограбление – это десятки миллионов долларов. Во-вторых, таких команд у дяди Володи три.

– И благодаря этому он стал таким влиятельным, как сейчас?

– Нет, конечно нет! Это всего лишь один из фокусов.

Мои первые задания оказываются чрезвычайно просты. Первые полгода больше напоминают вводный курс. Когда какой-нибудь известный оппозиционер публикует в сети пост – я (в числе сотни подведомственных мне аккаунтов) тотчас набрасываюсь на него. В обязанности входит всего ничего: создать негативный фон и, если удастся, спровоцировать автора на перепалку. Я пишу, что хозяин заметки продажная свинья, что он живет на деньги других государств и не вылезает из заморских консульств. Иногда мне сливают щекотливые факты, и я тотчас использую их. В информационной войне все средства хороши. Если уж гондошишь человека, то делай это наверняка!

Что бы ни происходило в стране, как бы ни лажала власть, из моих комментариев следует, что во всем виноваты Штаты. Вот и весь лейтмотив моей работы. Работа не пыльная, работа, прямо скажем, ерунда. Америка есть единственное оправдание всего дурного на свете. Совсем неважно, происходит ли трагедия в Мурманске или Екатеринбурге – во всем, безусловно, виноваты только проклятые пиндосы. Крысы загрызли младенца в роддоме под Тулой, полицейский изнасиловал задержанного бутылкой в Казани – кто виноват? Конечно, Америка! Мы здесь гадим только потому, что они там срут у себя! Ненависть к Штатам есть единственный и самый действенный мой аргумент. Уже в первые недели я понимаю, что смысла писать взвешенно и разумно нет – есть заказ писать горячо и жестко.

Я комментирую блоги, колонки, статьи. В отличие от других, более мелких троллей, в первое время передо мной не ставят никаких конкретных задач. У меня нет ни заданных тем, ни ключевых слов, которые я обязан употреблять. Кало просматривает и поправляет меня. Он ни в коем случае не давит на новичка. Так, по мелочи, исправляет ошибки. Я чувствую – Кало рад моему трансферу.

Довольно быстро я понимаю, чего от меня хотят. Проход по бровке, финт и навес в штрафную – остальное сделают за меня. Наши болельщики ждут не результата, но красивых голов, не убедительных фактов, но искренности и убежденности в своей правоте. Я могу писать полную ахинею, но за текстами, которые я воспроизвожу, Кало желает видеть пламенного патриота. Я быстро понимаю это. Лев Смыслов схватывает на лету. Создавая очередной комментарий, я намеренно допускаю грамматические ошибки, и это нравится тренерскому штабу. Я алогичен, и это делает меня правым. Россия – страна, где большинство готово верить лишь лжи.

Я совру тебе, малой, если скажу, что работа мне не нравится. Нет, это совсем не так. После редакции все это довольно просто и к тому же весело. Это как обосрать жирную девочку в классе. На самом деле тебе плевать на нее, в глубине души ты даже понимаешь, что издеваться над толстухой плохо, но ты продолжаешь шутить ради шутки. Грешно? Да, возможно, грешно, но только что с того? Про девочку все забудут, класс быстро найдет себе новую жертву, а про тебя будут помнить, как про классного пацана. Ничего личного – в этом деле важно оставаться профессионалом.

Совестно ли мне в это время? Нет, ни хрена. Нет ангелов. Люди, которых я прессую, как и я, полны говна. Разница только в том, что их первыми заказывают у меня. Если хотят – пусть так же троллят и прессуют меня – я не обижусь, и уж тем более моя семья.

В общем, еще несколько месяцев я занимаюсь довольно безобидной работой – пишу всякое говно про людей. Многие, уверен, должны быть мне за это только благодарны – благодаря моей работе два журналиста получают вид на жительство в Штатах.

Впрочем, все это ерунда. Важно только то, что я усердно работаю, и однажды Кало сообщает, что дядя Володя приглашает меня в лес. К этому времени я – автор и режиссер нескольких мини-операций: я подкладываю похоронный венок под дверь одной правозащитницы, подготавливаю срыв театральной постановки и инсценирую нападение на провластного депутата. Все... я все делаю хорошо.

В лесу все по чесноку. Никаких тебе особняков и шале, – дядя Володя всего этого не терпит – обычная палатка. Важные переговоры с заказчиками проходят в шатре, который разбивают метрах в ста от ямы. Ключевые решения, конечно же, принимаются без нас. Более того, если дядя Володя с кем-то и разговаривает, то всегда с глазу на глаз – у нас нет возможности видеть лица людей, которые сюда приезжают.

Я хорошо помню тот полдень, когда впервые стою у ямы. Прикованный за одну лапу к столбу, лежит мертвый медведь. Я смотрю на лужу крови и внимательно слушаю Кало:

- Сегодня дядя Володя пригласит нас поговорить. Ты просто сиди и слушай, хорошо?
- Хорошо, брат, хорошо.

пауза

Александр оказывается не готов. Шквал критики. Команда измывается над ним. «Пас! Пас! Пас!» Каждое касание мяча сопровождается улыбками, охами и вздохами. Даже если Саша отдает точную передачу, одноклубники полагают, что он сделал это слишком медленно. «Назад! Назад! Назад!» На Александра орут защитники и полузащитники! «Давай! Давай! Давай!» Нападающие постоянно жалуются, что он затягивает игру. «Ну! Ну! Ну!»

На первой же после разговора тренировке французский легионер, как и обещал, катится в Александра двумя ногами. Хорошо обученный футболист влетает точь-в-точь в сплетение нервов. Александр делает кульбит и валится на газон. В глазах вспышка, против воли крик вырывается изо рта. Саша корчится, вгрызается в траву, но тренер не останавливает двусторонку. Никто из ребят не помогает травмированному. Саша поднимает руку, показывая, что ему нужна помощь, но командные врачи остаются на скамейке.

Простые миллионеры. Партнеры Александра имеют дорогие автомобили и загородные дома, но за каждым из них стоит свое собственное Купчино. Их не запугать тенью богатенького отца. Если понадобится – они плюнут владельцу в лицо и попросят агента подыскать новую команду. Саша поднимается и, щурясь от боли, возвращается в игру. Он просит пас, но партнеры продолжают игнорировать его. Более того, теперь на Сашу бросается не только француз. Его бьют локтями, катятся, стараясь попасть в больную ногу. Александр пробует отобрать мяч, идет в стыки, стелется в подкатах, но оттого выглядит еще смешнее. Стоит Александру самому сыграть жестко, тренер останавливает тренировку и выгоняет его с поля:

– Так нельзя относиться к собственным коллегам! Иди отдохни!

пауза

Вечером мы сидим у костра. Кало поправляет угли, дядя Володя, глядя на огонь, спокойно говорит:

– Когда на рельсах внезапно появляется человек, поезд не останавливается – из-за резкого торможения в вагонах могут погибнуть десятки или даже сотни пассажиров. В этот момент нужно думать не о том, кто на рельсах, но о детях, которые внутри, понимаете?

– Дядя Володя, ну к чему вся эта патетика, а?

– Чернушка, давай я сам буду решать, что херня, а что нет, хорошо?

– Хорошо, мы просто давно готовы вас слушать.

– Ладно, готовы – это хорошо. Короче. Есть журналист – журналист хороший, с властью не флиртует. Пишет славно. Время от времени балуется литературой, публикует рассказы. Парень, в общем-то, неплохой, но с недавнего времени начал копать под меня. Слишком многое, гаденыш, берет на себя. Роет как крот. Строит графики, выдает точные адреса. Кубометры денег, сука, находит.

– Вы знаете, кто за ним стоит?

– В том-то и дело, что, походу, никто.

– Откуда же у него информация?

– А хер его знает. Если узнаете – буду тронут. Так или иначе, ублюдок совсем охренел. Лупит по мне как из пулемета. Все, что он пока навалил, я замну, но дальше это продолжаться не может. Необходимо заткнуть малыша. Я вас, ребята, никогда ни о чем таком личном не просил, но тут серьезная история. Короче, я хочу попросить вас избавиться от него, иначе, того и гляди, мы все ко дну пойдем.

– В каком смысле, дядя Володя?

– А что я непонятного говорю, чернушка?

– Я имею в виду, что значит избавиться? Убить его?!

– Что ты, млядь, как из девяностых? Зачем убивать сразу? Я что, когда-нибудь кого-нибудь убивал? Ты слышал про то, что Славин кого-нибудь убирал? Мне мое имя дорого, чернушка! Я что, тебе сказал: «Завалите его»? Я, между прочим, занимался науками и творчеством всю жизнь, а не людей шпиговал. Я просто хочу, чтоб он заглох. Что в этом непонятного?

– Как заглох, дядя Володя?

– Пусть валит из страны!

– Но он же и оттуда сможет писать.

– Это уже не будет иметь никакой силы. Если я здесь, а он там – все это пустая болтовня! Люди не верят тем, кто пишет из-за границы. Он для них сразу станет предателем. Я со своей стороны готов помочь вам всем необходимым.

– Но как мы его вытравим?

– Чернушка, ну вот я тебя зачем сюда позвал? Чтоб ты мне все эти вопросы задавал? Зачем мне человек, который задает вопросы? Не можешь, давай мы все прикроем, и я к кому-нибудь из конкурентов обращусь. Если мы уже элементарные вещи не способны выполнить, то для чего мы всем этим занимаемся? Зачем нам офис новый, пять этажей троллей? Может, я в тебе ошибался, а? А если бы такой запрос от шефа пришел – ты бы мне тоже все эти вопросы задавал?

– Может, нам его припугнуть?

– Я же сказал – делай, что хочешь. Главное, чтоб все тихонечко, красиво было.

Я молчал. Внимательно слушал дядю Володю. Кало велел мне не встречать, и до поры до времени я выполнял его наказ.

– Мы превратим его жизнь в ад!

– Второй русский паспорт ему дашь, что ли?

– Нет, я серьезно! Если мы хотим, чтоб он уехал из страны, все, что нам необходимо, – сделать его пребывание здесь невыносимым.

– В поликлинику будешь его постоянно гонять?

– Пока не знаю, дайте мне несколько дней!

пауза

Антон сидит возле кровати. Девочка спит. Арина входит в детскую и, с улыбкой посмотрев на мужа, тихо произносит:

– Что ты здесь делаешь?

– Хочу поработать, прислали кое-какие документы.

– Опять разоблачительная статья?

– Что-то вроде того, да.

– Ты помнишь, что у тебя теперь есть дочь?

– Тут ничего страшного, не беспокойся.

– Зачем тебе сидеть здесь? Ты же испортишь себе глаза.

– Не знаю, хочу побыть с вишенкой.

– Я, кстати, прочла отрывки утопии, которые ты мне переслал...

– Ну и как, сыровато, да?

– Ты же знаешь, что у тебя простушка-жена, – я ничего в этом не понимаю, но мне понравилось.

– Надо будет как-нибудь найти время, дописать все это, да...

– И тогда мой муж станет писателем?

– Если только ты готова к тому, что твой муж перестанет зарабатывать.

– Я готова.

– Ну, тогда, может, и станет, да.

– Мама завтра хотела приехать, побыть с Настей, ты не против?

– Конечно, нет, я только за! Тем более у меня есть кое-какие дела в редакции.

– Антон, я хотела поговорить с тобой об этом...

– Про твою маму?

– Я серьезно. Послушай, теперь ты должен быть осторожнее. Я беспокоюсь за нас.

– Милая, перестань, у тебя самый трусливый на свете муж! Я не делаю ничего, что могло бы повлечь за собой хоть какие-нибудь серьезные последствия.

- Разве в этой стране можно угадать, что повлечет за собой серьезные последствия?
- Конечно, можно! Не называй фамилий, не показывай счета.
- Очень смешно! Это именно то, что ты теперь делаешь.
- Я осторожен, правда!
- Да? Так же, как и твои коллеги? Антон, да при вашей газете можно кладбище открывать!
- Не говори глупости.
- Сколько у вас мертвых журналистов?
- Четверо...
- Разве они не говорили своим женам то же самое?
- Только трое из них, у одной, как ты помнишь, был муж.
- Антон, прошу тебя, поговори со мной серьезно!
- А чего тут говорить-то? Все будет хорошо!
- Одно дело, когда ты критикуешь власть, и совсем другое, когда выкладываешь адреса и цифры.
- Ну я чуть-чуть, не беспокойся!
- Антон!
- Да что Антон? Ну что ты прицепилась?
- Я не прицепилась! Я волнуюсь за нас!
- А чего тут волноваться? Я же говорю, что все хорошо!
- Я вообще не понимаю, кому все это нужно...
- Что значит, кому все это нужно? Людям, людям, Арин!
- Ты же сам говорил, что людям в этой стране на все наплевать.
- В большинстве своем да, но есть и те, кто еще помнит, что такое правда.
- Разве не ты говорил, что это страна с самым большим желудком во вселенной? Разве не ты говорил, что нет здесь новости, которую эта страна не способна была бы переварить? Разве не ты говорил мне, что этих гурманов уже ничем не удивить?
- Никогда бы не подумал, что ты так серьезно относишься к моим словам.
- Я сейчас не шучу, Антон!
- Ну и я не шучу... Послушай, у меня появился надежный источник. Этой информацией обладаю только я. Все это совершенно невероятная удача, подарок судьбы! В этой папке удивительные факты! Обо всем этом можно только мечтать и совершенно точно нельзя молчать! Люди, которые ведутся на патриотический пафос этого Славина, должны знать, как и где он живет. Эти документы – не вопрос моего выбора, речь здесь не идет о том, хочу я это публиковать или нет, речь идет только о том, что я обязан это опубликовать. Это моя профессия! Врач лечит – я пишу. Когда пожарный входит в горящий дом, он же не обсуждает со своей женой целесообразность данного поступка, верно?
- Наш дом давно сторел!
- Жаль, бывший премьер тебя не слышит – он бы посмеялся.
- Я иногда тебя не понимаю. Неужели ты хоть на минуту не можешь перестать шутить?! Неужели ты и вправду не понимаешь, чем все это может закончиться?
- Милая, я думаю, что сейчас тебе нужно успокоиться. Когда настанет время волноваться, я обязательно тебя предупрежу. Не превращайся в интеллигента из Палаты номер шесть. В этой стране страшно писать про директора ларька – вот тот действительно может убить, а про Славина писать не страшно. Думаю, этот человек скорее подарит нам один из своих домов во Франции, чем будет преследовать меня. Иди лучше сюда, поцелуй меня.

пауза

Сдвиг

Сдвиг (прорыв, перелом) – частое явление в побочной партии.

Часть, из которой мы узнаем, как начинается травля

Лев просыпается. От собственного крика. Во сне предательски пропадает голос. Он слышит лишь обрывок, поэтому ему кажется, что вопль был коротким, но нет – Лев долго стонал. Ладони мокрые, лицо тоже. Вдох-выдох, вдох-выдох, выдох-вдох. Перепуганный человек-паровоз. Лев закрывает и открывает глаза, пытается всмотреться в покрытую мраком комнату. Тянется к стакану с водой.

Сон повторился. Медленный, размытый, вязкий. Окно, руки, падающая на землю девочка. Лев видит этот кошмар вот уже который день. Самое жуткое в нем – хлопок. Непередаваемый, непереносимый звук, который раздается после удара девочки о булыжную мостовую. Резкий, но в то же время глухой. Страшный, но тихий. Звук ненаполненный, пустой, шелестящий. Пуф-ффф. Быстро, четко, слабо, как неудавшийся, скользнувшими пальцами, щелчок. Льву снится, что после хлопка голова дочери отрывается и, будто вымазанный в красной масляной краске спущенный резиновый мяч, начинает скакать. Уже в следующем эпизоде сна дочь, к счастью, вновь жива. Она лежит на мостовой, шевелит ножками, улыбается, но когда Лев берет ее на руки, словно тая, она начинает растекаться сквозь пальцы. Лев делает глупые, нелепые попытки удержать дочь, но тщетно, на ладонях остается лишь липкая, расползающаяся кожа. Глаза, рот, уши, будто растаявшее мороженое, стекают на асфальт. Лев смотрит на себя и понимает, что запачкан этой липкой жижей. Он пытается оттереть белую рубашку, но от этого лишь сильнее растирает по себе малышку. Лев чувствует ее пальчики, косточки, ногти.

Открыв глаза, Лев закрывает лицо руками и тяжело дышит в ладони. Перед глазами постоянно всплывают обрывки сна. Прыгающий колобок лица, месиво маленького тельца. В таких случаях человек, как правило, успокаивается, понимая, что видел кошмар, но Лев задыхается, осознавая, что это не сон...

пауза

Брат рассказывает мне, что спустя три дня после встречи в лесу выкладывает свой план Кало:

– Журналист живет на пятом этаже, так? Так. Квартира под ним пустует. Я узнавал. Мы снимем ее, устроим там штаб и, заодно, заселим туда двух актеров, якобы алкашей. Каждый день они будут бухать, орать, закатывать вечеринки, лишая Пятого сна. Это для начала. Вообще, пункт за пунктом, я все расписал здесь. Вот мой план, держи.

– Да лень мне читать, старик, что у тебя там дальше?

– Мы не будем придумывать ничего сверхъестественного. Мой план не требует никаких сверхусилий. Я предлагаю прессовать его нормой. Все, что обыкновенно случается в этой стране, каждый день должно происходить с ним. Хамоватые официанты, сорвавшиеся с цепи водители. Мы разовьем его паранойю. Я предлагаю настроить весь мир против него. Объектом репрессии должно стать не тело, но дух!

– А поконкретнее можно? Что мы делать-то с ним будем?

– Травить. По моим расчетам, на все про все у нас уйдет не больше трех-четырёх месяцев. Думаю, что через девяносто дней Пятый сбежит отсюда как миленький. Может, и раньше...

Пробежав глазами наброски, Кало улыбнулся и сказал:

– Три – это хорошо. Лев, если у нас все получится, ты даже не представляешь, как дядя Володя отблагодарит нас! Уверю тебя, ты раз и навсегда решишь все свои финансовые вопросы. Если честно, в этой истории я очень рассчитываю на тебя.

Вот так все и начинается. Они действительно снимают квартиру на четвертом этаже, закупают всю необходимую аппаратуру и нанимают двух актеров. Уже на следующий день, возвратившись с прогулки, Пятый обнаруживает, что его дверной замок чем-то залит. «Я же предупредила тебя», – с ребенком на руках нервничает жена. «Милая, успокойся! Наверняка это какая-нибудь шпана».

– Шпана, – с печальной улыбкой говорит мой брат. – Как бы не так. Самоуверенный кретин. В течение двух часов он пытается попасть в собственную квартиру, и когда, наконец, оказывается дома – я приказываю ребятам врубать музыку. Собственно, в этом и заключается мой план. Тактика острых касаний и мелкой пакости, война беспилотников. Мы не собираемся вступать с ним в открытое противостояние, мы не хотим угрожать, не собираемся ничего объяснять, мы всего-навсего хотим прессовать.

Кало предлагает задействовать все инструменты воздействия сразу, но я категорически против. «Не сейчас – убеждаю его я, – всему свое время!» Журналист должен понять, что беда не приходит одна. Я против того, чтобы вывалить несчастья одновременно. Мы должны вскрывать горести одну за другой, как карты в пасьянсе, а для начала неплохо бы и познакомиться. Получше...

Когда Антон проходит в детскую, Болек и Лелек (так зовут наших ребят) включают Земфиру: «Хочешь музык новых самых? Хочешь, я убью соседей, что мешают спать?».

Не люблю эту песню, но сойдет. Пятый, конечно, не подозревает, что эта песня будет звучать в его доме несколько месяцев подряд. С улыбкой он говорит жене, что сейчас спустится вниз и все уладит.

Как бы не так. Хер там. Никогда он уже ничего не уладит. Мы с Кало сидим в машине и, благодаря радиоружьям, слышим все, что происходит в квартире, и мы знаем, что с этого дня в ней будет лишь ад.

Антон действительно спускается. Он пытается познакомиться и заодно объясняет новым соседям, что у него только что родилась дочь, что ей, конечно, необходимо спать. Ха-ха! «До одиннадцати, по закону, можем делать все, что хотим!» – в унисон кричат Болек и Лелек. Журналист еще пытается что-то сказать, но, войдя в роль, старые актеры захлопывают перед ним дверь. В этот момент мне хочется их обнять, я даже подумать не мог, что они так здорово вольются в роли.

«Кретины какие-то», – возвратившись домой, ругается журналист. «Что будем делать?» – обеспокоенно спрашивает жена. «Ничего, все обойдется!»

«Милая, не беспокойся! Они сейчас все вырубят», – говорит Пятый и, поцеловав супругу, отправляется на встречу с друзьями. Не нужно его винить – в этот момент он ведь еще не понимает, что музыка будет долбить месяцами.

Пока наши тролли докапывают досье, Пятый отправляется в «Хорошие времена», ресторан, где собирается московская богема. Писатели, актеры, журналисты и прочая шелуха. Мы с Кало едем следом.

За каждым столом здесь по два-три провидца. Антон выпивает с Митей. Пятый последовательно разбирается с вином, товарищ разглагольствует:

– Как когда-то из общества исключили сумасшедших и прокаженных, точно так же сейчас большинство исключает из общества интеллигенцию. Интеллигенция – ненормальна. Интеллигенция мешает этому большинству спокойно жить. Это уже даже не знаменитое восстание масс, но великое умерщвление! Ты молчишь, но я вижу, вижу, друг, что ты хочешь меня спросить: чем же мы мешаем ему, большинству? И я отвечу тебе. Человек есть умение жить в сложном обществе. Наши люди не привыкли к этому. Наш народ не хочет существо-

вать в трудных обстоятельствах, и здесь я имею в виду, безусловно, не бытовые условия, но условия общественные. Посуди сам: наше большинство привыкло жить хорошо. С каждым годом большинство наше живет все лучше и лучше, но само большинство обеспечивает себе комфорт? Нет, конечно, нет! Большинство по-прежнему занято работой, работой точно такой же, какой могло бы заниматься и сто, и двести лет назад, и значит – большинство и должно жить, как сто или двести лет назад, но оно живет лучше, живет гораздо комфортнее благодаря меньшинству, которое занято обустройством жизни большинства. Меньшинство есть ученые, изобретатели, художники, одним словом – интеллигенция. Меньшинство есть те люди, которые делают жизнь большинства, что называется, понятной и приятной. И большинство понимает, во всяком случае, та часть большинства, которая хоть что-то понимает – понимает, что зависит от меньшинства, но сознаваться в этом, конечно, не желает. Сознаваться в этом как-то унижительно, ведь оно большинство! Оно, якобы, управляет всем, именно оно, казалось бы, выбирает маршрут. Мы живем в эпоху, когда большинство раз и навсегда хочет заткнуть нас. Заткнуть подальше, превратив в рабов. Мы все еще должны творить и изобретать, но при этом больше ничего не требовать.

– Судя по всему, Мамардашвили был последним философом, которого ты прочел.

Мы слушаем весь этот бесполезный треп, я даже делаю кое-какие заметки, но в конце концов понимаю, что это может продолжаться вечно.

– Думаю, на сегодня хватит. Свалим отсюда? – предлагаю я Кало.

– Ага!

В ту ночь мы решаем отметить начало операции. Едем с Кало в «Вульф» – прекрасный бордель, где все шлюхи носят имена известных женщин. Очень, кстати, рекомендую тебе. Виславу Шимборскую ты там, конечно, не трахнешь, но Астрид Линдгрэн или Маргарет Тэтчер поимеешь вполне. Кало все шутил, что ни в коем случае не нужно брать Шарлотту Бронте, потому что скучна. Мы смеялись, лапали девок, заказывали водку и все повторяли: «По закону после одиннадцати нельзя!».

Болек и Лелек так и не выключили музыку. Они врубили магнитофон на полную и уехали домой. Антон трижды вызывал участкового, но проинструктированный нами мусор не решился ломать дверь. Он сказал, что не имеет права. Пятый не мог уснуть, а в это время Кало знакомил меня с Агатой:

– Дорогая, это мой лучший друг, Лев!

– Очень приятно. Чем занимаетесь?

– Лев был журналистом, теперь работает со мной.

– Занимались языком? Родственные, так сказать, профессии. Я, кстати, все хотела спросить у профессионала – как правильно говорить: сосала у тебя или сосала тебе?

– Я, честно говоря, никогда над этим не задумывался...

– Какой же ты, к черту, журналист? Ну ладно, не стесняйся! Хочешь меня?

– Да.

– Ну иди сюда...

Агата прекрасно работает. Уже в тот вечер я понимаю, что мы обязательно используем ее.

пауза

Со временем у нас выработался более-менее понятный режим. Когда в квартире журналиста случалось затишье – мы включали музыку. Плакал ребенок – выключали. Так или иначе, из жизни Антона исключалась тишина. Даже его девочка теперь работала на нас.

Не вспомню точно, но думаю, что где-то через неделю после начала операции в прессе стали появляться первые изобличающие Пятого статьи. Что-то писал я, что-то Кало. Почувств дуновение ветерка, к делу подключились писатели-патриоты, которым нам даже не приходилось платить. Они сами услышали команду «фас». Как-то раз я даже попросил Болека выключить музыку, чтоб послушать, как Пятый зачитывает статью о себе:

«К сожалению, наша власть по-прежнему не обращает внимания на проблему проплаченных Западом журналистов. Взять, к примеру, Антона Пятого, человека, который несколько раз в неделю посещает посольства западных стран, а после этого марает бумагу оранжево-болотными чернилами. Не должны ли сотрудники внутренней безопасности обеспокоиться текстами Пятого? Не стоит ли нам все же создать список псевдожурналистов, вроде Пятого, чтобы знать врагов народа в лицо?»

– Про болотные чернила хорошо! – с удовлетворением говорил Кало.

Мы наращивали давление. Постепенно. От пиано к форте, день за днем. После заказных статей на телевидении всплыли первые сюжеты. Сперва небольшие. Работали тонко. Пятого вспоминали впроброс, по делу и без, превращая его имя в синоним всякой дряни. Кало не верил, что это и есть часть моего плана. Мой друг наивно полагал, что все без исключения программы на радио и телевидении проплачены. Кало, который, кстати сказать, крутился в этом деле гораздо дольше моего, никак не мог допустить, что кто-то прессует Пятого бесплатно.

– Ты не мог этого просчитать!

– Да конечно мог! Посмотри вокруг! Нет новостей. События заказывают. Если одни начинают прессовать – другие тотчас подключаются. Нет никакой надобности платить всем. Мы можем забирать эти деньги себе. Ребята сделают все совершенно бесплатно, стараясь выслужиться, в расчете на будущие дары. Мы живем в стране намеков. Недомолвки здесь есть самые четкие и точные указания. Не понимаешь, о чем просит шеф, – дождись аллегии.

Я очень хотел, малой, чтоб все, что мы делали, выглядело правдоподобно. Я заботился даже о том, чтоб в дождливые дни Болек и Лелек ставили минорную музыку. Мой план был прост: я стремился избежать прямых угроз. В этой истории меня привлекали полутона, или то, что в твоей музыке, по-моему, называется полифонией. Пятый, конечно, даже представить себе не мог, какую красоту мы для него сочинили.

пауза

Пауза. Временное молчание. Застывшие стрелки, тишина. Незаполненная фонемами речь. Пауза есть каникулы в звучании, но не в движении, ибо даже в паузе развитие мысли продолжается, как продолжается безмолвие зимы, когда жизнь перемещается на подземные этажи.

Цезуры понимания, интервалы впечатлений и окна событий. Четверные и двойные, целые и составные, оркестровые и неуместные. Субъективные и интонационные остановки, которые берут футболисты и поезда, светофоры и города. Многоточия, что порой длятся веками. Паузы наступают в отношениях и войнах, ссорах и занятиях любовью. Вынужденные и затянутые, смертельные и долгожданные, ведь именно с паузы начинает звучать новая жизнь. Не они ли, паузы, необходимы нам уже хотя бы для того, чтобы во время концерта классической музыки разделить воспитанную и серую публику? Лишь невежды позволяют себе аплодировать в перерывах между частями, и только люди образованные прекрасно понимают, что в паузах должна разливаться тишина. Не они ли, паузы, нужны нам, чтоб оправдать собствен-

ное бессилие? «Все еще будет очень хорошо, моя жизнь во что бы то ни стало сложится... вот только закончится эта невыносимая, долгая пауза».

Паузы.

Паузы.

Паузы.

Лежащие и зигзагообразные, вымученные и продленные. Паузы в биении сердца и в работе станков, «в словах» и в пивоварении. Держащая зрителя, «мхатовская» и вызванная внезапно начавшимся дождем пауза есть не что иное, как обладание временем, ибо нет в жизни искусства большего, чем искусство, именуемое —

пауза

Дяде Володе нравится энтузиазм, с которым я подхожу к делу. Единственное, о чем он попросит, – не затягивать. Во всех смыслах. Пятый не спит. Кто-то постоянно сливает ему новые свидетельства. Всплывшие факты вызывают большой резонанс. Управлять общественным мнением все сложнее. Слишком много вопросов. Ах, и это? А откуда то? Картины? Машины? Дома? Вот это да!

Дядя Володя хочет, чтоб выскочка наконец замолчал.

Мы работаем над этим. Я узнал, что Пятый боится собак. Хорошо, если так. Гав-гав, мой новый друг. Держись – проверим, какой ты у нас крутой. Да-да, малой, ты все правильно понял, мы подключили к операции кинологов...

Как-то раз, возвратившись домой, журналист видит на лестничной площадке бультерьера. Собака спокойно сидит на коврике. Я договорился, чтобы нам дали старого, воспитанного, безобидного пса. Я ни в коем случае не хотел, чтобы с Пятым или его девочкой что-нибудь случилось. Нет, я всего-навсего намеревался припугнуть его. На собаке был специальный ошейник. Когда ошейник вибрировал – собака начинала рычать.

Вот и представь себе: ты выходишь из лифта с ребенком на руках – перед дверью бойцовский пес. Завидев тебя, собака встает на четыре лапы и обнажает клыки. Понимаешь? Узкая лестничная площадка, ужасающий альбинос. Антон вместе с девочкой пулей вылетел на улицу. Хорошо, хоть не выпрыгнул в окно. Мы с Кало гоготали в машине. Ты бы видел его глаза. Он прижимал к себе ребенка и кидался к каждому прохожему: «Вызовите полицию, вызовите полицию!» Да уж, тогда мы здорово его припугнули.

Историю с собаками, кстати сказать, мы продолжили. Нередко, когда журналист отправлялся гулять в парк, мы вызывали ребят с мастифами или питбулями, которых спускали с поводка. Пятый все возмущался, спрашивал у хозяев, почему они так поступают, но, следуя нашим указаниям, кинологи лишь улыбались в ответ.

После псин вновь вступили парни. Болек и Лелек. Теперь они не только ставили музыку, но и лично контактировали с клиентом. Каждый день они встречали Пятого у подъезда, открывали дверь. Перехватив взгляд журналиста, ребята сплевывали себе под ноги и тотчас, придерживаясь моих рекомендаций, широко зевали.

Мы дарили Пятому все новые пакости и мерзоты. Мы гадили день ото дня. Проколотые шины, трещина от удара молотком на лобовом стекле. Возведение паранойи в его голове шло полным ходом. При этом, малой, ты не должен забывать, что все это время в его квартире гремела музыка. Ты не поверишь, но, да, участковый больше не приезжал и даже не отвечал. Последними его словами была фраза: «Да, Антон, я тоже отец, я вас прекрасно понимаю, но и вы поймите меня – ваши соседи не нарушают закон. Только не вздумайте бить им морду». Кажется, Пятый даже намеревался написать об этом колонку, но вовремя осознал, что

в лице соперников будет выглядеть ранимым, дохлым интеллигентом, который тратит дорогие строчки на такую вот ерунду.

Враг наступал отовсюду. Круг сужался, начиналась блокада. Я старался сделать так, чтоб даже самая незначительная деталь выводила Пятого из себя. Мат, толчок на улице, машина, не пропустившая его на пешеходном переходе, хамство в магазине. Как я и задумывал с самого начала, мы аккумулировали вокруг него зло. Я радовался каждому гопнику, каждому быдлосу, который появлялся на его пути. К счастью, с этой частью населения проблем не было. Мы со шпаной играли в четыре руки.

– Если мы хотим выгурить Пятого, – убеждал я Кало, – то должны сделать все, чтоб он возненавидел каждую мелочь в этой стране. Подробности, детали, частности – решительно все должно бесить его. Совершенно не важно, что это будет: телевидение, сборная по футболу, автопром или люди. Все, абсолютно все должно раздражать его. Как и все эти долбаные либералы в фейсбуке, он обязан реагировать на каждую новость. Мы, мы должны довести его до этого состояния. Мерзость – пост, мерзость – пост, мерзость – пост, а лучше два. Я хочу, чтобы зло не отпускало его. Пусть его сердят соседи, выводят из себя малообразованные официанты, нервируют ублюдские таксисты. Все, чему раньше он бы не придал никакого значения, все, на что не обратил бы никакого внимания, вся наша повседневность должна задевать его. Я хочу, чтоб он жаловался, брюзжал и возмущался. Я хочу, чтобы все здесь с ним было не так. Мне нужно, чтобы с ним случилась обратная патриотизму история. Если все эти пламенные любители родины оправдывают местное дерьмо тем, что дерьмо есть и на Западе – он должен мыслить равным счетом наоборот. Пятый должен сокрушаться и горевать, скорбеть и печалиться. Я хочу призвать его к здравому смыслу. Как только мы заставим его смотреть на родной город трезво – он первым сбежит отсюда. И еще... В этой стране выведен сорт человека, способного вытерпеть все. Не знаю, относится ли он к таким, но похоже, что да, что готов выдержать многое. Люди здесь переживали диктаторов, переживали войны и лагеря, переживали только потому, что знали врага в лицо, переживали, потому что знали, что правда на их стороне. Мы должны лишить его опоры, мы обязаны отнять у него веру в эту страну и, конечно, в себя. У него не должно остаться врага, но все здесь должно стать его врагом. Он у нас парень интеллигентный, воспитанный – пускай допетрит, что он сам всему здесь противник. Все его мысли следует замешать в одно рагу. Я хочу, хочу, чтобы он потерял ориентиры. Я хочу, чтоб в беседе с другом он говорил: «В этой стране никогда ничего не изменится». Я хочу, чтоб именно в этой стране, в ее людях он увидел своего главного и злейшего противника. Он должен признаться, признаться прежде всего самому себе, что здесь нечего ловить, что единственно хорошее, что он может сделать для своих детей, – уехать.

пауза

– Арина, успокой ребенка! Я не могу работать!

– Быть может, лучше ты успокоишь соседей?

– Они мне не мешают!

– Да уж конечно! Лучше признайся, что ты ничего не можешь сделать!

– Да, не могу, и что? Участковый не приезжает! Нам же объяснили, что все по закону!

– Ты же мужчина! Разберись! Набей им морду!

– Я не могу набить им морду! Тогда получится, что я нарушаю закон. Я не хочу становиться одним из них.

– Антон, господи, посмотри на меня: я твоя жена, я устала! Я не сплю уже несколько недель! Ты бываешь на работе, ты уже дважды слетал в командировку. А я здесь, я все время здесь, и я просто хочу немного поспать!

– Что ты мне предлагаешь? Пойти и выломать им дверь?

– Ты их боишься?

– Нет, совсем не боюсь!

– Боишься! Ты не можешь спуститься вниз и разобраться с какими-то гопниками. Вся твоя смелость только в газетах. Ты только на страницах своих журналов мужественный репортер! Ты бесстрашен только на бумаге. Ты всегда думаешь только о других!

– Моя работа думать о других!

– А ты подумай немного о нас. Или пусть все эти твои обиженные, которых ты вечно спасаешь, хотя бы раз вступятся за тебя. Пусть помогут тебе. Сколько людей тебя читает? Сотни? Тысячи? Вот пусть хотя бы десяток из них приедет сюда и поможет тебе разобраться с быдлом, раз ты сам трус!

– Арина...

– Да что Арина?!

Все чаще Антон отвозит жену к теще. Он даже всерьез подумывает о продаже квартиры. Впрочем, это его не спасет. Мы продолжаем кусать. В лице его тещи, мамы Арины, у нас появляется еще один союзник. Знаешь, я думаю, что если однажды ребята из отдела окажутся на скамье подсудимых – эта сумасшедшая должна оказаться среди них. Если честно – мне сложно переоценить ее вклад. Даже если бы мы захотели внедрить еще одного провокатора, он бы не смог сделать все настолько филигранно, как эта тетечка. В своем маразме эта женщина достигла больших высот. Я лично не слышал этого разговора, но Кало пересказал мне. Все началось с того, что как-то раз, за завтраком, теща потребовала от зятя перестать писать «либеральные статейки». Наша дорогая союзница аргументировала это тем, что ей стыдно перед коллегами. Теща сетовала, что в техникуме, где она преподает, друзья все чаще задают ей неприятные вопросы.

– Людмила Николаевна, что же вы такое говорите?! Вы же сами видите, как мы живем! Вы же все знаете про меня! – возмутился Пятый.

– Вот именно! Все, что у тебя есть, – у тебя есть благодаря нашему президенту, а ты так пишешь о нем! Постыдился бы!

– Мама, я прошу тебя!

Подслушав эту короткую перепалку, Кало сделал еще один весьма удачный, выверенный ход. Если честно, в тот момент я даже немного расстроился, что не сам все это придумал.

Кало смастерил несколько фотографий. Ничего сложного – подклеил голову Пятого к каким-то порноснимкам. Получилось, надо сказать, очень правдоподобно. Затем мой друг взял самодельное удостоверение и отправился в техникум. Этот придурок представился агентом национальной безопасности и, взяв под руку тещу Пятого, отвел ее на «важный разговор». Кало рассказал мне, что, как только показал удостоверение, женщина вырвалась из его рук и пустилась бежать. Он решил, что она собирается позвонить в полицию, но оказалось, что старуха удалилась подкрасить губы. В общем, увидев фотографии, она не задала ни одного вопроса, но тотчас сообщила о случившемся дочери.

Как мы и рассчитывали, Арина, жена Пятого, конечно, не поверила матери, но сомнение в ее душу закралось. Это мы поняли немногим позже, подслушивая очередную перепалку.

Я ликовал! Мой замысел обрастал мясом. Теперь можно было подключать и Агату, шлюху из «Вульфа». Я хотел, чтоб она вскружила Пятому голову. В моем представлении коварная женщина, способная разрушить семью, скорее заставила бы его покинуть страну, чем тысячи допросов и прочая белиберда. В общем, как ты теперь понимаешь, отлично у нас шли дела...

– Лев, я все это слушаю, и в голове не укладывается... Вы поставили всю эту оперу только для того, чтобы Пятый уехал из страны?

– Именно.

– Но ведь можно было просто выслать его!

– На каком основании? Я же с этого начал! Ты невнимательно слушал меня, малой. Сказать – говорили, выслать не могли – слишком большая поднялась бы шумиха. Известный журналист, все дела. Политическая ситуация того времени не позволяла – позже получилось, а пока приближались важные мероприятия, все ждали больших заморских гостей.

– Хорошо. Ты можешь избавить меня от всего этого пространного повествования и рассказать, чем все закончилось?

– Именно этим я и занимаюсь, малой. Не переживай. Чуть-чуть осталось.

– Я не переживаю, я просто не понимаю, что здесь вообще происходит.

– Короче. Мы начали подготовку к операции «Агата». Вместе с этим продолжили давление. Музыка, публикации, звуковые волны лжи. К этому времени Пятый уже, конечно, осознавал, что против него развернута полномасштабная операция, но вот кто именно за ней стоит, пока не понимал.

– Как это не понимал? Из твоего рассказа даже младенец допетрит, что это Славин.

– Из моего-то да, но Пятый же всего этого не слышал. Как правило, имя заказчика становится известно в течение нескольких дней, но прелесть нашей ситуации заключалась в том, что Антоша нажил себе слишком много врагов. Каждый новый посвященный в дело друг высказывал Пятому свое предположение. Сидя в кафе, товарищи жонглировали фамилиями. Ты только представь себе: он накатак столько статеек, что подозрения падали на пять-шесть человек. Среди них был, конечно, и Славин, но Пятый не верил, что столь влиятельный человек будет мстить так откровенно. «Если бы это был Славин, – заблуждался Антон, – он бы уже передал мне с кем-нибудь привет. Намекнул бы, что пора замолчать. Нет, это не он. Такие люди всегда выходят на связь...»

Однажды Митя положил на стол газету и, ткнув пальцем в фотографию известного политика, сказал: «Антоша, я все узнал. Это точно он. У меня стопроцентная инфа...»

Указывая на непричастного к делу человека, приятель Пятого сам заметал за нас следы.

– Я думаю, тебе нужно уехать.

– Ты опять за свое? Зачем?

– Перестраховаться.

– Куда мне ехать?

– Хоть куда. Хочешь, я поспрашиваю, у кого есть свободные дома?

– И на сколько ты предлагаешь мне уехать?

– Не знаю. На несколько недель, быть может на месяц. Неужели ты не понимаешь, что эти люди не останутся? Неужели ты думаешь, что они начинают все это только для того, чтобы просто припугнуть тебя?

– Да, даже странно. Подтравливают вроде меня, а ссышь, похоже, ты, Митяй...

– Разве ты не видишь, что в этой стране гаснет свет?

– Ух ты, Мить! Так дело, оказывается, не только во мне? Они всех собираются душисть?

– Конечно! Неужели ты не понимаешь, какие настали времена?

– Я думаю, что времена, плюс-минус, такие же, как и всегда. Ты сейчас опять начнешь толкать свою теорию про большинство и меньшинство?

– Нет. Я тебе говорю, пока по секрету, что тоже собираюсь уезжать.

– Тебя тоже травят?

– Нет, но я не собираюсь дожидаться того дня, когда это начнется. Мне здесь все надоело. Я устал. Мне противны эти люди. Мне отвратительно это общество. Я устал от злости в воздухе. Я хочу жить спокойной, размеренной жизнью. Я хочу, чтобы главными моими потрясениями были театральные постановки и футбольные матчи, а не уголовные дела против моих друзей.

– Ну а я, пожалуй, еще посижу тут немного при свечах.

– А что изменится? Ты так держишься за эту страну, будто она развалится без тебя. А она не развалится. Они перебьют нас всех, с радостью перебьют, оттрахают, сожрут и заживут счастливо.

– Ну что ж... Кто-то же должен все это описывать. Если ты уедешь, я уеду, кто же будет репортером этих золотых времен?

– Нет, я действительно тебя не понимаю! Ты что, и вправду их не боишься?

– Да вроде нет пока...

– Неужели ты не понимаешь, что тебя заказали?

– Мить, я не хочу параноить. Я думаю, что все это мелюзга. В моей жизни было много подобного говна. И пугали, и угрожали, и в лес возили, и на колени ставили перед вырытой могилой – ничего, как видишь, сижу тут, выпиваю с тобой. Единственное, чего мне сейчас не хватает, – сна. Но, надеюсь, они скоро закончат. Ты спрашиваешь, страшно ли мне? Нет, сейчас не очень. Гораздо страшнее сейчас, думаю, какому-нибудь пластическому хирургу – вот вколешь ботокс не так, и все, хана.

– Захотят уничтожить – уничтожат!

– Ты говоришь: надо уезжать! Но куда? Будь я футболистом – уехал бы с удовольствием, но я журналист. Я не умею писать на другом языке, я никого там не знаю. Это моя страна, я здесь родился, все здесь понимаю. Почему отсюда должен уезжать я, а не гопье, которое прессует меня?

– Потому что их большинство!

– Нет никакого большинства. Вернее, та часть, с которой у нас борьба, она стоит за спиной большинства. Я думаю, что гопников ровно столько же, сколько нас. Может быть, даже меньше. И наша задача – здесь и сейчас дать отпор гопникам.

Отпор, как бы не так!

Все-таки было что-то прекрасное в подслушивании этих либеральных посиделок. Режиссеры, писатели, журналисты. Балаболы, кумушки и звонари. Аперольшприц и литры белого вина. Отпор они нам собирались дать – очень смешно!

Кажется, недели через три после начала операции мы выкрали рабочий компьютер Пятого. Здесь он впервые удивил нас. Честно говоря, я не ожидал, что человек его профессии будет так легкомысленно относиться к собственным текстам. Даже я, будучи главным редактором, пересылал материалы на собственную почту. Воистину, смелые люди всегда наивны. Пятый будто бы не мог поверить, что однажды кто-то поимеет его. Он вообще ничего не сохранял. Все в одном месте, все в украденном нами компе. О, если бы ты только слышал, как он орал! Теперь у нас было все, абсолютно все! Его расследования, статьи, ненаписанные эссе и колонки. Мы получили доступ ко всей без исключения переписке и даже к наброскам его утопии про журналиста, которого судят за пустое сообщение.

Он бесился, топал ногами. Швырял книги в стену, ломал стул. Мы постоянно слышали хруст падающих и разлетающихся на части предметов. Когда жена попросила его успокоиться, он не остановился, но, напротив, переключил весь гнев на нее. Она расплакалась, ушла в другую комнату. Мы тотчас приказали Болеку и Лелеку врубить музыку. Мы побеждали. Пятый отступал.

Теперь у нас были не только все его замыслы, но и переписка с родителями, которые жили в Подмоскowie. Пробежав глазами эти письма, я понял, что мы обладаем еще одним козырем.

пауза

Александр согласился встретиться. Пятый предложил «Хорошие времена». Сели в углу зала. Улыбнулись друг другу, пожали руки. Саша волновался. Все эти дни он думал о журна-

листе, просматривал его фотографии. Александр радовался, что не вспоминает о Себастьяне. Все его мысли теперь занимал Пятый. «Может, сказать ему, что я думаю о нем даже на тренировках?»

- Спасибо, что согласились.
- В переписке вы оказались вежливее, чем в жизни.
- Вам, кажется, нравится в России?
- Мне нравится играть здесь. Вы немного недооценивали меня. Как видите, когда я выхожу на поле – команда не пропускает.
- Александр, вы же понимаете, что вас выпускают лишь в договорных матчах...

Александр не понимал. Эти слова были подобны грому. Не такого разговора он ожидал. Откуда бы ему это знать? Кто мог рассказать? Какие договорные матчи? Все расписано? Да нет, не может этого быть! Четыре игры подряд? А штанги? А назначенный пенальти в последней игре? Ведь не мог их форвард специально промазать?! Александр замолчал и начал судорожно пролистывать эпизоды восьми таймов. Триста шестьдесят сухих минут. Нет, теперь он не мог принять, что все это произошло с подачи отца. Саша верил, что лишь упорная работа на тренировках позволила ему закрыть лучших нападающих страны. Свой успех он оправдывал быстрой адаптацией и доскональным изучением стиля соперников, но никак не договоренностями вне пределов поля. Саша не верил, что все эти эмоции, эту борьбу можно разыграть. Это же не театр, в конце концов!

– Наивно полагать, что в стране, где нужно платить за место сына в детском саду или за справку в поликлинике, спорт может быть чистым. Половина результатов здесь решается еще в начале сезона, по итогам предыдущего.

- Да что вы мне рассказываете?! Я же был на поле! У вас нет ни одного доказательства!
- И желания обсуждать это, Александр, увы, тоже нет. Это не моя война. Мне бы в своей победить. Если хотите – я раскопаю вам доказательства. Дайте мне два дня, но проще вам спросить у вашего тренера.

Саша вновь замолчал. Теперь, покручивая стакан, он вспоминал названия пальцев руки во французском языке: пус, индекс, анюлер, орикюлэр... мажор. Все это ему не нравилось. Не за этим он приехал сюда. Тербя салфетку, Александр понимал, что в этот момент злится даже не на Пятого, но на своего отца. В одном из четырех матчей Саша забил свой первый гол и, отмечая его, побежал к центральной трибуне. Теперь, оживляя холодную, надменную улыбку отца, Саша, кажется, начинал верить Пятому.

- Что вы хотите знать о моем отце?
- Все...
- Разве вам мало того, что я переслал?
- В смысле?! Так это...
- Ну давайте, соображайте скорее! Вы ведь здесь талантливый журналист, а не я.
- Зачем вы это делаете?
- Не люблю отца.
- Вы не боитесь, что он вычислит вас?
- Я на это надеюсь.
- Хорошо. Вы могли бы мне рассказать, как он начинал?
- Что именно вас интересует?
- Вы помните, как семья переезжает в Москву?
- Да. В это время они с мамой занимаются отмыванием денег.
- Через офшоры?
- Через ванную...

– Что вы имеете в виду?

– То и имею. Отмывали деньги в нашей ванной комнате. В тот год по всей стране, да и не только здесь, но и, к примеру, в Украине, в Чехии и в Польше происходило огромное количество краж. Воровали банкоматы. Вырывали экскаваторами, взрывали, взламывали, разбивали на части. В момент нападения умные машины заливали банкноты краской. Европа и Россия были завалены грязными деньгами. Десятки химиков со всего бывшего Союза были заняты поиском порошка, с помощью которого можно было отстирать банкноты, не повредив их. Папа первым открыл состав. Это, конечно, не формула «коки», но тоже кое-что. Отстирывали и другие, но, как правило, на купюрах все равно оставались крохотные пятна, которые проявлялись при осмотре в банках. Многих ученых «вязали». Папа первым нашел средство, которое отмывало наверняка. Это принесло большой заработок и нужные знакомства.

– И при этом у него были секты?

– И секты тоже, да.

В тот вечер Александр рассказывает Пятому много лишнего. Сын сдает отца. Со всеми потрохами. Близкие и не очень друзья, важные партнеры, враги и семья. Все серьезные и не особенно имена. Несколько исписанных листов. Круги, стрелки, красные линии. «А в какие города ваш отец летает чаще всего? А кто бывает на его дне рождения?»

Александр отвечает, и Пятый не может поверить собственному счастью. В тот вечер журналист отправляет всего одно сообщение. Жене. «Господи, милая, ты даже не представляешь, какого я отхватил дурачка!» Арина отвечает тремя вопросами, и ночью, под аккомпанемент Земфиры, Антон пересказывает жене все то, что рассказал Александр. Кажется, это последняя ночь, когда журналист находит в себе силы уснуть.

пауза

Заключительная партия

Функция заключительной партии – закрепить достигнутое в экспозиции, прежде всего, в тональном отношении. Заключительная партия должна закрепить новую тональность... минорную.

Я смотрел на брата и вспоминал маму. Она всегда тонко-тонко срезала кожуру с яблока и не выбрасывала ее, но съедала сама. Я вспоминал, как вместе мы отмечали Новый год, и стол наш мало отличался от любого другого дня. Вспоминал, как смеялась мама, когда на улице у нее порвались единственные туфли, и как она говорила, что обувь голодна. Я слушал Льва и только теперь, теперь лишь вспоминал, как мой старший брат приходил домой и просил маму перешить нашивки со старых свитеров на новые. И я был мал и совсем не понимал, что нашивки были от дорогих фирм, а новые свитера не очень. Только теперь я понимал, что, несмотря на возраст, всегда был старше. И я молчал, и мой брат продолжал говорить:

– Я рылся в компьютере Пятого. Десятки папок, тысячи файлов. Библиотека опубликованных и забытых статей. Антон писал, что становясь банкнотой, дорожает бумага, что наблюдателям отбивают почки, что на пляжах зачем-то поют гимны. Писал, как устраивают Олимпиаду и уничтожают еду, аннексируют новые земли и запрещают иностранные презервативы. С иронией Пятый описывал, как с помощью вертолета крестят города, и с протестом – как сажают неугодных. Как ослабевает национальная валюта и крепчает маразм, как, сбивая курс, попадают в самолеты. Журналист издевался над активистами, которые, расхаживая от экспоната

к экспонату, размышляли, на что бы еще обидеться, и высмеивал людей, которые верили пропаганде. «Детей не выпускают, – писал он, – выпускают из тюрем любовниц. Спорят, что лайкать, обсуждают, кого удалять. В виртуальном и реальном мирах мы изучаем рукопожатность. Предлагаем непременно валить. Находим врагов. Теряем ориентиры. Прогибаемся. Верим. Ведемся. Благодарим, но не пропускаем на пешеходных переходах дедов. Рифмуем “бабуль” и “победуль”...»

Я закрывал один файл и открывал другой:

«Почему большинству людей нравится здесь жить? Потому что жить в России – как мастурбировать. Однажды ты понимаешь, что в твоей жизни не будет красивых женщин, но красивые женщины есть на порносайтах. И ты можешь пользоваться ими каждый день, и ты можешь представлять их. Жить в России – значит всегда представлять. Жить в России – значит уметь закрывать глаза. Присоединение полуостровов, выдумывание врагов – все это есть одна большая, размером с историю страны, затянувшаяся дрочка. Со времен Петра, обвиняя в пошлости и падении, мы “гоняем” на Европу. И не думаю, что что-то изменится...»

Покончив с набросками, я переходил к почте. Письма, соглашения, договоры. И тотчас очередной подарок судьбы – переписка с отцом. Я сказал Кало, что если когда-нибудь нам и следовало использовать телевизор, то только теперь.

– Кало, у меня идея!

– Что там еще?

– Ты читал его письма бате?

– Да, немного жаль чувака...

– Мы снимем про это сюжет!

– Про что именно?

– А про все! Про борца со справедливостью, который на самом деле полное дерьмо. Возьмем интервью у его тещи, покажем фотографии с малолетками, а потом поднимем его папашу. Покажем, как он живет в Подмосковье, и покажем сына, которому наплевать на собственного отца.

– Класс, я позвоню дяде Володе!

На все про все, со всеми съемками и согласованиями, у нас ушла неделя. Еще семь прекрасных дней, в которые мы сводили журналиста с ума. Болек купил себе трубу и семь дней, в перерывах между долбящей музыкой, учился играть. В воскресенье на одном из федеральных каналов вышел сюжет о предательстве собственного отца. Закадровый голос комментировал выход Пятого из американского посольства, зачитывал отрывки из его статей и тотчас рассказывал телезрителям о незавидной судьбе брошенного мужчины.

Пятый родился в городе Королеве и, переехав в столицу в восемнадцатилетнем возрасте, поступил на журфак. Поступил сам, потому что уже тогда его отец много пил. В кадре федерального канала оказался обыкновенный бомж, превративший собственную квартиру в помойку. Мой план вновь сработал! Я очень радовался! Телефон журналиста раскалился! Весь вечер ему названивали сердобольные друзья: «Антоша, а мы и не знали!», «Антоша, вот же гниды они!», «Антоша, быть может, тебе как-то помочь? Я знаю отличного врача!».

Именно на эту реакцию я и рассчитывал. Меня, безусловно, не волновали комментарии всяких люмпенов в сети (особенно с учетом того, что девяносто процентов из них писали мы сами), нет! Меня интересовало другое. Я хотел сочувствия. Хотел жалости и понимания со стороны коллег, ибо только в момент, когда кто-то поддерживает тебя, ты четко осознаешь, что происходит несправедливость.

«Суки! Суки! Суки! – кричал Пятый. – Какими же нужно быть ублюдками, чтобы все это склепать?»

«Да обыкновенными, обыкновенными, малыш! – сидя в машине, говорил Кало. – И никакие мы не суки. Ничего личного, малыш. Ты не лучше нас. Мы точно такие же парни, как и ты. Просто ты воюешь на одной стороне, а мы на другой. Вот и все...»

– Твари!

– Милый, ты можешь дать интервью, рассказать правду.

– Да кому нужно мое интервью? Кто его смотрит? Сколько людей увидит эту правду? Пять, десять? Да и что ты мне предлагаешь? Прийти в студию и рассказать, что моему отцу на все наплевать? Что я не могу заставить взрослого человека пойти искать работу? Что он не хочет лечиться? Что мне его, к батарее пристегнуть? Сидеть с ним двадцать четыре часа в сутки? Здоровый мужик, как я могу на него повлиять? Я-то здесь в чем виноват? Я даю ему деньги – он их пропивает...

– Милый, ты же понимаешь, что они просто хотят вывести тебя из себя...

Именно! Бинго, девочка! Именно этого мы, безусловно, и хотели. И, конечно, одной программой мы решили не ограничиваться. Уже следующим вечером, включив телевизор, Арина и Антон наблюдали, как несколько мужчин в хороших костюмах (известные писатели, режиссеры и политики, завсегда на лазурных яхт) отчаянно обсуждают судьбу журналиста:

– И этот человек рассказывает нам, как жить! Как жить здесь, в нашей стране! Мало того что он получает деньги от врагов, мало того что он намеренно искажает правду о нашем государстве, так посмотрите, во что он превратил своего отца! (Вздохи негодования среди зрителей в студии.)

– Вы знаете, я тоже хотел бы обратить на это внимание. Я думаю, мы сталкиваемся с обычным либералом, западным ублюдком, для которого родной отец ничего не значит, если отец этот не может дать ему хотя бы несколько евроцентов!

– Да-да! – подхватывал Владимир Славин, подглядывая в суфлер. – Я здесь с вами полностью согласен! Мы, русские, своих не бросаем. (Аплодисменты в студии.) А Пятый почему так поступает со своим отцом? Потому что он не русский! В нем нет ничего от русского! Не осталось в нем ничего от великого народа! Он мелочен. Я, сознаюсь, читал некоторые его статьи – он ведь и меня пытается задеть, разоблачить. Пишет, будто у меня там какие-то счета...

– Но без фактов, конечно!

– Да, конечно, без фактов! Но я не обижаюсь на него и, знаете, я сейчас не об этом хотел сказать. Я хотел сказать, что этот человек обвиняет нас, русских, обвиняет в том, что мы неправильно живем, что мы отсталые, мерзкие, грязные, нищие люди, а он, мол, такой прогрессивный либерал. И что мы видим? Мы видим, что он изменяет своей жене. Видим, как относится к собственному отцу...

– Я знаю, что вы помогли отцу Пятого деньгами.

– Ну зачем вы это здесь произносите? Я же ему не для камеры помог. Просто, когда я увидел сюжет про отца Пятого, у меня сердце кровью стало обливаться. Настоящий русский мужик прозябает. Вы знаете, я даже позвонил этому человеку, решил поговорить с ним. Спросить, чем можно помочь. И знаете, что он мне сказал?

– И что же?

– Он сказал, что у него руки опустились после того, как сын бросил его и уехал в Москву за деньгами. Руки этого мужика опустились, когда он узнал, что мальчик, русский обыкновенный пацан, которого он всю жизнь воспитывал, стал предателем. Знаете, что он мне сказал? Золотые слова мне сказал этот человек. Можно не любить политиков, можно не любить депутатов, министров, но нельзя не любить своего президента, потому что президент – он есть отечество, а мой сын не любит свое отечество. И вы знаете, я слушал молча этого простого русского мужика, и я понял, что человек этот пьет из-за сына своего только. Пьет только потому, что его сын, его бывший сын, отцу и родине предпочитает деньги, комфорт и посольские печенки.

– Вы знаете, лично меня эта история тоже очень оскорбила! Вот прямо очень! Оскорбила! Тоже! Когда мне утром позвонили и предложили принять участие в этой программе – я сразу согласился! Согласился потому, что почувствовал, что обязан задать всего один вопрос: а имеют ли право такие вот люди жить в нашем обществе? (Аплодисменты в студии.) Если ему так нравится Европа, где родители своих стариков сдают в дома престарелых, где у наших матерей забирают детей, чтобы после их насиловать, так, может быть, он соберет свою семью и отправится туда? (Аплодисменты.) Мы, русские, народ не злой. Не нужно сажать его за клевету на нашу страну, хотя выпороть, конечно, не мешало бы. (Аплодисменты.) Нет, давайте не будем его наказывать, но я хочу спросить: почему мы должны держать рядом с собой такую гниль? (Аплодисменты.)

– Вы знаете, – подхватил Владимир Славин, – я очень рад, что сегодняшняя беседа проходит именно в таком позитивном ключе, хотя тема и сложная. Мне нравится, что здесь не звучат никакие реваншистские заявления. Нет, все по делу. Действительно, давайте зададим вопрос господину Пятому! Если ему так не нравится наша страна, если за эти годы он не научился ее любить, так, может быть, ему действительно лучше поехать туда, где ему будет комфортнее, где на первый план выходят финансы и только потом человеческие чувства? (Аплодисменты.) Не думаю, что кто-то здесь расстроится, если мы потеряем этого, вы уж простите меня за грубость, скота! (Бурные аплодисменты.)

– Я тоже думаю, что мы должны обратиться к президенту и попросить его лишить Пятого и подобных ему предателей гражданства! (Зал встает, бурные аплодисменты.)

– Я с этим предложением полностью согласен! (Непрекращающиеся аплодисменты.) Мне кажется, что в другие времена мы могли бы и не обращать внимания на подонков, но сейчас, когда Россия со всех сторон окружена врагами, мы просто обязаны принимать меры. Более того, я уверен, что долг наш заключается в том, чтобы составить полнейший список шпионов и выслать их из страны. (Аплодисменты.) Я уверен, что наша прокуратура, наши следственные органы должны незамедлительно обратить внимание на гадину, которая пытается поднять голову внутри страны! (Аплодисменты.)

– Да-да! Мы, как патриоты, не имеем права сидеть сложа руки! И я очень рад, что наше телевидение, общественное, а значит, независимое телевидение, поднимает проблему национальных предателей, потому что если мы только упустим этот момент, если только перейдем Рубикон, то все, потеряем страну! Ведь как действуют наши враги? Они засылают такого одного, второго, третьего, пятого и начинают медленно наводить у нас смуту. Вот многие говорят, что у нас не работают заводы, что чиновники воруют, но ведь почему не работают и воруют? Разве русский мужик не работага? Разве станет он пить, если работа есть? Правильно, не станет! А пьет он потому, что вот такие шпионы пробираются в нашу страну и отбирают у него работу, тормозят ее, палки в колеса вставляют. А чиновник, взяточник? Разве станет русский человек у русского деньги брать? Да нет, конечно! Да русский человек последнюю рубашку отдаст и очевидно же, очевидно, что взяточников разыгрывают иностранные шпионы, которые посланы сюда, чтоб очернить нас. Если бы не Запад – у нас бы вообще никогда коррупции не было! (Аплодисменты, уход на рекламу.)

Благодаря радиоружьям мы слышали, что Пятый смотрел программу молча. За сорок минут эфира он не произнес ни слова. Арина, судя по всему, прикрывала губы ладонью, голос ее дрожал.

– Антон, что теперь с нами будет? Тебя посадят? Они заведут на тебя дело?

– Не говори глупости, – наконец ответил муж, – не обращай внимания, милая, все это ерунда. Я просто хочу поспать, давай поедem ночевать к твоей маме?

– Отвези меня и езжай в гостиницу, дорогой. Мама попросила, чтоб ты больше не приезжал...

пауза

Разработка

Постоянная неустойчивость – главное свойство разработки.

По траве еще стелился туман. Владимир Славин стоял в саду. Обдумывая телевизионное выступление, он смотрел на недавно подаренный патриархом улей. Улей был красивый, в виде храма Христа Спасителя. Владимир Славин рассматривал храм и пытался понять, почему пчелы не хотят в него лететь. Несколько раз вызывали известных пчеловодов, но ничего не помогло. Профессионалы заманивали и хитрили, но пчелы по-прежнему игнорировали улей. Рассказывали, что такая же история была с подарком бывшему мэру, но там проблему удалось как-то решить, пчелы подчинились. Здесь же ничего не получалось, насекомые не покорялись.

Раздался крик. Сперва ребенка, затем огромного количества людей. Владимир Славин повернулся к дому и громко спросил:

– Что у вас там происходит? Чего вы там все так разорались с утра?

Никто не ответил, но было видно, что что-то случилось. В разных комнатах беспорядочно включался свет. К подъезду на большой скорости подъехал водитель.

– Да что там у вас стряслось, а?!

Рука Анатолия, самого младшего, угодила в пневматическую гильотину для резки хамона. Теперь вся кухня была залита кровью, и повар, который несколько раз в жизни сильно кромсал пальцы, задыхаясь от волнения, объяснял, что отрезанную выше локтя руку необходимо срочно положить в пакет со льдом и наложить жгут. Удивительным образом, все действовали спокойно, сообщая и уже спустя несколько минут Анатолия везли в больницу. Только в этот момент отцу сообщили, что произошло. Владимир Славин поднял по тревоге лучших врачей страны.

Когда Александр вошел в палату, младший брат открыл глаза.

– Как ты, старина?

– Болит.

– Ну а как ты хотел? Конечно, будет болеть.

– Долго?

– Пару недель придется потерпеть. Я поговорил с врачом, он сказал, что все будет хорошо. Придется много заниматься, но рука восстановится.

– Ты можешь сказать им, чтоб они вернули мне айпад?

– Тебе пока нельзя. Ты лучше скажи мне вот что: зачем ты это сделал?

– Что сделал, Саша?

– Зачем ты засунул руку в эту чертову штуку?

– Я случайно.

– Не ври мне! Я же знаю, что ты сделал это специально. Я никому не скажу.

– Правда?

– Да.

– Я тебе не верю.

– Я обещаю...

– Еще во Франции, летом, я видел по телевизору, как одному мальчику из Монпелье, у которого не было руки, сделали биоруку. Прямо как у робота! И она все-все может делать! Я подумал, что если мне отрежет руку – врачи смогут сделать мне такую же.

– Господи, Толя, и что тогда?

– Я бы стал киборгом...

– Черт, старина, для того чтобы становиться киборгом, вовсе не обязательно засовывать руку в гильотину!

– Я хотел, чтоб у меня была биорука.

– Зачем?

– Я бы смог убивать всех врагов.

– Каких врагов?

– Я смотрел телевизор, папа говорит, что у нашей страны много врагов, что враги повсюду...

пауза

Каждый вечер я возвращался в новый дом. В квартиру Кало. Две комнаты в самом центре Москвы. Он уже мог себе это позволить, я еще нет. Иногда мы рубились в приставку, чаще я слушал, как мой друг развлекается. Кало получал удовольствие, и, разглядывая фотографии дочери, которые Карина зачем-то присылала мне, я думал о следующем дне. В моих руках был джойстик, и на экране телевизора мигали восемь букв – Game Over.

Все мои мысли (понятное дело) крутились вокруг журналиста. У Пятого была работа, была квартира и семья. Его писульки непременно вызывали отклик. Все эти недобитые либералы так и подрачивали на его статьи. С определенного момента это стало раздражать меня. Хренов пламенный картонный герой! Смешно просто! Мальчиш-Кибальчиш! Пафос каждой его заметочки просто зашкаливал. Его почему-то считали талантливым, но он был обыкновенным бездарным дерьмом! Я мог бы писать гораздо лучше. Обобщения, банальности, свободолюбивая кутерьма. Колумнист девярых классов. Автор понятных смыслов. Ноль нового. Болтовня. Тра-ля-ля, тра-ля-ля, демократия, вся эта фигня. Пролистывая его текстике, я, если честно, даже не понимал, почему дядя Володя так расстраивается на его счет. Обыкновенное бла-бла-бла. Даже с учетом фактов, которыми жонглировал Пятый, все это совершенно не впечатляло меня. Если честно, я не до конца понимал, зачем тратить столько денег и усилий на исключение одного недоноска. Очень странная и, главное, переоцененная игра. Как-то раз, когда Кало поимел очередную школьницу, мы даже разговорились об этом:

– Знаешь, я стал все чаще задумываться: зачем мы столько мучаемся с этим Пятым?

– Да я вообще все время об этом думаю! С точки зрения налогоплательщиков, мы, конечно, не правы. Вот я, например, исправно плачу налоги. Всегда, даже с зарплаты, которую получаю у дяди Володи. Мне почему-то очень нравится платить налоги, и поэтому я всегда плачу. Беда этой страны не в том, что нет сильных политиков, – беда этой страны в том, что здесь никто не готов жить по правилам. Даже эти вонючие либералы хотят, чтоб государство было их учителем, их главным тренером и врагом. Все они утверждают, что хотят жить как в Европе, но мало кто из них справляется с европейским бытом. Европейцем быть ответственно и сложно, гораздо сложнее, чем думает наше продвинутое меньшинство. Ну да ладно, я не об этом. Я о налогоплательщиках. Если говорить обо мне как о налогоплательщике, то вот лично мне, конечно, не нравится, что мои деньги идут на такую чепуху. Дешевле было бы просто убить его. Если бы у нашей операции был хороший продюсер – о, этот человек вырвал бы на себе волосы! Столько пустых трат! Да, конечно, мы работаем красиво и тонко, только кто, кроме Пятого, может оценить наш труд? Вот если представить себе, что у нас есть возможность поговорить с Пятым и предложить ему выбор: мучения или легкая смерть? Лично я не уверен, что он бы выбрал первое. А выбери он смерть – ну сколько она стоит? Сколько сейчас стоит убить человека?

– Не знаю, Кало, я людей не убивал.

– Ну тысяч триста.

– Да больше!

– Да брось ты! Во-первых, это смотря кого, а во-вторых, смотря кто исполнитель. Я тебя уверяю, что мы можем с тобой в Сибири найти мужика, который за десять тысяч его завалит.

– Это верно...

– Ну вот и посчитай. Десять тысяч или миллионы, которые мы тратим на эту операцию. Да лучше бы мы отдали их его жене!

– Я думал, что ты не сторонник таких методов.

– С одной стороны, конечно, да. Но с другой стороны, если разобраться... Что ему от того, что мы его убьем? Ну вот лично ему, а? Ровным счетом ничего! У человека ведь не бывает смерти. Ты живешь и вдруг перестаешь жить. Вот и все. Важно понять и принять, что мы никогда не умираем, умирают люди вокруг нас. Когда ты умрешь, ты не поймешь этого. Не будет у тебя черного экрана с титром fin. Так что в этом проблемы нет. Единственное, с чем нам следовало бы разобраться, так это с тем, что мы отнимаем человека у его семьи. Вот это действительно проблема. В случае вынесения смертного приговора мы в большей степени наказываем близких, чем самого осужденного. Люди, которые убили моих родных, наказали меня. Ни за что наказали. Они могли бы зарезать и меня, но почему-то не сделали этого. Кто пострадает, если мы убьем Пятого? Он сам? Нет. Пострадают его супруга и дочь, которая всю жизнь проживет без отца. Поэтому было бы логичнее и дешевле просто убрать его. Всем бы от этого стало легче... А так... Так нам теперь придется трахать его жену.

– Что ты такое говоришь, Кало?

– Разве ты не согласен со мной?

– Я согласен, что гипотетически заказчику было бы дешевле просто убрать журналиста, но ты ведь не об этом меня спрашиваешь? Что ты сказал про его жену?

– Я придумал изнасиловать ее.

– Ты чокнулся?!

– Да не буду я ее трахать. Так, членом повою немного и все.

– Ты не сделаешь этого!

– Тогда, может, ты?

– Нет!

– Почему нет? Если я предложу, а дядя Володя прикажет тебе?! Ты что, откажешься? Сольешься? Скажешь, что увольняешься? Отсюда не увольняются, брат, или ты уже вернул тестю все бабки?

Я замолчал. Кало улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– Да ладно, ладно тебе, не ссы. Я еще не продумал все окончательно, но мне кажется, что идея хорошая. Пока же давай подключать Агату.

С этим я не спорил. В том, что настало время шлюхи – сомнений не было. Пятый потерял сон, путал время суток, все чаще ссорился с женой. Было даже немного смешно наблюдать, как он ищет тишину. Антон купил себе беруши и, отвозя Арину к теще, отправлялся в какой-нибудь парк или на кладбище, где в течение нескольких часов мог неподвижно сидеть на скамейке. После этого он ехал в гостиницу, где, прежде чем уснуть, проверял пять-шесть номеров, всякий раз оставаясь недовольным качеством звукоизоляции.

В «Хороших временах» он требовал выключить музыку и, к всеобщему изумлению, не раз вступал в перепалки с друзьями, которые, по его мнению, слишком громко разговаривали.

Пятого раздражала жена. Арина, как ему теперь казалось, оглушительно чавкала и звонко сербала чай. Антона злило, что жена сушит волосы, вместо того чтобы выключить стиральную машину, которая, гремя, наворачивает круги. Голос любимой женщины стал противен.

– Зачем ты так долго разговариваешь по телефону?

– Антон, у меня вообще-то тоже есть свои дела.

– Я понимаю, но зачем повторять все по сто раз? Ты одно и то же говоришь!

- А ты не слушай.
- Я не могу не слушать этот маразм. Что за дебилка, с которой ты разговариваешь?
- Я разговариваю с мамой.
- А, ну тогда понятно!
- Знаешь что, Антон, иди к черту!
- Дочь свою успокой!

пауза

Пятый был совершенно разрушен. Я ничего не понимаю в психиатрии, не знаю, как там все это называется, но в том, что он больше не мог себя контролировать, сомнений не было. Синяки, красные, сонные глаза. Антон постоянно хамил близким, огрызался, курил. Смешивал кофе, сигареты и успокоительное... По средам вечером в Лужниках Пятый играл с друзьями в футбол. Все те же журналисты, фотографы и редакторы. Вся эта хорошевременская херобратия. С каждым разом ребята все меньше радовались его приходу. Почему? Потому что Пятый всех достал.

- Сели! Сели! Сели, млять, скоты!
- Антоха, кончай орать!
- Ты домой вернись лучше, труп!
- Да я опускаюсь!
- Да ни хера! Вы только обрезаете! Сядь домой и стой тут! Вообще вперед не ходи!
- Ты на себя посмотри! Дай ты ближнему! Для чего ты засылаешь, если видишь, что они не могут зацепиться?
- Он открылся – я перевел!
- Ну и что толку? Все же им достается.
- Вы там поборитесь – и будет наш мяч.
- Мы поборемся – ты за собой следи! Ты уже всех достал своим криком! Нужно же уважение к людям иметь.
- Какое уважение?! Я бегаю туда-сюда, а ты от углового флажка по воротам херачишь!
- Мы что здесь, все на кубок играем?
- Конечно, не на кубок! Вы поделились так, что у нас в команде одни пассажиры, и они нас возят в свое удовольствие – какой уж тут кубок?!
- Давай поделимся, чтоб ты не вонял.
- Отец твой воняет.
- Антон, следи за языком!
- Сам следи, мудака!
- Антон, давай ты успокоишься, наконец! Мы сюда приходим не орать, а поиграть в свое удовольствие.
- Да у вас все в свое удовольствие! Что в жизни, что здесь. Вы ни в реальности не можете побороться, ни здесь.
- Антон, не нравится – играй с другими!
- Можешь не волноваться – больше не приду!

Антон с женой уехали в Петербург. На два дня. Рассудили, что короткое путешествие пойдет на пользу. Дурак и дурочка. Хорошего пути! Мы пробрались в их квартиру. Если честно, мне было очень интересно узнать, как он живет. До этого момента я только слышал их дом, теперь же смог увидеть: гостиная, спальня, детская. Признаться, жил он неплохо. Я даже представить себе не мог, что журналист может позволить себе такую обстановку. Что тут скажешь? Москва-Москва. Я ходил по его квартире, рассматривал вещи и думал, что ведь так,

если бы жизнь только была справедливой, мог бы жить и я. Не знаю почему, но в память мне врезалась его книжная полка. Книги были разбросаны по всему дому, в туалете, в гостиной, в кухне. В коридоре разместились натуральная библиотека, но я запомнил только те, что стояли над его рабочим столом. Рахманинов, Шалапин, Мережковский, Тарковский, Герцен, Бродский, Кандинский, Бердяев, Бунин, Ростропович, Любимов, Буковский, Барышников, Набоков, Солженицын, Газданов, Лихачев, Шаламов, Нуриев, Алехин и Куприн. Думаю, Пятый даже не задумывался, что объединяло всех этих ребят. Да и вряд ли он мог представить себе масштабы операции, которая стремилась связать его с ними.

Когда я зашел в детскую, Кало как раз застегивал ширинку. Сперва я почувствовал неприятный запах, затем посмотрел на кровать.

– Зачем ты это сделал?!

– Живот прихватило.

– Это же детская кровать, Кало!

– Слушай, а мне-то что? Мы здесь для чего вообще? Разве не ты говорил, что мы должны прессовать его по всем фронтам?

– Да, но это же все-таки ребенок, блин... Он-то тут при чем? У всего же есть рамки...

– Какие рамки, Лев? О чем ты говоришь? Может быть, тебе вдруг стало жаль его?

– Да не жаль мне его! Я вообще думаю о другом!

– О чем?

– О том, что мы можем перегнуть, понимаешь?

– Перегнуть? Ну и хорошо! Свалит пораньше, нам-то что?

– Да нет же... Я говорю о том, что он может что-нибудь натворить с собой. Ты посмотри на него! Он уже сейчас себя не контролирует. Бросается на жену, я ездил смотреть, как он играет в футбол с друзьями – он натуральный псих, орет на своих и чужих, постоянно нарывается на драку, катится с двух ног в людей.

– На футболе все так себя ведут. В России любительский футбол заменяет людям кабинет психологика. Это даже хорошо, пускай выплескивает часть эмоций.

– Мы говорили, что собираемся превратить его жизнь в ад. Нам это удалось. Только мы не подумали, как будем этот ад контролировать. Он готов сорваться на любого человека в городе. Пятый постоянно огрызается, не прощает никакого хамства.

– И что?

– А то, что он в любой момент полезет в драку, и какой-нибудь хач проломит ему голову.

– Ну, если это произойдет случайно, как мы можем на это повлиять? Такая агрессия сейчас в стране, сам понимаешь, даже мы с тобой можем пострадать.

– Дядя Володя нам этого не простит.

– Я думаю, дядя Володя будет рад.

Стоит признать, что с дерьмом в детской Кало хорошо придумал. Неизвестно, как бы Пятый повел себя в тот вечер, ожидай его тишина, уют и покой. А так...

Открыв дверь, Антон понес спящую девочку в кровать, но, что естественно, уложить ее не смог. Он передал дочь жене и сказал: «Не заходи туда». Пятый взял в кухне мешок для мусора, сам перестелил кровать и сказал Арине, что пойдет прогуляться. Ну разве не хорошо?

Господи Иисусе, Пятый был совершенно разбит! Можно сколько угодно куражиться, но в такие моменты понимаешь, что битва проиграна, что неплохо было бы и белый флаг поднять... только вот для кого? Антон по-прежнему не знал врага в лицо. Думаю, уже в тот момент Пятый бы с удовольствием согласился покинуть страну, но мы решили все сделать наверняка...

Сели на хвост. Судя по маршруту, Пятый двигался в сторону «Хороших времен». Агата полетела туда. У меня не было никаких сомнений, что он клюнет на нее. В тот вечер он уже

плохо отличал ночь ото дня. Вполне возможно, он искренне полагал, что все произошедшее ему приснилось.

Ожидая Пятого, я сидел за соседним от Агаты столом. Пока журналист шел к своей очередной ловушке, я слушал пьяные разговоры его коллег. Все эти клоуны так хорохорились, пытаясь произвести впечатление друг на друга. Я помню, что в тот вечер, минут за пять до того, как вошел Пятый, его дружок Митя встал на стул и толкнул речь:

– Конец презику! Презику конец! Мы все думали, что он будет вечно, что он непоколебим, но именно в тот момент, когда наш страх достиг своего апогея, именно в тот священный миг, когда все мы уверовали в то, что он будет править нами вечно – презик потерял над нами власть. Мы продолжаем проклинать и ненавидеть его, а между тем всем нам впору жалеть нашего презика. В биографии любого презика наступает момент, когда он становится жалок. Однажды наш презик почувствует, что его генералы, его советники, все его вице-премьеры и прочая нечисть предали его. Им еще нужен его образ, образ большого, тугого, сильного презика, но уже не нужен он сам. Он еще страшит нас, но уже давно не пугает их. Они называют его старым, использованным презиком!

Митя закончил в тот самый момент, когда Пятый вошел в ресторан. Друг подбежал к Антону, который сел за барную стойку рядом с Агатой.

– Антоша, ну как ты? Я слышал, слышал про тебя. Это, конечно, полный писец! Вот суки, вот же суки! Ты знаешь, кто за этим стоит?

– Нет...

– Говорят, Славин.

– Может, и он.

– Да... и я... и я не знаю... Все дело в том, что над твоей ямой сейчас стоит человек пять! Да, человек пять, я думаю. Ты же столькок насоллил! Все сейчас заинтересованы в твоём устранении. Одним нужно просто обездвигить тебя, другим пролить кровь. Третьи, если тебе, конечно, это удастся, сыграют на том, что ты сбежишь, но и это сейчас не важно – важно только то, что ты медведь! Медведь, Антон! Ты медведь, которого загнали в яму, и загнали совсем не для того, чтобы вдруг отпустить. Если ты выживешь – они посадят тебя в клетку и уедут в город. Они закроют тебя, закроют только для того, чтобы спасти до следующего преследования.

– Мить, ты сколько выпил?

– Да как всегда, а что?

– Очень ты интересно рассказываешь, но можно я побуду немного один?

– Из тебя сделают чучело! Я уверен, они сделают из тебя чучело, старик! Тебе нужно валить. Срочно валить!

– Я не хочу валить из своей страны. Я хочу, чтоб из нее свалили эти гопники.

– Смешно! Вся история этой страны сводится к тому, что мрази выживают людей вроде тебя, а ты хочешь, чтоб здесь что-то вдруг изменилось.

– Митя, прошу тебя, оставь меня!

– Как знаешь, старик, как знаешь. Я тебе одно скажу – уезжай! Уезжай скорее!

Митя ушел, и, скрестив руки, Пятый опустил голову на барную стойку. Я понял, что он вот-вот уснет, а потому подал Агате сигнал.

– Тяжелый выдался день, да?

– С чего вы взяли? – не поднимая головы, пробубнил Пятый.

– Выглядите неважно.

Агата могла раскрутить кого угодно. К тому же Пятый не очень-то и сопротивлялся. Кажется, она увезла его уже через полчаса. Несколько обыкновенных фраз, неловкие касания

ногой. Два-три бокала вина, причем для него, а не для нее, и все дела. Будьте добры. Получите и распишитесь. Без пяти минут государственная измена...

Возвратившись домой под утро, Пятый встретил Арину в кухне. Жена встряхивала бутылочку – уже неделя как пропало молоко. Не знаю, поняла она или нет, говорила с ним или нет, да и какая разница? Теперь у нас на руках была запись кувыркания Пятого, и он, думаю, об этом догадывался.

Скорее всего, ничего не сказав жене, он прошел в библиотеку и, взяв в руки толковый словарь, отыскал слово «травля». Пятый прочел, что травля бывает ожесточенная и бешеная, методичная и медвежья. Прочел, что травля случается настоящая, газетная и беспощадная.

Сев на пол, Антон, наверное, попытался понять, какое прилагательное максимально соответствует его собственной травле. Массированная? Своеобразная? Умелая? Все эти слова, в той или иной степени, имели место быть. Травля Антона была и газетной, и ежедневной, и непрерывной. Травля была скрытой, бешеной и лихой. Травля эта была подлой и выразительно тихой. Пауза.

На следующий после первой измены день Пятый получил какую-то премию. Старики-либералы решили поддержать малыша. Формальным поводом была утопия про журналиста, отрывки которой они опубликовали в своем литературном журнале. Мы не только отправили на церемонию Агату, но и решили посетить ее сами. Я хорошо помню, что сидел в первом ряду, и Пятый, уже тогда постоянно запинаясь, зачитывал речь:

«Некоторое время назад меня известили о намерении отметить мои скромные, едва прорезавшиеся литературные способности. Не скрою, я был взволнован и рад. Пожалуй, мои эмоции можно было бы сравнить с переживаниями юного футболиста, которого переводят из дубля в основной состав.

Сутки напролет ты чеканишь слова, отвлекаясь лишь на изучение техники великих. Подобно Набокову, некогда защищавшему ворота Тринити-колледжа, ты продолжаешь упорные тренировки, и однажды тебя замечают. Несколько тренеров намекают, что при определенных обстоятельствах ты смог бы заиграть...

Сегодня я бы хотел выразить слова благодарности этим тренерам. Сказать спасибо журналу, который любезно согласился опубликовать отрывки моей утопии, сказать искренне, потому что в литературе, как и в футболе, как и в любом другом виде искусства, автору важно чувствовать уверенность в собственных силах.

Пользуясь случаем, я бы хотел не только поблагодарить тренерский штаб, но и кое-что пообещать. Я хочу заверить вас, что сделаю все от себя зависящее, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушать литературный режим. Я обещаю не расслабляться после побед и не опускать руки после поражений. Обещаю быть готовым ко всякому испытанию, будь то испытание собственным текстом или произвол судьбы; и, несмотря на то что с арбитром не принято спорить, перед лицом своих болельщиков я обещаю возражать всякому судье, который позволит себе превратно трактовать правила игры. Я обещаю не принимать приглашений от команд, за которые болеют тираны, и никогда, ни при каких обстоятельствах не участвовать в договорных матчах. Более того, кто бы ни был рулевым сборной, и как бы долго он ни сидел у руля, превращаясь из самого себя в памятник самому себе, даже если это будет стоить мне места в основе, я обещаю бороться с отжившими свой век схемами и тактиками восьмидесятых. Мир изменился. Мы больше не можем позволить себе играть в атакующий футбол лишь потому, что это тешит самолюбие одного человека и его оголтелых болельщиков, которые, вероятно, не осознают, что игра с десятью нападающими, игра без мысли и уважения к сопернику, в конце концов неминуемо приводит к болезненному поражению и падению на дно турнирной таблицы. Всеми возможными способами я буду бороться за то, чтобы мы не верну-

лись в те времена, когда матчи проходили на полях книг Стругацких, Солженицына и Шаламова. И вне зависимости от того, в каком амплу мне придется выступать, я обещаю занимать позицию правды, свободы и здравого смысла, ибо события последних недель в очередной раз убедили нас, что позиция эта чрезвычайно слаба и требует усиления. Спасибо...»

«Браво!» – крикнул я, и вслед за мной это словечко повторили несколько заслуженных старперов. Смущенный Пятый оглядел зал, и Агата, конечно, попалась ему на глаза. Они уехали вместе, как и после ресторана, и в тот вечер мы сняли недостающие кадры. На всякий случай. Настало время знакомиться. Лично.

пауза

Реприза

Третий крупный раздел формы.

Остается только надеяться, что вы к нему готовы...

Мы можем переходить к кульминации. Детство, школа, смерть отца. Переезд в новый двор, работа, жена. Мы добрались сюда, к высшей точке. Пик сонаты, верх напряжения.

Еще в понедельник мы наивно полагали, что все закончится хорошо. Вернее, нет, не так. Я, если честно, не очень-то и задумывался о последствиях. Будь что будет, думал я. Жена будто бы начинала вновь разговаривать со мной. Мне даже показалось, что она собирается помириться. Я думал, что мы закончим с Пятым, и я вернусь в Петербург.

План был такой: Кало лично встретится с Пятым и все объяснит. Расскажет о наличии пленки, возможно, покажет отрывки и, в конце концов, предложит покинуть страну. План всем понравился. Возражений не было. Дядя Володя дал добро. Я верил в эту историю. Честно верил. Мы предлагали измученному, загнанному в угол человеку хорошее разрешение, но...

Чернушка подсел к журналисту в «Хороших временах». Сказал, что есть разговор. Пятый ответил, что не желает ни с кем беседовать.

– Устали от музыки? Все-таки большой срок.

– Что вам нужно?

– Хочу вам помочь.

– Это как же?

– Я знаю, как сделать вашу жизнь спокойной.

– Что вы имеете в виду?

– Я знаю, кто душит вас.

Пятый оживился.

– И кто же?

– Я не могу вам сказать. Не вправе. Не для того здесь.

– А если я сейчас... – Антон попытался взять Кало за воротник, но чернушка, незаметно для посетителей ресторана, но оттого не менее чувствительно, двинул журналисту в бок.

– Сидите спокойно и слушайте меня! Вы должны уехать! Немедленно!

– А если не уеду, что? – пытаюсь восстановить дыхание, спросил Антон.

– Будет плохо.

– Хуже, чем сейчас?

– Бросьте! Мы и не думали, что вы окажетесь таким слабаком! Все, что происходило до этого момента, – цветочки. Вы не представляете, как мы поймеем вас!

– А не пошли бы вы нахер, а?

– Легко! Только это вряд ли поможет вам. Послушайте, эта ситуация никому не нужна.

Вам неприятно – нам неприятно. Все замучились...

– Замучились?

– Не мое дело подбирать слова. Все устали. И вы, и мы. Очевидно одно: есть досадная история, и все хотят ее разрешить.

– Вы сейчас все это серьезно? Мрази!

– Антон, любезный, следите за языком! Я вас не оскорблял, и я здесь, так сказать, для вашей же пользы.

– Что?

– Дело худо. Людей, которые могли бы вступить за вас, – нет. Поверьте, то, что мы предлагаем вам, – жест доброй воли. Мы хотим решить вопрос по-хорошему.

– По-хорошему? Это как?

– Это очень просто. Вы уезжаете из страны. Хотя бы на несколько месяцев. При этом затыкаетесь, не портите людям кровь.

– Ах вот оно что?! Выходит, это я порчу людям кровь?!

– Антон, уверен, вы понимаете, что это пойдет вам на пользу. Отдыхать на море гораздо лучше, чем проходить обвиняемым по делу...

– Обвиняемым по делу?! И по какому же?!

– Дело найдется. Дело всегда найдется. Признаться, мне очень не нравится тон, который вы выбрали в разговоре со мной. Советую вам перемениться, вряд ли я потерплю еще...

– Ах не потерпишь? Тогда послушай меня, ублюдок: передай своим, что я уничтожу вас!

– Очень трогательно. Нет салфетки? У меня мокрые штаны! Антон, вы такой смелый только потому, что прекрасно понимаете, что вас трогать не станут. И тут вы правы. Абсолютно правы. Ликвидировать вас действительно никто не собирается. За вас я не волнуюсь, поверьте, но, если честно, сейчас я очень беспокоюсь о вашей семье.

– Вы их не тронете!

– Безусловно не тронем. Нам даже мысль такая в голову не приходит! Однако вы же лучше меня понимаете, как работает пропаганда. Страдают третьи лица. Всегда... страдают... третьи лица. Не мне вам объяснять. Прессуют одних, а под горячую руку попадают другие. Без исключений. Сами же знаете – проверено, доказано. Все эти сюжеты по телевизору, статьи в газетах... Кто знает, во что это может выплеснуться?! Кругом полно сумасшедших, мало ли какой маньяк решит изнасиловать вашу жену?

– Вы не посмеете!

– Я же говорю вам – у нас и близко нет таких мыслей. Мы вообще не про это. Я могу пообещать вам, что лично встану на вашу защиту. Уверяю вас, если вы только остановитесь – в вашей жизни больше не будет никаких проблем. Вот прямо с сегодняшнего дня. Только спокойствие, успех и тишина. Хотите премию за вашу книгу? Хотите интервью, большие тиражи? Какая вам разница, кого поддерживать? Вы же автор! Вам важно место свое занять! Далась вам эта власть! Дался этот Славин! Вы же художник! Что вам до верхушки?! Пишите книги! Я обещаю – мы поможем! Все, что вам сейчас необходимо, – сделать публичное заявление, извиниться, сказать, что ошиблись с источниками. Признаетесь, что оговорили Славина, и езжайте на отдых. Вы уж мне поверьте – он простит.

– Какие же твари...

– Антон, послушайте, мне кажется, мы начинаем ходить по кругу. Между тем, все, что от вас сейчас требуется, – собрать вещи и покинуть страну. Поверьте, я не преувеличиваю, когда говорю, что это, безусловно, лучший вариант для вас.

– А если я не уеду?

– Вы окажетесь в тюрьме. Гораздо раньше, чем можете предположить.

– Когда я должен вам ответить?

– Сейчас.

– Сейчас?

– Да, прямо сейчас.

– Ну что ж... Сейчас, так сейчас... Идите нахер, выродки!

– Хорошо. Доброго вам вечера, Антон. До свидания...

Кало вышел. Сидя в машине, я сбросил наушники и включил радио. Найк Борзов пел:

Ты слышишь, слышишь
Как сердце стучится, стучится
По окнам, по окнам
По крыше, как дождик.

Твой нерв на исходе
Последняя капля
Последний луч света
Последний стук сердца

Ты видишь, видишь
Умирает в огне преисподней
Сиреневый мальчик

Он сильно напуган, подавлен
Он пишет картину
Собственной кровью
Своими слезами
И просит прощенья

пауза

Мы не верим в беду. Нам кажется, что несчастье всегда случается с другими. В аварии попадают соседи, уничтожают тех, кто слишком много говорит. От рака умирают друзья, от СПИДа – знакомые. Посадить могут дальнего родственника, ограбить разве что одноклассника. Нас убеждают, что погибнуть в авиакатастрофе практически невозможно – ослы убивают людей чаще, чем самолеты. Лавины сходят на актеров, поезда сбивают литературных персонажей. До последнего мы отказываемся верить несчастью. Предчувствие драмы принято называть страхом. Бояться – стыдно. Не стыдно умирать.

После встречи с Кало, вместо того чтобы залечь на дно, Пятый встречается с Сашей. Страна красивых поступков. Империя отчаянных действий. Через несколько часов в сети появляется очередная статья. Безумная. Отчаянная. Слишком смелая и, конечно, лишняя.

Опубликовав последнюю колонку, Пятый начинает разговаривать с нами. Нет, в этот момент он еще не тронулся, еще не сошел с ума. Антон просто понимает, что мы слушаем его. И он говорит, говорит стенам, а значит, нам. Пятый говорит обоим в собственной квартире, что признает нашу победу, но ненавидит нас. Малыш уничтожен. В этот момент малыш уже уничтожен, и мы слушаем, как он пыхтит. Пятый добит. Да, малой, в этот момент Пятый уже добит. А теперь давай закончим. Теперь лишь минорные созвучия и до самого конца...

Итак, шеф в ярости. Мы послали ему «последнюю колонку». Дядя Володя колотит кулаком в стену. До крови. Триоли. Одни триоли. Мы молчим. И он бьет. Удар, удар, удар. С правой, и еще. В одну и ту же точку. Яростно, быстро. Мог бы приехать и постучать в стену к Пятому. Вот бы была комедия...

– Дядя Володя, мы все сделаем, – говорю я.

Первым делом мы подкидываем флешку Арине. Приходится несладко. Убедившись, что она посмотрела запись и перестала разговаривать с мужем, мы посылаем Агату. Шлюха звонит в дверь и заявляет, что хочет поговорить. Арина впускает незнакомку и, прижавшись к стене, шепчет только: «Боже, оставьте меня в покое».

Аккорд.

Агата великолепна. Все-таки шлюхи гораздо свободнее нас. Я даже представить себе не мог, что она так хороша. Есть знакомый режиссер? Могу дать ее телефон. Агата проходит в кухню и зачем-то убеждает Пятого, что безумно влюблена. Черт, да мы даже не просили ее об этом! Настоящая импровизация! Я думаю, что мы надорвем животы! Арина плачет. Проснувшись, начинает плакать дочь. Антон кричит.

В тот же день сразу на двух больших каналах, одна за другой, выходят часовые программы, посвященные исключительно Пятому. Невиданное признание и успех. Общенациональное преследование. Не уничтожение, но почти спорт. Адвокаты, политологи и депутаты на повышенных тонах обсуждают животный поступок журналиста. Выясняется вдруг, что он педофил. Еще один шаг. Вишенка на торте. Вот фотографии. Вот видеозапись. Педофил! Существительное, одушевленное, мужской род. Пятого склоняют. Педофил. Педофила. Педофилу. Педофила. Педофилом. О педофиле. Не хотел по-хорошему – будет так...

– Отвечая на ваш вопрос, господин ведущий, хочу сообщить, что в данный момент ведутся следственные мероприятия, задача которых подтвердить или опровергнуть свидетельские показания шести несовершеннолетних...

– Наши зрители не так хорошо разбираются в терминологии, товарищ следователь. Правильно ли я понимаю, что Пятого подозревают в изнасиловании шести детей?

– Правильно, да.

Аккорд.

Не переборщили мы? Да нет, в самый раз! Клеймо на всю жизнь. Где подозревают, там обвинят. Общество выносит приговор, не разбираясь в деталях. Факты – волокна, застревающие между зубов. Решение суда – отрывка. Педофил. Дело сделано. Прозвучав однажды, это слово приклеивается навсегда. Нет смысла рыпаться. Людей не переубедить. Поздно. Первое слово дороже второго. Педофил. Второе слово съела корова. Всё, теперь все, даже девочка, играющая в классики во дворе, знает, что дядя Антон – педофил. Кто тебе такое сказал? Все говорят!

Я приказываю парням затихнуть. Пятый лежит на полу в своем кабинете. Один. Без сил. Он то просыпается, то засыпает. Сон его обрывист и поверхностен. Бред. Антон постоянно что-то бубнит. Удар похлеще молнии и грома.

Аккорд.

Понимая, насколько близка победа, мы наносим еще один укол – вырубам не только музыку, но и свет. Во всем доме. Кажется, здесь больше никого нет. Арина не ушла, но и не разговаривает с мужем. Она в другой комнате, но так далеко. Думаю, Арина прекрасно понимает, что ее мужа подставили, но и простить измену, как ни старается, не может. Такие дела... И мы даем им время подумать. Тс-с-с, тихо-тихо-тихо, тишина...

Зря он все-таки бросился на Кало. Хорошо бы и меру знать. Когда разговариваешь с влиятельными мужчинами – лучше не выкаблучиваться. Пятый позволил себе назвать нас гиенами, но мы нет, мы не были гиенами – мы были серьезными людьми. Он во всем виноват! Сам!

Аккорд.

После двух эфиров, понятное дело, возбуждается интернет. Сотни якобы оскорбленных телезрителей... Пишут в «личку». Не нам, но, конечно, ему. Жаль, Пятый уже не в состоянии все это читать – там славные угрозы, много смешного. Тут и мы, конечно, постарались, и весь седьмой этаж. Одно за другим, журналист получает сообщения от простых русских мужиков, которые обещают во что бы то ни стало его «повстречать».

Аккорд.

Во дворе Пятого собирается стихийный митинг. Мы и сами не знаем как! Профессионалы похлеще Агаты. Митингующие с многолетним стажем. Ветераны обиды. Старая гвардия продиктованной борьбы. Собравшиеся требуют расправы над педофилом. Ребята работают правдоподобно, работают искренне и хорошо. Никакой халтуры. Тут и плакаты, и ежеминут-

ные выкрики «Распни его!». За безопасность отвечает фанатъё дяди Володи, впрочем, друзья Пятого и не спешат на помощь. Он валяется на полу, он никого не зовет.

Аккорд.

Арина не выдерживает. Ей страшно. Она входит в кабинет и тормозит мужа.

– Антон! Антон! Сделай что-нибудь! Они сейчас ворвутся в наш дом!

– Не ворвутся, милая, не ворвутся, – Пятый запинается, трет глаза. С трудом подбирает слова. Поднимается, шатается. Он смотрит на жену, ожидая поддержки, но теперь и она, сама того не желая, добивает его.

Аккорд.

– Я тебе не милая. Шлюхи твои милые!

– Арина...

– Что Арина? Что, скажешь, фотомонтаж?

– Нет.

– Вот то-то и оно что нет! Ты должен уехать, Антон.

– Это мой дом... – откашлявшись, хрипит Антон.

– Из страны. Ты мучаешь всех нас.

– Неужели ты не понимаешь... неужели не понимаешь ты, что именно этого они и хотят?

Неужели не видишь ты, Арина, что эта гниль, нелюди эти, черти, черви, хотят только того, чтоб я сдался? Только я не стану! Не стану я сдаваться, Арин! Насдавался я уже, доуступался! Все! Стоп! Хватит! Додоговаривался я уже с ними! Не одни, так другие прижмут. Не сейчас, так завтра. Больше некуда мне бежать, родная.

– Боже, Антон, что за чушь ты несешь? Ты совсем сошел с ума?

– Нет, милая, нет! Я не сошел с ума. Даже наоборот. Теперь я все понял, и я отлично чувствую себя. Выгляжу неважно, но это не беда – это просто отсутствие сна. Много можно в жизни сделать, множество ошибок совершить и кое-чем, наверное, даже и поступиться, но только не ссать гопись. Мы привыкли считать, что там, наверху, заседает куча умничек, серых кардиналов, которые просто оказались не в то время не в том месте, что им негде применить свои таланты, и поэтому они вынуждены работать на эту власть, но это не так! Не так, Арина. Все они – власть гописа! Гопники, обыкновенная гопота! И здесь, и сейчас вопрос стоит только в том, чтобы дать этим гопникам отпор!

– Владимир Славин не гопник.

– Откуда ты знаешь про него?

– Он разговаривал со мной...

– Когда?

– Какая разница, Антон?

– Я спрашиваю тебя, когда!

– Когда ты развлекался со своей шлюхой...

– И что он рассказал тебе?

– Много чего... Рассказал, что против него бунтует его семья. Что один из кланов подкупил тебя, но при этом он не в обиде, потому что понимает, зачем нужны журналисты. Сказал, что готов простить.

– И ты поверила?

– А кому я должна верить?

– Мне!

– Правда?

– Да...

Аккорд.

«А кому я должна верить?» Старый прием. Ой, кажется, из-под вас вытягивают стул. Ни родителей, ни жены. Друзья? О, их поддержка заканчивается «лайками» в социальных сетях. Битва против гопья? Ну что ж, даже если и так. Давай, малыш, иди сюда...

Протестующие не расходятся. Активисты разбивают палатку во дворе. Полиция считает это вполне допустимым. Шум, гам, ставшие привычными «Распни его!». Я даю ему максимум месяц – Пятый сдастся уже через две недели...

Аккорд.

Он решает вывезти из страны Арину. Пятый привозит жену и девочку в аэропорт, но не тут-то было. На паспортном контроле пограничник забирает документы и через полчаса сообщает женщине, что она не может покинуть Россию:

- Вам нельзя лететь.
- Почему?
- У вас нет одной страницы в паспорте.
- В каком смысле?
- Тринадцатой страницы нет.
- Что за бред? Всегда была, а теперь нет?!
- Женщина, вам в паспортный стол надо.

Дядя Володя звонит кому надо – ребята делают. Тринадцатую страницу вырезают. Лезвием, как и полагается в таких случаях, аккуратно. Пятый думает, что Арина вот-вот улетит в Швейцарию, но в это время звонит его телефон:

- Они не выпускают нас...

пауза

Одно к одному. Вернулись домой – получите следующий удар. Забыли Андре Жида? «Человеческая жизнь? Что за пустяк!» Гопники? Нет, некоторые из нас учились на филфаке. Вот так, дорогой Пятый, вот так!

Как там у Мариенгофа? «Глупо, а стрелять надо». Кало настаивает на изнасиловании. Мы договариваемся, что он не будет входить в Арину. Друг обещает, что не обманет. Я верю ему – Кало хороший.

Сидя в редакции, Пятый звонит Мите, Арина отправляется на прогулку. Мы готовы.

- Митяй, привет! Слушай, такие дела, можно мы немного поживем у тебя?
- А что стряслось?
- Да у нас соседи делают ремонт. Невозможно спать.
- Антоша, а у нас как-то и места нет для вас.
- У тебя же загородный дом!
- Да, но мы оборудовали одну комнату под фотомастерскую. А в гостевой спальне я сделал кабинет.
- У тебя же там куча комнат!
- Старик, мы решили, что у каждого ребенка должна быть своя спальня.
- Ясно, я понимаю...
- Вам, наверное, лучше поехать в гостиницу.
- Да-да, я, наверное, так и поступлю...

Есть грустная музыка? Какой-нибудь контрабас? Включите, если у вас там, конечно, есть такая запись – дождь...

Когда Арина заходит в лифт, трое в масках бросаются на нее. Болек выхватывает ребенка, Лелек закрывает рот и нажимает на кнопку «стоп». Кало начинает целовать и облизывать ее. Веки, щеки, губы. Шея, плечи, руки. Кало сжимает ее грудь – Арина стонет. Она пытается сопротивляться, но это бесполезно – руки распяты, Кало прижимается к ней. Он рвет трусы и пистолетом делает пальцы...

Еще несколько мгновений Кало ласкает Арину, затем, положив ребенка на пол, Болек и Лелек выбегают. Кало плюет женщине в лицо. Ничего личного. Политика, работа...

Всхлипывая, Арина сползает по стене, берет девочку на руки.

Спустя несколько часов, глядя на жену, Антон все понимает.

пауза

– Неделю назад, если ты помнишь, я посетил твой концерт. Да-да, тот самый вечер, когда я ушел во время второй части. Что ты тогда играл?

– Третью сонату Бетховена. Ты ушел во время скерцо.

– Да. Я помню... музыка была очень красивой... Да, даже мне тогда понравилось. Ты так хорошо звучал. Я сидел, зевал, не знаю почему, но широко зевал и слушал тебя. И я думал, конечно, я обо всем думал. Я вспоминал наш последний разговор с дядей Володей и понимал, что нужно что-то предпринять. Кало не хотел этого признавать, но, безусловно, как я и чувствовал, мы перегнули. Много музыки, много лжи. Зря с дерьмом, дерьмово получилось с женой. Кому понравится, когда насилуют твою жену? Нужно было, конечно, чутка ослабить... Пятый был скорее мертв, чем жив. И я сейчас не шучу. Мы ничего от него не оставили. Стерли, как говорится, в порошок. А еще эти допросы...

– Допросы?

– Да. Уже больше двух недель его вызывали к следователю. Каждый день. В знаменитый кабинет. На стене висел плакат с печально известным нефтяным бизнесменом. Поверх плаката была наклейка от стиральной машины: «Гарантия 10 лет». Пятый, безусловно, понимал, куда попал. Вернее, он понимал, что уже не выберется. Никогда.

Ты так красиво играл. Я думал, что мы должны еще раз поговорить с дядей Володей. Необходимо, да, необходимо ослабить пресс...

Помню, что ты исполнил всего несколько тактов, и я почувствовал, что в кармане завибрировал телефон. Я испугался, что телефон вот-вот зазвонит...

Мы всегда боимся не того, чего следовало бы... Нет, телефон не зазвонил – это было всего-навсего сообщение. Обыкновенное. От Кало. Я вытащил телефон, провел пальцем по экрану и прочел:

«Он vybrosil rebenka iz okna (((...»

пауза

Проблема. Три грустных смайлика. Я поднялся и побрел к выходу. Какие-то старухи фыркали: «Вы только посмотрите, какой ужас! Да он просто пьян!». Старое говно – сидите, разворачивайте свои конфеты – он выбросил девочку из окна.

Когда я приехал во двор Пятого, Кало все еще сидел в машине. Тикал поворотник, но чернушка не мог тронуться. Тронулся Пятый.

– Что случилось, Кало?!

– Дерьмо, брат, дерьмо! Нам надо сматываться, надо сматываться...

– Да что же случилось? Рассказывай!

– Беда, брат, беда! Пережали мы, брат, пережали...

– Кало!!!

– Он... он, как обычно, отправился с девочкой на прогулку. Все шло как всегда, как всегда, брат. Толпа встретила его криками у подъезда, проводила до выхода из двора. Ничего особенного. Все как всегда... как всегда, брат, как всегда... Он выглядел точно так же, как и всегда. То есть так же, как и во все эти последние дни, после допросов. Вышел, вышел, он... и мы повели его... Повели его, как всегда, до парка. Все было как всегда, как всегда, брат!

– Кало, говори, что дальше!

– Он сидел в парке. На скамейке. Молча. Как обычно, сразу уснул. Повисла голова. Все как всегда. Ребенок спал, и он спал. Затем ребенок начал кричать. Начал кричать, сильно. Сильно-сильно, так, как умеют только младенцы. Пятый сперва не реагировал, потом проснулся, опомнился и попытался успокоить девочку. Ребенок не сдавался. Кричал. Кричала она. Все время кричала, как резаная! Все, все время орала, а ты же понимаешь, что такое для него теперь звук. А она кричит. А он давай качать коляску, но делает это как-то очень дерганно и нервно. Девочка продолжает орать, и он раздражается. Он бесится, срывается на нее, затем вроде как понимает, что не прав, и старается ее утихомирить, но девочка не затыкается... Антон тащит ее домой, но она все визжит как резаная, вырывается, бьется в истерике. Когда Пятый возвращается во двор, люди, как мы и требовали от них, вновь накидываются на него. Но я не виноват! Я не виноват! Это же не я! Я же не мог знать! Кто же мог знать?

– Успокойся, Кало!

– Люди кричат. Кричат, огрызаются, клацают: «Распни, распни его!» – как мы и просили, как для камеры кричат. Они делают вид, что бросаются на него, и, как обычно пересрав, он бежит в подъезд. То есть я думаю, что он бежит в подъезд – я же этого не видел, я же тут сидел в машине, в наушниках, за углом.

– Кало, да я понимаю, что ты тут ни при чем! Что было дальше, рассказывай!

– Я не знаю. Я могу рассказать только со слов парней. Они видели, они, не я.

– Кало!

– Короче, его заталкивают в подъезд. Он захлопывает дверь, прячется. Вроде бы все. Вроде бы все как всегда, я получаю сигнал, что «объект» вошел в подъезд, и, как всегда, увеличиваю громкость в наушниках. Толпа орет: «Распни его, распни его!». И тут, насколько я понимаю, Пятый почему-то не вызывает лифт, но решает подняться домой пешком. Не знаю, может, девочка не дает. Она все кричит, вырывается. У ребенка истерика. Истерика, насколько я могу судить, и у Пятого. И он поднимается по ступенькам, и девочка вырывается, и толпа продолжает требовать: «Распни его!». И толпа видит его в окне первого, затем в окне второго этажа. Не знаю, может, лифт там был занят или сломался, но он почему-то поднимается пешком. И девочка все визжит у него на руках и все не может успокоиться. И у ребенка истерика, и она бесится, и вырывается. И толпа продолжает наседать...

– Кало! Что ты замолк?

– Затем раздается хлопок. На секунду тишина, но тотчас крики. Люди начинают опять кричать, но я не придаю этому значения, потому что ведь именно за это мы им и платим. Через мгновение, один за другим, ребята выбегают из арки. Все, все, кому мы заплатили, бросают плакаты и бегут прочь. Я ничего не понимаю, включаю рацию, чтобы спросить у Болека, что там у них происходит, но в этот момент в наушниках слышу голос Арины: «Антон, где девочка?!» Кто-то подбегает ко мне, стучит в стекло. Я опускаю. Кто-то говорит мне:

– Он выбросил девочку! Вышвырнул ее в окно!

пауза

Связующая партия

Связующая партия в репризе уже не играет важной роли.

Арина выбегает во двор. На асфальте, среди брошенных плакатов, бездыханное тельце девочки. Арина пытается приподнять его, но на земле остается раздробленная часть головки, тянется густая лента крови. Арина кладет девочку обратно. На асфальт. У женщины дергается щека. Она не кричит. Во дворе тишина, нарушаемая лишь тем, что, выглядывая из окон, перешептываются соседи. *Pianissimo*.

В маленькой съемной квартире болтают Татьяна Славина и молодой студент филологического факультета, который так славно подбирает стихи. *Sostenuto*. Татьяна Славина гладит его волосы, и он шелестит чем-то из Бродского, потому что в 2015 году Бродским во время секса пользуются чаще, чем презервативами.

Sotto voce, сидя возле кровати, гладит дочь Карина. Она верит, что совсем скоро девочка встретится со своим отцом.

Agitato, желая напугать младшего брата, открывая дверь палаты, перешептываются Лиза и Польша. Анатолий спит, и брат с сестрой решают облить малыша компотом, чтобы, когда он проснется, испугался, будто весь истекает кровью.

Crescendo, стоя в раздевалке, шепчет в телефон Александр. Впервые за долгое время звонит Себастьян. Саша рад.

Антон сидит в кухне. Тишина. Ничего не происходит. Тишина.

пауза

Побочная партия

в которой Лев Смыслов расскажет, как собрался в отпуск.

В тот же вечер мы встречаемся с дядей Володей. Не в лесу, но в «Вульфе». Кажется, даже Агата тут. Дядя Володя немного растерян. Его можно понять – наш ляп. Первые полчаса он покрикивает. Затем успокаивается. Говорит, что операцию можно завершать.

– Что теперь будет с Пятым?

– Ничего. А что с ним может быть? Отправят на экспертизу, запретят в дурке или посадят за убийство дочери. Мы ведь все помним, что он педофил. Теперь, оказывается, еще и маньяк. Все сходится.

– А с нами?

– А вы отправляйтесь в отпуска.

Несколько дней я остаюсь дома. Успокаиваюсь, размышляю. Все-таки не каждый день такое случается. Перед поездкой к тебе звоню Карине. Сообщаю, что надолго покину страну и потому хочу увидеть дочь. Хотя бы на час. Жена разрешает. Думаю, Карина даже рада. Время, которое я проведу с девочкой, она потратит на себя: салоны красоты, массаж, макияж. Возможно, даже повстречает Алису...

Карина захлопывает дверь. Я захожу в детскую. Дочь хочет обнять меня, но я вдруг отталкиваю ее. И наношу удар.

Первый.

Удар.

Второй.

Удар.

Третий.

Как в литавры – удар четвертый. И последний.

Самый важный. Удар.

Пятый... Я прохожу в кухню и включаю холодную воду. Болит кулак. Из соседней комнаты доносится голос дочери. Она плачет. Ей, конечно, страшно. Я разнес стену. Я был полон ярости и гнева, и я бил. Пять ударов в стену, всего в нескольких сантиметрах от ее головы. Даже не знаю, что на меня нашло. Я на мгновение задумался: а должна ли жить моя девочка, если мертва его? Конечно, должна. В конце концов, он сам во всем виноват.

И я звоню Карине и сообщаю, что ухожу. Нет, это ее проблемы, я не собираюсь ее ждать, я же сказал, что должен уйти. Зачем я вообще приезжал? Я же сказал, дочь повидать. Девочка уже большая, ничего с ней не произойдет, посидит и сама.

В общем, я звоню тебе. И звоню Алисе и, как в старые добрые времена, приглашаю ее полетать. И она соглашается. И вот, собственно, вся история, малой... вот, собственно, и вся...

пауза

Заключительная партия

Кода

Кода – дополнительный раздел формы. Ее функция – обобщение материала и высказывание «вывода» всего произведения.

Через мгновение я выйду на сцену. Уверю вас, это будет великое выступление. Не то что в прошлый раз. Я знаю, я чувствую это, а потому счастлив.

Знаете, в музыке полно примеров, когда страшнее и драматичнее удара всех литавр звучит пауза. И она прозвучит. А пока... пока я здесь, за кулисами, у меня есть время закончить...

В тот день, окончив рассказ, брат улыбнулся мне. Я молчал. Лев встал, сделал несколько шагов и остановился.

– Хорошее было вино. У тебя когда концерт?

– Через полчаса.

– Ты успеешь?

– Да...

Брат похлопал меня по плечу и пошел в сторону рецепции. Я больше ничего не сказал. Не знаю почему. Будто передо мной стояли ноты и будто в нотах этих на всю страницу было указано молчание. Словно у него был проигрыш, а у меня нет, у меня пауза. Словно это был сон, в котором меня лишили голоса, и я пытался кричать, но не мог. Я хотел встать, но ноги не слушались меня. Я смотрел вслед брату и, наверное, должен был крикнуть «Постой!», но у меня не получилось. Я не окрикнул его, не побежал. Вместо этого я принялся разглядывать наш стол. Тарелка, пустой стакан, вилки. Я смотрел на бутылку вина и нож, который теперь сжимал в руке. Не знаю, не помню, сколько я так просидел. Только Центнер привел меня в чувство:

– Марк, ты с ума сошел! Почему ты не снимаешь трубку? Я звоню тебе битый час! Я повсюду ищу тебя! Ты посмотри, сколько у тебя пропущенных! У нас тридцать минут до концерта!

– Хорошо. Мы успеем.

Я совсем не помню, как переоделся во фрак (кажется, Центнер помог). Не помню, как в моих руках оказался инструмент и кто вытолкнул меня на сцену. Я совсем не помню зал, аплодисменты и первую ноту. Я помню только, что очень волновался, что одновременно гнал и осаждал себя, что хотел поскорее вернуться в гостиницу и, понимая, что взвинтил темп, сдерживал себя. Американские горки. Я жутко перевирал. Руки делали свое дело, пальцы стучали по грифу, но я ничего не чувствовал, ничего не ощущал. Тело мое было здесь, в Лугано, но мысли... Я никак не мог совладать с собой. Колодец, девочка, колодец, девочка, травля. Зритель в зале, вероятно, полагал, что я чересчур переигрываю, что все, что происходит на сцене, преисполнено пафосом. Колодец, колодец, колодец. Я хотел быть спокойным, но в тот вечер никак не мог удержать себя. Я видел окно и ряды ступеней, Кало, которого совсем не помнил, и рацию, которая выпадала из его руки. Я совершал преступление против музыки, пересказывая слушателям историю не Баха, но собственного брата. Я двигался к финалу, и грудь мою разрывал страх, потому что финала этого я не знал. Мне хотелось обнять Льва. Поговорить, удержать, успокоить его. Я хотел поцеловать его в лоб, взять за руку. Всю жизнь я был уверен,

что всякий человек должен нести ответственность за свои поступки, и в тот момент, отрывая смычок от струн, я думал, что должен поскорее вернуться в гостиницу, чтобы не дать брату покончить с собой.

Мокрый, я сбежал со сцены и приказал Центнеру увезти меня обратно в отель. Друг понял, что я не буду выходить на бис. Да и какой там бис – кажется, люди стали покидать зал немногим раньше меня. Провал. Центнер видел, что там, на сцене, я что-то оставил, что что-то рассказал, но что именно, конечно, не понимал.

Кажется, были аплодисменты. Жидкие, но все же были. Я понял это, когда оказался в гостинице. Потому что там, в зале, был хоть какой-то шум, а здесь нет. Здесь была описанная Львом страшная тишина.

Я поднялся по лестнице и, преодолевая собственный страх, сделал несколько шагов к номеру брата. В коридоре тихо барахлил кондиционер, против номера Льва на полу стоял поднос с недоеденным салатом. Над салатом кружила пчела. Я сел и прижался спиной к стене. Прислушался. В этот момент пчела атаковала меня и ужалила в запястье. «Слава богу, уже отыграл», – рассматривая опухшую кожу, подумал я.

Из номера брата доносились короткие смешки. Судя по всему, в этот момент Лев и Алиса были уже в постели. Не знаю, наверное, она шутила. Все это продолжалось несколько минут, затем ее смех прекратился. Теперь я слышал лишь тяжелое дыхание кондиционера, но совсем скоро раздался первый стон. Мой брат овладел Алисой. Я слышал ее голос и какой-то монотонный стук. Думаю, это спинка кровати билась о стену. Судя по всему, Лев что-то шептал Алисе, но было сложно расслышать, что именно. Потянувшись к подносу, я взял кем-то оставленный кусочек хлеба. Разломил его пополам. От укуса побаливала рука. Я прислушивался и смотрел, как на пол сыплются крошки. Лев занимался любовью с девушкой, о которой мечтал всю жизнь, и, сидя под дверью, во фраке, я перематывал все, что он рассказал. Я пытался еще раз проговорить всю историю от начала до самого конца, который, как я теперь понимал, еще не наступил. Я видел двор, толпу ряженных, прибитые к палкам плакаты и исковерканное ударом тельце маленькой девочки. Я видел другую квартиру. Разломанную детскую кроватку и плачущую племянницу. Я слышал удары, слышал хлопок. Лев продолжал. Алиса стонала. Теперь, казалось, на весь коридор. Не знаю, возможно, в этот момент она даже любила его, и уж точно была нежна.

Я рассудил, что не пойду к себе, но на всякий случай посижу здесь, под дверью. Я подумал, что, когда он закончит, я еще раз с ним поговорю.

Я не знаю, сколько провалялся у номера Льва. Не знаю, быть может, час или два. Затем открылась дверь и брат вышел ко мне.

– Малой, ты чего здесь делаешь? Ты на весь коридор храпишь!

– Ты ведь не сделаешь этого?

– Чего не сделаю?

– Ты ведь не покончишь с собой?

– А с чего я должен кончать с собой?

– Ты же сам сказал мне: «Завтра меня уже не будет».

– А, господи! Ты что думаешь, я к тебе вешаться приехал? Я сказал так, потому что завтра мы с Алисой собирались лететь дальше, в Жуан-ле-Пен.

– Значит, ты не будешь убивать себя?

– А с чего я должен убивать себя?

– Из-за той девочки...

– Не я же ее выбросил. Я-то здесь при чем?

– Я просто волновался за тебя.

– Ну ты даешь... Смешно даже...

– Что смешно, Лев?

Брат сел рядом, вытянул ноги и обнял меня.

– Знаешь, что смешно? Знаешь, что по-настоящему смешно, малой? Смешно, что я всю жизнь мечтал трахнуть Алису, все эти долбаные годы я мечтал трахнуть Алису, а оказалось... оказалось, что моя жена делает это лучше...

– Значит, ты завтра вернешься к ней?

– Ну уж точно не завтра. Она же в Петербурге, а у меня теперь серьезная работа в Москве. Нет, завтра я хочу отправить Алису обратно домой и пригласить Агату. Думаю, мы слетаем во Францию, отдохнем немного в доме дяди Володи. Хочу набраться сил.

– А что потом?

– А потом, я же тебе говорю, мне нужно в Москву. Дядя Володя сказал, что пора меня выводить на новый уровень. Говорит, что я должен стать публичным человеком. В четверг я буду участвовать в каком-то ток-шоу. Что-то вроде «КазньТВ». Ты не забывай, малой, я все-таки журналист...

аплодисменты

Дерьмовый человек

рассказ

Как я оказался здесь? Хорошо, я расскажу, но только вам...

Это случилось в середине июля. Окно было открыто, пахло свежей листвой. Настя молчала. Мы лежали рядом, но не разговаривали. По дороге домой я предложил подобрать вымокшего шоколадного щенка, но жена отказалась – сказала, что не собирается с ним гулять.

– Фу, зачем ты это сделал?! – вдруг вскрикнула она.

– Что сделал?

– Воздух испортил!

Ничего подобного я не делал, о чем тотчас и заявил. Настя рассердилась и фыркнула, что я веду себя как ребенок. Я еще раз ответил, что воздух не портил, и перевернулся на другой бок.

Признаться, я был немного растерян. Ситуация непростая. Ничего из того, в чем обвиняла меня супруга, я действительно не делал, а потому, оправдываясь, выглядел довольно глупо. В конце концов, я зачем-то сказал:

– А может, ты это сама?

В тот вечер мы больше не разговаривали. Более того, Настя демонстративно ушла спать в гостиную. Утром она уехала на работу раньше обычного. В раковине лежала немытая посуда, на холодильнике висел стикер.

«Мудак!» – констатировала жена.

Я смял бумажку и прошел в туалет. Сделав свое дело, я принялся к бумаге. Вот теперь действительно пахло. Не понимаю, чего она так завелась?

Первая половина рабочего дня прошла обыкновенно, но во время обеда случилось странное. Моя коллега, сидя против меня, стала приюхиваться:

– Ты чувствуешь? – спросила она.

Да, я что-то чувствовал, но не придавал этому большого значения. В тот момент меня больше впечатляли ее раздувшиеся до невиданных размеров ноздри.

– Давай пересядем, – предложила она.

Мы пересели. Начали перекидываться какими-то шутками, но Елена повторила вопрос:

– Ты чувствуешь, и здесь тоже?

В этот момент я на мгновение испугался. «Быть может, зловонье исходит из моего рта? Впрочем, нет – мы сидим довольно далеко друг от друга», – успокоил себя я.

– Может, у них канализацию прорвало? – с улыбкой ответил я.

Лена (аналитик по образованию) сделала то, чего я больше всего опасался. Она вернулась к нашему «первому» столику и принялась. Сомнений не было – неприятный запах источал я. Лена молча подошла к нашему столу, забрала приборы и пересела.

Вот те на. Подойти к ней означало бы признать, что вонь исходит от меня. Я понюхал собственную ладонь, затем ворот рубашки. Да, запах действительно был. Глупость какая...

Когда я вернулся домой, Настя сидела перед телевизором, переключала каналы. Она не повернулась ко мне, не улыбнулась, не сказала «привет». Молчанием своим она намекала, что я все еще должен извиниться.

– Послушай, – начал я, – что-то странное происходит. Я клянусь тебе, что...

– Да хватит вести себя как дитя! Это же нормально, Максим! В этом нет ничего такого! Просто все, что тебе необходимо – извиниться!

– Мне не за что извиняться! Я ничего не делал. Странно другое. Сегодня, во время обеда, Лена тоже почувствовала неприятный запах, который, судя по всему, исходил от меня. Уверю тебя, что контролирую себя. Если бы и происходило то, о чем думаешь, я бы признался тебе. Но ничего не происходит. Настя, понюхай меня.

Жена цокнула, отбросила в сторону пульт и подошла ко мне. Я затаил дыхание.

– Ты издеваешься надо мной?

– Да нет же!

– Во что ты играешь, Макс?

– Говорю тебе, что ни во что!

– Ты совсем спятил? Тебе кажется, что ты придумал остроумный розыгрыш?

– Чем пахнет, Насть?

– Да дерьмом! Дерьмом твоим пахнет, мудак!

Семь лет прожили вместе. К Новому году предложил ей ребенка усыновить. Никогда на меня не кричала, а тут на тебе – «мудак» два раза за сутки.

Я прошел в кухню. Снял с себя всю одежду, засунул ее в мусорный пакет, пакет выставил за дверь. Зашел в ванную, включил воду. Вылил на себя баночку шампуня, затем другую. Залил все это дело гелем для душа и, взяв в руки обыкновенное хозяйственное мыло, принялся отмываться. Спустя час я вновь вышел к жене.

– Богом клянусь, я не шучу с тобой. Понюхай меня еще раз...

Настя пошла навстречу, но остановилась в шаге. На этот раз она ничего не сказала, только заплакала. Я попытался обнять ее, но жена оттолкнула меня.

Чтобы не раздражать супругу, я собрал вещи и уехал в гостиницу.

В номере я вновь разделся и принялся к себе. Теперь и я почувствовал этот запах. Пахло действительно неприятно, пахло тухлятиной. Я еще раз сходил в душ и, надев халат, спустился к рецепции. Облокотившись на стойку, я дыхнул в лицо молодому консьержу.

– Свежее?

– Дыхание да, но вот запах...

– Какой запах?

– Если честно... не очень приятный...

Хрен с тобой. Я поднялся в номер и не выходил из ванной комнаты два часа. Каким бы, мать его, говном я не пах, не мог этот запах оставаться со мной после стольких проведенных в душе часов! Я вновь нацепил халат и, сбегав по лестнице вниз, позвал парня.

– Нюхай! – сердито сказал я.

– Пахнет!

– Позови кого-нибудь еще!

Ко мне подошли двое: носильщик, который не без интереса наблюдал за всем происходящим, и местная проститутка, потерявшая к жизни всякий интерес.

– Ёба... – прошептал носильщик.

– Пойдемте, пожалуйста, со мной, – взяв под руку проститутку, сказал я.

Мы вошли в номер. Я вытащил из пиджака и протянул девушке пять тысяч.

– Пятнадцать! – сказала она.

– Вы не поняли. Я ничего не хочу с вами делать! Мне просто необходимо, чтоб вы понюхали меня.

– Знаю я вас. Нанюхалась уже.

Я вытащил из кошелька еще две банкноты, затем снял с себя халат и попросил ее подойти.

– Делать-то что? – спросила она.

– Понюхайте, пожалуйста, здесь.

– Очко прямо?

– Да, будьте любезны.

Девушка, которой, думаю, за свою жизнь приходилось делать и говорить странностей не меньше, чем пресс-секретарю президента, повиновалась и встала на колени. Несколько секунд она действительно обнюхивала меня.

– Ну как?

– Что «как»?

– Воняет?

– Ну пованивает, да.

– Оттуда?

– Откуда «оттуда»?

– Из задницы?

– Да я бы не сказала.

– Вы не возражаете, если я повернусь к вам передом?

– Валяй, избушка.

Я повернулся. Девушка взяла в руки мой член и, тщательно обнюхав его, принялась за окрестности.

– А теперь?

– Да то же самое. Слушай, дорогой, ты мне можешь объяснить, что происходит? Я многое умею, но вот мысли человеческие плохо читаю. Ты мне скажи, что делать, – я сделаю.

– Вы можете мне сказать, откуда идет вонь?

– Да из тебя, походу.

– Это я понимаю, но откуда именно?

– Да видать изнутри, изнутри, видать, миленький...

– Как по-вашему, сильно воняет?

– Ну как будто на тебя вылили ведро дерьма...

Я сел на край кровати. Закусил указательный палец. «Быть может, всё наоборот? Быть может, это игра? Быть может, как в книге, которую я недавно прочел, это они разыгрывают меня?»

– Тебе бы в душ, дорогой!

– Я сегодня, кажется, уже раз пять был.

– Может, ты людоед? Пахнет, будто ты труп сожрал.

– Зачем бы мне тогда понадобился ваш совет?

Следующим утром я, как ни в чем не бывало, вышел на работу. Наш офис располагался на 44-м этаже, а потому все путешествие в лифте я с интересом наблюдал за реакцией попутчиков. Иллюзий не было. От меня отвратительно несло.

Если я ничего не путаю, в то утро я даже не успел проверить почту. Едва я появился в офисе, меня вызвал шеф.

В кабинете, кроме директора, развалившись в кресле, закинув ногу на ногу, сидел Семён, его зам. Мне предложили сесть, и я сразу обратил внимание, что стул поставили довольно далеко от стола.

– Как дела, Макс?

– Спасибо, хорошо.

– Послушай, тут по офису пошел...

- Душок! – смеясь собственной остроте, перебил зам.
- Сёма, заткнись! Так вот, Макс, не знаю, как сказать, но, в общем, люди тут стали обсуждать, мол...
- От меня плохо пахнет?
- Да! Именно!
- Я знаю.
- Может, тебе врачу показаться?
- Я хотел сделать это сегодня после работы.
- А ты не жди! Не нужно ничего ждать! Здоровье – дело такое! Ты вполне можешь поехать прямо сейчас!
- Ага! А мы пока офис проветрим!
- Сёма, я же сказал тебе – заткнись!
- Да тут не мне затыкаться нужно!
- Я бы не хотел уходить с работы раньше времени. Я никогда так не поступал.
- Я знаю, знаю, Макс. Мы тебя очень ценим, я уважаю тебя как работника и именно поэтому предлагаю не задерживаться, а прямо сейчас поехать к врачу.
- Хорошо! Я съезжу к врачу и тотчас вернусь.
- Не переживай. Сегодня можешь не приходить. Обследуйся хорошо, узнай, что там да как, и возвращайся к нам абсолютно здоровым. Уговор?
- Уговор, шеф!

Я вышел из кабинета. Работа в офисе, конечно же, остановилась. Думаю, даже с других этажей собрались люди, чтобы посмотреть на меня. Одни улыбались, другие демонстративно, словно веером, размахивали рукой под носом.

Сел в машину. Взял в руки телефон. Вбил следующее: «Плохой запах». Не успел я дописать, как умный поисковик предложил мне несколько продолжений запроса:

- плохой запах изо рта
- плохой запах мочи
- плохой запах изо рта ребенка
- плохой запах изо рта кошки
- плохой запах изо рта причины

«Плохой запах от человека» – ввел я.

Гипергидроз – диагностировал первый из открывшихся сайтов.

Я начал читать.

Почему возникает неприятный запах?

Неприятный запах тела – нюанс достаточно деликатный, способный неоднократно сыграть злую шутку с человеком. Обычно у деловых, взрослых людей проблема отсутствия ненадлежащей гигиены практически исключена. Следовательно, основная причина плохого запаха кроется не снаружи, а внутри, тем не менее, заставляя подвергаться дискомфорту окружающих и самого носителя.

Как стало известно, 90 % жителей планеты заражены тем или иным видом паразитов. Многие не знают об этом до конца жизни и до самой смерти лечат заболевания, причиной которых являются именно паразиты.

Ответов на вопрос касательно появления неприятного аромата целое множество, и далеко не каждый из них способен успокоить читателя.

Очень яркий пример: при онкологии, проблемах с печенью от больного исходит практически невыносимый дух ацетона, с которым ничего не поделаешь.

А при почечной недостаточности, инфекциях мочеполовой системы, таких как нефрит или пиелонефрит, пациент пахнет кошачьей мочой. Это связано с тем, что потовые железы вынуждены брать на себя часть работы почек из-за нарушения выделительной функции.

В каких случаях от человека разит уксусом? Специфический запах характерен для сахарного диабета и туберкулеза. Если у женщины появилось кисловатое зловоние в районе груди, следует пройти обследование на наличие мастопатии.

Сладкий аромат тела – спутник дифтерии, рыбный или сероводородный – нарушение обмена веществ и работы желудочно-кишечного тракта, тухлый – онкологических заболеваний мочеполовых органов. Это далеко не полный перечень всевозможных вариантов. Порой тяжело поверить, что именно вы являетесь источником зловония, а не жертвой навязчивого впечатления: прелые яблоки, мед, овечья шерсть и даже «старость» – все эти ароматы свойственны телу больного человека.

Хочется подытожить: если вы не обнаружили своей «болезни» по запаху, то наверняка сделаете выводы, что обследоваться все равно стоит.

«Сероводородный» и «тухлый» – это было про меня. Здравсьте-приехали! В лучшем случае кишечник, в худшем случае – рак.

– Здравствуйте! У меня, похоже, рак, – едва войдя в кабинет, заявил я врачу.

– Обожаю своих пациентов! Все всё знают лучше меня! Диагнозы ставят на раз. И раньше, в общем-то, ставили, но с появлением интернета – у каждого по степени. Вы вот, позвольте полюбопытствовать, как диагностировали рак?

– А вы меня понюхайте!

– Раздевайтесь!

Я разделся, лег. Пожилой врач начал осматривать меня.

– Давно это у вас?

– Несколько дней.

– Другие жалобы есть?

– Кроме того, что от меня пахнет, как от бездомного пса?

– Да-да, кроме этого.

– Нет.

– Голова? Стул? Боли? Общее самочувствие?

– Нет-нет, до этого момента со мной все было хорошо.

– Ну и хорошо, что хорошо! Одевайтесь!

– Всё?

– Пока всё...

– И что вы скажете?

– Я скажу вам, что отправляю вас на чек-ап.

– Это еще что?

– Это полное, всестороннее обследование организма.

– Когда будут известны результаты?

– Если вы можете себе позволить – уже к концу дня.

– Вы отправляете меня на это обследование, потому что это рак, да?

– Я отправляю вас на это обследование, потому что врач, а не провидец.

– Но это ведь не рак?

– Я пока ничего не могу сказать.

В течение всего дня я ходил из кабинета в кабинет. Сдавал анализы, лежал в какой-то трубе. Показывался то одному, то другому врачу. Во время перерывов я выходил во внутренний двор клиники покурить. Чтобы не доставлять никому неудобств, я стоял в стороне от всех, рядом с помойкой. Рядом бегала бездомная псина, в контейнере копался бомж. Похоже, я так пристально рассматривал его, что мужик повернулся ко мне и зло сказал: «Что уставился? Это не от меня...»

Да я знаю, старик, я знаю.

В шесть или семь часов вечера позвонила мама. Спросила, почему я до сих пор не у нее? Все уже за столом! Черт, с этой вонью я совсем забыл про ее день рождения.

– Мамуля, я не приеду.

– Это еще почему?!

– Не могу, у меня важные дела.

– Почему все твои братья смогли приехать, а ты нет?

– Мам, я не могу говорить, мне пора.

– Что ж ты за человек-то такой дерьмовый, а?!

Поздним вечером того же дня врач вновь принял меня. Пожилой мужчина разложил на столе десяток каких-то листов и, несмотря на запах, который исходил от меня, предложил присесть.

– Садитесь, пожалуйста!

– Рак? – не в силах сдерживать себя, спросил я.

– Присядьте, говорю.

Я сел.

– Это результаты всех ваших анализов. Здесь снимки и заключения специалистов. Внимательно ознакомившись со всеми результатами, я могу заявить, что вы – абсолютно здоровый человек. Возможно, вы самый здоровый человек из всех, кого я когда-либо встречал.

– То есть как?

– То есть так.

– Я, конечно, извиняюсь, доктор, но от меня дерьмом несет за километр!

– Я чувствую.

– И что? По-вашему это нормально?

– Да.

– То есть, вы не знаете, почему от меня воняет?

– Думаю, это ваш нормальный запах. Возможно, мы наблюдаем за реакцией организма на какой-то стресс. Происходило ли в последнее время что-нибудь... ну скажем... экстраординарное?

– Кроме того, что от меня вдруг стало пахнуть дерьмом? Нет!

– То, что от вас сейчас так пахнет – это следствие. Нам же необходимо найти причину.

– И что вы мне предлагаете?

– Ничего. Поезжайте домой.

– К жене, которая не хочет говорить со мной?

– Я не семейный психолог.

– Вы понимаете, что меня сегодня чуть с работы не уволили?

– Могу представить.

– Неужели вы не чувствуете, как от меня несет?

– Очень даже чувствую.

– И что?

– И ничего. Повторяю, вы абсолютно здоровый человек.

* * *

Утром я вновь отправился в клинику. На этот раз в другую. Медсестра в приемном покое читала «Парфюмера». Вот уж от чего по-настоящему несло. Когда я подошел ближе, она чуть со стула не упала.

Пройдя обследование заново, сдав все возможные анализы, я получил идентичный результат – здоров. Без пяти минут олимпийский чемпион.

Я вышел на улицу, достал сигареты. Рядом со мной курили два санитары, травили анекдоты.

– Приходит мужик к врачу. Говорит: «Доктор, как видите, у меня изо лба начал расти хер, что делать?» Доктор смотрит, думает минут пять и отвечает: «Езжайте в Париж!» Мужик сердится: «Какой Париж? У меня хер изо лба растет! Какая, к херу, Франция?» – «Ну не знаю, – отвечает врач, – не верите мне – сходите к другому врачу». Мужик идет к другому. «Доктор, у меня хер изо лба растет. Что делать?!» Врач думает и советует: «Вам бы, конечно, в Рим». – «Вы что, сговорились все? – возмущается мужик. – У меня хер из головы торчит как рог, а вы мне про Париж и Рим!» – «Ну не знаю, что вам еще посоветовать. Езжайте в Москву, возможно, светила вам что-то другое подскажут». Ну и вот мужик с хером во лбу едет в Москву. Приходит к главному врачу страны и прям на колени падает: «Доктор, умоляю, помогите! У меня хер изо лба растет, а врачи советуют путешествовать. Говорят, езжай в Рим, в Париж!» – «Глупости! – отвечает старый эскулап. – Никакие Париж и Рим вам не нужны!» – «Ну слава богу! – радуется мужик. – Хоть один нормальный врач! Так а что мне делать?» – «Я рекомендую вам незамедлительно лететь в Лондон...» – «Лондон? Да какой Лондон?! У меня хер изо лба растет!» – «Голубчик, у вас скоро яйца из глаз полезут – вы хоть на мир посмотрите!»

Санитары смеются, принимают. Я курю. Мне хочется сходить в какой-нибудь бар, выпить, но я не уверен, что мое появление там хоть кого-нибудь обрадует.

Настя пишет лишь раз: «Ну как ты там, вонючка?». «Пахну», – отвечаю я.

Сев в машину, я долго не решаюсь повернуть ключ. Пахнет «елочкой». Я не знаю, куда мне ехать. В гостиницу не хочется, домой тоже. Мне нужно куда-нибудь, где нет людей. С другой стороны, думаю я, переживать не стоит. Ерунда. С кем не бывает? Всё это пройдет, обязательно пройдет! Быть может, мне действительно необходимо отдохнуть, взять отпуск, слетать куда-нибудь, если меня, конечно, в самолет пустят...

* * *

Нет. Я никуда не лечу. Не хочу. Неделю я провожу в номере и никуда, никуда не выхожу. Все это мало походит на шутку. Мне постоянно звонят журналисты.

– А чем от вас теперь воняет?

– Откуда у вас мой телефон?

– Нам дал ваш лечащий врач.

– Какой из?

– Не важно. От вас теперь пахнет яичками или кипяченым бельем? Мы хотим пригласить вас в студию.

Я заказываю еду в номер, смотрю телевизор. Дня через два в одном ток-шоу действительно обсуждают меня. Я ем салат и слушаю известного адвоката:

– Даже у дерьмовых людей есть права!

– Минуточку! – перечит какая-то певица. – Вы, либералы, совсем уже потеряли связь с реальностью! От человека пахнет дерьмом! Человек всем мешает! Рядом с ним невозможно

находиться. Если я прихожу в ресторан, и там сидит такой человек, почему я должна это терпеть? Я считаю правильным, что его уволили!

Так я узнаю, что меня уволили. Я откладываю в сторону тарелку, пытаюсь дозвониться шефу, но шеф не отвечает. После рекламы в студии появляются мои мама и жена. Женщины солидарны. Они уверены, что наружу прорвалось мое нутро. Настя говорит, что я никогда не был чутким. Последние годы я думал только о себе. Она говорит, что я постоянно требовал от нее ребенка, совершенно не задумываясь, что после родов изменится ее грудь. Мама соглашается и добавляет, что я всегда думал только о деньгах. Уже в школе, вместо того чтобы играть с мальчишками во дворе, во время каникул я подрабатывал на складе. Меня всегда интересовали только деньги, говорит моя мама, и больше ничего.

– Мой сын всегда думал, что любовь можно купить. Вот другие его братья всегда приезжали ко мне, мы садились за стол, выпивали, а Максим всегда работал. Он посчитал, что я буду рада, когда подарил нам новую квартиру, но меня и наша вполне устраивала! Он постоянно стремился отправить нас на отдых за границу. Франция, Италия. А я всегда считала, что у нас в Крыму не хуже! А на последний мой день рождения он вообще не явился!

Я ложусь на кровать, смотрю в потолок. До свиданья, старая жизнь, здравствуй, новая, дерьмовая.

* * *

Гостиница просит покинуть номер. Жена подает на развод. Требуется компенсация. У нее собственная «Школа лидерства». Говорит, я подорвал ее репутацию.

Вещи собрать не разрешает. Утверждает, что выбросила их еще на прошлой неделе. Я стою перед подъездом, смотрю на свое окно. Там тени. Две. В квартире теперь кто-то еще. Квартира, между прочим, моя. «Тебе все равно никто не позволит здесь жить! – утверждает жена. – Соседи против!»

Рядом с помойкой, промокший, спит молодой пес. Тот самый, которого я хотел подобрать. Я подхожу к нему и беру на руки. Пес лижет меня.

Мы садимся в машину и едем прочь.

* * *

Через два дня останавливаюсь у моря. Я снимаю дом и выпускаю пса. От меня плохо пахнет, но я объясняю хозяину, что это из-за дороги.

– Да ладно, Макс, что ты мне втираешь? Про тебя знает вся страна!

Мы живем вдвоем. Я не вижу никого, кроме пса. Продукты оставляют у забора.купаюсь я под звездами, по ночам.

По вечерам, когда я читаю, пес вылизывает меня. С ног до головы. Вы там, в своих городах, умиляетесь, выкладываете видео, на которых собаки вылизывают младенцев, но вам было бы полезно знать, что псины делают это не по любви, но потому только, что вылизывают человеческий запах. Ничего не должно остаться от человека. Ничего. И Кристо лижет меня. Мои руки, предплечья, спину.

* * *

Так я и живу. Читаю, ловлю рыбу, занимаюсь садом. Иногда хозяин дома навещает меня. Мы играем в шахматы, и однажды я осмеливаюсь спросить:

- Как ты терпишь меня?
- А с чего ты взял, что я терплю?
- Но ведь воняет от меня.
- Нет, уже давно нет.
- Как это нет?
- Когда собака в последний раз вылизывала тебя?
- Не знаю, наверное, еще до зимы. Кажется, в конце ноября.
- Вот тебе и ответ.
- Значит, я могу возвращаться к людям?
- А оно тебе надо?

Конечно, да. Для проверки я еду в райцентр. Подхожу к незнакомым людям. Говорю: «Понюхайте меня!». Прохожие не узнают во мне дерьмового человека, а потому всё больше сторонятся. Теперь я кажусь им не вонючим, но странным. Так или иначе, спустя несколько часов я убеждаюсь, что от меня больше не пахнет. И я возвращаюсь в Москву.

Первым делом я нахожу врача.

- Чувствуете? – спрашиваю я.
- Нет, ничего не чувствую! Так что поздравляю вас.

Он поздравляет меня, но я-то спрашивал не о том. Я спрашивал, чувствует ли он, что теперь пахнет дерьмом. Но он нет, он не чувствует.

И я еду на работу и захожу в кабинет к шефу.

- Чувствуете? – спрашиваю я.

Но он тоже не чувствует. Ни он, ни его зам, ни все мои бывшие коллеги, а между тем в этом офисе совершенно невозможно дышать.

- Чувствуешь? – спрашиваю я у жены.
- Нет, – отвечает она, хотя наша квартира, кажется, полна дерьма.
- Совсем ничего не чувствуешь?
- Нет, Максим, кажется, от тебя больше не пахнет.

Это верно. От меня больше не пахнет. Это да.

Ну вот. Теперь вы знаете, как я перебрался сюда. Чтобы хоть как-то зарабатывать, мы с хозяином дома придумали один фокус. Перед забором стоят бочки с навозом. Туристам, которые время от времени добираются сюда, мой друг предлагает посмотреть на знаменитый дом дерьмового человека. От бочек несет так сильно, что туристы отдают оговоренный гонорар поводыря и не решаются идти дальше. Этих денег нам здесь более чем хватает.

Вот, собственно, и всё. Только никому не рассказывайте! Не выдавайте меня! А будете в наших краях – милости просим! Заезжайте в гости, здесь прекрасно дышится.